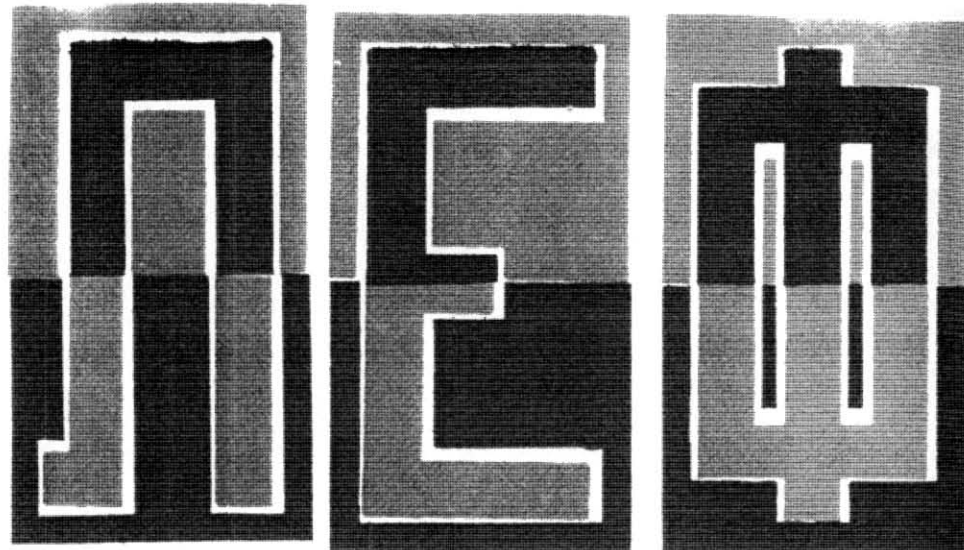

70 11847

© 1970 Wilhelm Fink Verlag, München 23
Gesamtherstellung: Graphischer Großbetrieb Friedrich Pustet, Regensburg

В НОМЕРЕ:

„ЯЗЫК ЛЕНИНА“

**В. Шоловский,
Б. Эйхенбаум,
Ю. Тынянов,
Л. Якубинский,
Б. Казанский,
Б. Томашевский.**

ЛЕФ

ЖУРНАЛ
ЛЕВОГО ФРОНТА

ИСКУССТВ

№ 1 (5)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. В. МАЯКОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

05

1

ПРАКТИКА

ПЕСНЯ ЧЕРВОННЫХ КАЗАКОВ. Д. Петровский.

Набор под руководством Зав. Наб. Отд. т. Лентовского П. И.
Набор обложки и титула т. Виноградов, М. К.
Верстка тт. Мягкова, С. А. и Иванова, В. Я.
Печать—под наблюд. машиниста т. Сазонова, А. С.
Печать обложки—т. Князев.
Обложка и монтаж—Редченко.

Песню запевают запевалы,
Пики застромили в стремена.
Тянут, затевают что-то дале,
Переледенели удила:

— Не буди меня жена по рану
Не проснусь,
Положи головушку на рану,
Дрогнет ус,

Дрогнет,
Обовьется вокруг уст:
Нет, не вспоминай ты нас,
Девья грусть.

Завтра белым зашшкой
Прибегу
Яблоню в чужом саду
Обгрызу

Не цвести ей веснами
Под окном.
Едем в гиком песнею
Подо Льгов.

Подо Льговом лебеди
Бьют крылом,—
Нас и не заметили
Под селом.

Вьюгом облеплены
Не в седле,

А на белометегах
Да в селе.

Что головки свесили? —
Шевелись:
Дует вьюга пепелом
Жаром искр.

Белым взоры-оченьки
Замела —
Встала вражья ноченька
У села.

Посыпай, посыпушка,
Посыпай —
Лети вслед на цыпочках,
Не ступай:

Там где конь копытами
Твердо встал
Вьюгой-агой засыпана
Не верста.

Не версту воробушки
Поклюют —
Солнце на веревочке,
В руках кнут.

Вноси ка, коники,
Следу нет,—
Нету в бабьем соннике
Наших лет.

Чекувамбыр-вамбимбир
Вамбумбир —
Где нам, братцы, бабу бы
Раздобыть:

Девки косы белые
Состригли,
Три года с неделю
Берегли.

Была коса черная —
В ночь идешь
Незаметней ворона
Обоймешь,

Облетели волосы
От беды,

Выпей хоть для голоса
Вот воды.

Ведро у колодезя
Знай гремят,
Журавлиным голосом
Говорят:

Пей ты коник, пей воду
Да со льдом
Нет мово хозяина
Сто годов.

Погожу — не едет ли
Сокол мой,
Погляжи не этот ли
Мой да твой

Отвечает девушке
Казачок:
Конь мой, моя лапушка
Ни при чем.

Я твое хозяина
Раз видал
Дай ка леду-холоду
Из ведра —

Он на белой горочке
Там лежал.
Лисы, волки чалились
Поприбрать.

Стала, запечалилась
Подперлась
Да как грохнет ведрами
Раз да два.

Чекувамбыр, вамбимбир
Вамбумбир
Где нам, братцы, баб теперь
Раздобыть.

05 007

Г И М Н 40-ЛЕТНИМ ЮНОШАМ.

В. Каменский.

Мы в 40 лет — гра-та—
Живем, как дети,
Фантазия и кружева у нас в глазах.
Мы все еще

Тра-та-та-та—
В сияющем расцвете
Цветем три четверти
На конструктивных небесах.
В душе без пояса,
С заломленной фуражкой,
Прицелкивая языком,

—Чча-чча—
Работаем, свистим
И ухаем до штата Иллинойса.
И этот штат, как будто нам знаком
По детскою географии запряжкой.
Мы в 40 лет —

—бамм-бумм—
Веселые ребята
С опасностями на обум
Шалим с судьбой — огнем:
Куда и где нас ни запрятать
Мы все равно не пропадем.
Нам молодость дана была не даром
И не зря была нам дорога —
Мы ее схватили за рога
И разожгли отчаянным пожаром.
Нна! Ххо!
Наделали дделов!
Заворотили кашу
Всяческих затей.
Вздыбили на дыбы Расею нашу
Ешь и пей,
Смотри и удивляйся:
Вчерашние рабы —
Сегодня все — взъерошенный репей.
Эй, хабард!
На головах, на четвереньках,
На стертых животах ползаем,
С гармошкой в наших деревеньках
Вывозим на поля назем.

Мы в 40 лет
—ой-ой—

Еще совсем мальчишки
И девки все от нас
Спасаются гурьбой,
Чтоб не нарваться в зной
На буйные ивашишки.
Ну! Берегись!
Куда девать нам силы
Волнует кровь стихийный искромёт —
Медведю в бок,
Шутя втыкаем вилы,
Не зная деть куда 40-летний мед.
Мы право же совсем молокососы,
Мы учимся, как надо с толком жить,
Как разрешать хозяйские вопросы:
Полезней кто — тюлени аль моржи.
С воображеньем мы способны
Скакать на цирковом седле
Без всякого резона
И мы читаем в 40 лет
В картинках Робинзона.
И это наше детство — прелесть,
И это наше счастье-рай,
И в этом наш апрель весь —
Весна в цветах — кувыржайся, играй!

Эль-ля, эль-ле!
Брианта взвей на вольность!
Лети на всех раздутых парусах!
Ты встретишь впереди таких же —
У кого конструкции в глазах.

Эль-ля, эль-ле!
Мы в 40 лет юнцам —
Вертим футбол, хоккей,
Плюс абордаж.
А наши языки поют такие бой-брадам
Жизнь за которые отдашь!

Эль-ля, эль-ле!
Брианта ормч рамурда,
Завзы, навзы,
И ормч, и чамардашм.
Эрга, эрга, зовурда.
Ббапм и ббапм. Эгэч-ч-ч!

ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ.

Борис Пастернак.

Ахейцы проявляют цепкость.
Идет осада, идут дни,
Проходят месяцы и лета.
В один прекрасный день пикеты,
Не чуя ног от беготни
Приносят весть: сдается крепость.
Не верят, верят, жгут огни,
Варывают своды, ищут входа
Выходят, входят,—идут дни,
Проходят месяцы и годы.
В один прекрасный день они
Приносят весть: родился эпос.
Не верят, верят, жгут огни,
Нетерпеливо ждут развода,
Слабеют, слепнут,—идут дни
И крепость разрушают годы.

Мне стыдно и день ото дня стыдней,
Что в век таких теней
Высокая одна болезнь
Еще зовется песнь.

Уместно ли песнью звать сущий содом,
Увоенный с трудом
Землей, бросавшейся от книг
На пики и на штык?

Благими намереньями вымощен ад.
Установился взгляд,
Что если вымостить ими стихи —
Простятся все грехи.

Все это режет слух тишины,
Вернувшейся с войны,
А как натянут этот слух
Узнали в дни разрух.

В те дни на всех припала страсть
К рассказам, и зима ночами
Не уставала вшами прясть.
Как лошади прядут ушами.

То шевелились тихой тьмы
Засыпанные снегом уши,
И сказками металась мы
На мятных пряниках подушек.

Обивкой театральных лож
Весной овладевала дрожь.
Февраль нищал и стал неряшлив.
Бывало крякнет, кровь откашляв,
И сплюнет, и пойдет тишком
Шептать теплушкам на ушко
Про то да се, про путь, про шпалы,
Про оттепель, про что попало,
Про то как с фронта шли пешком,
Уж ты и спишь и видишь рожь,—
Рассказчику ж и горя мало:
В ковшах оттаявших калош
Припутанную к правде ложь
Глокает платяная вошь
И прясть ушами не устала.

В ушные раковины сна
Из раковин водопровода
Перекачала тишина
Все шопоты золы и соды.
Их шум, попавши на вокзал,
За водокачкой исчезал,
Потом их относило за лес,
Где сыпью насыпи казались,
Где между сосен, как насос,
Качался и качал занос,
Где рельсы слепли и чесались,
Едва с пургой соприкасались,
Где слышалось: вчерась, ночесь,
— И в керенку ценилась честь...
Поздней на те бережки, горьки
Взглянул прямолинейно Горький.

А сзади, в зареве легенд
Идиот, герой, интеллигент
В огне декретов и реклам
Горел во славу темной силы,
Что потихоньку по углам
Его, зазнавшись, поносила
За подвиг, если не за то,
Что дважды два не сразу сто.

А сзади, в зареве легенд
Идиот, герой, интеллигент

Печатал и писал плакаты
 Про радость своего заката.
 Над драмой реял красный флаг.
 Он выступал во всех ролях
 Как друг и недруг деревенек,
 Как их слуга и как изменник.

А позади, а в стороне
 Рождался энос в тишине.

Обваливайся мир и сыпья,
 Тебя поделушивает пыль.
 Историк после сложит быль
 О жизни, извести и гипсе.
 Ведут свой собственный архив
 Пылилки, забываясь в уши
 Органных труб и завитушек.
 Лепные хоры и верхи
 Оштукатурены це-дуром;
 Для них—пустая процедура
 Произношенье звуков вслух.
 К такой щекотке мусор глух.
 Но вдохновенья, чей объем
 Одушевляет даже бревна
 Улавливает он любовно
 Всепожирающим чутьем.

В край мукосеев шел максим,
 Метелью мелкою косим.
 Мелькали баки и квадраты
 Крича—до орочного возврата!
 В сермягу завернувшись, смерд
 Смотрел назад, где север мерк,
 И снег содерничал в усердьи
 С сумерничавшею смертью.
 Там, как орган, во льдах зеркал
 Вокзал загадкою сверкал,
 Глаз не смыкал и горе мыкал
 И спорил дикой красотой
 С консерваторской пустотой.
 Порой ремонтов и каникул.
 Невыносимо тихий тиф,
 Колени наши охватив,
 Мечтал и слушал с содроганьем
 Недвижимо дышащий мотив
 Сыпучего самосверганья.
 Он знал все выемки в органе
 И пылью скучивался в швах
 Органных меховых рубах.

Его взыскательные уши
 Еще упрашивали мглу
 И капли сырости в углу
 И лед и лужи на полу
 Безмолствовать как можно суше!

А за Москва-рекой хорьки,
 Хоралу горло перегрызши,
 Бесплотно пили из реки
 Тепло и боль болезни высшей.

Мы были сумеркам с руки:

Терзались той же страстью крысы.
 Ведь и у них талант открылся
 И тиф у кассы с ними грызся
 С контрамарке на концерт.

И тут сумерничала смерть.

Мы были музыкой во льду.
 Я говорю про всю среду,
 С которой я имел в виду
 Сойти со сцены, и сойду.

Здесь места нет стыду.

Я не рожден, чтоб три раза
 Смотреть по разному в глаза
 Еще бессмысленней, чем песнь
 Тупое слово враг.—
 Гошу.—Гостит во всех мирах
 Высокая болезнь.

Всю жизнь я быть хотел как все,
 Но век в своей красе
 Сильнее моего нитья
 И хочет быть как я.

Мы были музыкой объятий
 С сопровождением обид.

Бывало в том конце слободки,
 Со снегом реденьким в щепотке,
 Мелькнет с мужчиной, как сквозь хмель,
 Смущающаяся метель.
 И тут же резвую хвостунью

Возьмет на воздухе раздумье:
 Чем эту пропасть крыш завять?
 Там вьюшки. Вязью их не взять.
 Дрова, деревья, дровни, рынок,—
 А в воздухе пять шесть снежинок,
 А душ, а крыш,—в глазах рябит!
 Робеет снег,—казаться стыд.
 Но скоро открывает иней,
 Что нет под крылышками стрех
 Ни вьюшек ни души в помине
 И снегу жаловаться грех.

И осмелевши, крепнет снег,
 Скользя с притворным интересом
 По подворотням и по рельсам
 И хлопья врут бог знает что,
 Облапив теплое пальто,
 Плетут и распускают петли...
 Вы смажете: как снег приветлив!
 Дай бог ему за то—но вдруг
 Откуда-то, как в бочку бондарь,
 Ударит буря и помедлив,
 Ударит пуще, и на стук
 Бурану отплет испуг,
 И в дверь ворвется ипохондрик
 И вырвет дверь у вас из рук
 Вы вскрикнете—как привередлив!
 Да знаете ли вы!—но вдруг
 На помертвелом горизонте—
 Оглядываясь на бегу...
 Попробуйте ка, урезоньте
 В такую непроглядь, в пургу
 В вас втюрившуюся каргу!
 Тогда стремительно и метко
 Зачерчивая вечер в клетку,
 Взивалось в воздухе лассо
 Сухих строительных лесов.
 Рождалось здание за лесами
 С распущенными волосами
 И страсть народу волоклось
 В седых сетях ее волос.
 И—в капоре пурги тогдашней,
 Сквозь мглу распахивались нам
 Объятья Сухаревой Башни
 Простертые, как Нотр Дам.
 О раздираемый страстями
 Стан, сумасшедший как обвал
 В те ночи кто с тобой не спал,
 Разыскиваемый властями?

Кто хохот плеч твоих отверг?
 Всей необузданностью муки
 Твои заломленные руки
 Кричали вьюге: руки вверх!

Ты становилась все капризней,
 И ненасытности стропил
 Ослабевая уступил
 Последний жалкий признак жизни.
 В ту ночь в понятиях небес
 Все стало звуком: звук исчез.

Мы были музыкою чашек
 Ушедших кушать чай во тьму
 Глухих лесов, косых замашек
 И тайн, неьящихся никому.

Трещал мороз и ведра висли.
 Кружились галки,—и ворот
 Стыдился застуженный год.
 Плечо нуждалось в коромысле.
 Мы были музыкою мысли,
 Наружно сохранявшей ход,
 Но в стужу превращавшей в лед
 Заслякоченный черный ход.

Потом двенадцать полных лун
 На нем безмолвствовал колун.

С исчезновенья фонарей
 Воображенью пустырей
 Все стало представляться звуком,
 И даже сумрак у дверей
 С исчезновеньем фонарей
 Притворства ради пахший луком.

Но я видал девятый съезд
 Советов. В сумерки сырые,
 Пред тем обегав двадцать мест,
 Я проклял мир и мостовые,
 Однако сутки на вторые
 И помню, в самый день торжеств
 Пошел, взволнованный донельзя
 К театру, с пропуском в оркестр.
 Я трезво шел по трезвым рельсам,
 Глядел кругом, и все окрест
 Смотрело полным погорельцем,
 Отказываясь наотрез
 Когда-нибудь подняться с рельс.
 С стенных газет вопрос Карельский

Глядел, и вызывал вопрос
 В больших глазах больных берез.
 За день пред тем сломался Цельсий,
 Все на землю побросав с нуля:
 Стал падать снег, заплась земля,
 Упало сердце, флигеля
 И голой ростепели тельце
 Исчезло, став еще тощей
 В осколках рухнувших вещей.
 На телеграфные устои
 Сел иней сеткою густою,
 И зимний день в канве ветвей
 По давнему обыкновенью
 Потух не вдруг, как бы в ответ
 Развилью сказки. В то мгновенье
 Такою сказкою в канве
 Ветвей казаться мог конвент.
 И день потух.— Ах, эпос, крепость,
 Зачем вы задаете ребус?
 При чем вы, рифмы? Где вас нет?
 Мы тут при том, что не впервые
 Сменяют вьюгу часовые
 И в эпос выслали пикет.
 Мы тут при том, что в театре террор
 Поет партеру ту же песнь,
 Что прежде с партитуры тенор
 Пел про высокую болезнь.
 Про то, что белая горячка
 Цемент крепче и белей,
 Кто не возил подобной тачки,
 Тот испытай и побелей.

Про то как вдруг, в конце недели
 На слепнувших глазах творца,
 Родятся стены цитадели
 Иль крошечная крепостца.
 Тяжелый строй, ты стоишь Трон,
 Что будет, то давно в быдом.
 Но тут и там идут герои
 По партитуре, напролом.
 Однажды Гегель ненароком
 И вероятно наугад
 Назвал историка пророком,
 Предсказывающим назад.
 Теперь сквозь строй его рапсодий
 Идут герои напролом.
 Я сам немножко в этом роде
 И создан под таким углом.

Чем больше лет иной картине,
 Чем наша роль на ней бледней,
 Тем ревностнее и партийней
 Мы память бережем о ней.

Из этой умудренной дали
 Не видишь пошлых мелочей.
 Забылся трафарет речей
 И время сгладило детали.
 А мелочи преобладали.

Уже мне не прописан фарс
 В лекарство ото всех мытарств.
 Уж я не помню основанья
 Для гладкого голосованья.
 Уже я позабыл о дне,
 Когда на океанском дне
 В зияющей японской бреши
 Сумела различить депеши
 (Какой незванный водолаз!)
 Класс опрутов и рабочий класс.
 А я пред тем готов был клясться
 Что Геркуланум факт вне класса.

Но было много дел тупей,
 Классификации Помпей.
 Я долго помнил на зубок
 Кошунственную телеграмму:
 Мы посылали жертвам драмы
 В смягченье треска Фузи-Ямы
 Агитпрофсоюзевский лубок.

Проснись поэт и суй свой пропуск,
 Здесь не в обычае зевать.
 Из лож по креслам скачут в пропасть
 Мста, Ладога, Шексна, Ловать.

Опять из актового зала
 В дверях, распахнутых на юг,
 Прошлось по лампам опахало
 Арктических Петровых вьюг.

Опять, куда ни глянешь сыро.
 По всей стране холодный пот
 Струится, заливая дыры
 С родством сросшихся слобод.

Опять фрегат пошел на траверс,
Опять, хлебнув большой волны
Дтя предательства и каверз
Не узнает своей страны.

Все спало в ночь, как с громким порском
Под царский поезд до зари
По всей окраине приморской
По льду рассыпались псарн.

Бряпанье шпор ходило горбясь
Преданье прятало свой рост
За железнодорожный корпус
Под железнодорожный мост.

Орлы двуглавые в вуали
Вагоны Пульмана во мгле
Часами во поле стояли
И мартом пахло на земле.

Под Порховым в брезентах мокрых
Вдувавшихся верст за сто вод
Со сна на весь Балтийский округ
Зевал пороховой завод.

И уставал орел двуглавый,
По Псковской области кружа,
От тихой плавности облавы
Неведомого мятежа.

Ах, если бы им мог попасться
Путь, что на карты не попал!
Но быстро таяли запасы
Отмеченных на картах шпал.

Они сорта перебирали
Исчипанного полотна.
Везде ручки вдоль рельс играли
И будущность была мутна.

Сужался круг, редели сосны,
Два солнца встретились в окне.
Одно всходило из-за Тосно,
Другое заходило в Дне.

„Вечер книги“.

Клубом Академии Коммунистического Воспитания имени Н. К. Крупской приготовлен художественный вечер посвященный книге. Вечер разбит на два отделения. В первом отделении демонстрируется парад печатников (процесс изготовления книги), парад библиотек, лекция буржуазного профессора, выбор книг неумелым читателем, хоровые песни о книгах. Эти номера связаны комическими антра 2-х рыжях, конфеирирующих первое отделение. Во втором отделении со зрителями устраивается обсуждение правил продуктивного чтения, а затем демонстрируются живые рецензии на ряд книг. В основу сценария рецензий положена борьба между „Трестом Д. К.“ („Долой коммунистов“) и героями Красных Дьяволят-Оводом и Следопытом. В числе действующих — Нат Пивкертон, Бог Саваоф, Мадам Вербицкая, Тарзан. В антракте - интермедия возле выставки убитых книг. Вечер является опытом проведения массовой агитации за книгу.

В постановке помимо сценических приемов использована физкультура, трудовые движения, военный строй, введен короткий доклад о значении книги, как орудия классовой борьбы. По ходу действия в середине вечера проводится беседа со зрителями. Вечер иллюстрируется большим количеством плакатов и лозунгов.

Исполнители-студенты Академии. Вечер организован силами драматического, образительного и хорового кружков по инициативе и указаниям ячейки РКСМ. Участвует около 100 человек. 15 апреля вечер демонстрировался для красноармейцев и полит-работников Московского гарнизона, 17 апреля для рабочих электрической станции. Художественный организатор вечера Вит. Жемчужный, материальное оформление Вар. Степановой. Текст по сценарию т. Жемчужного изготовлен в Дето Агиток т. т. А. Иркутовым, В. Никулиным и Романом.

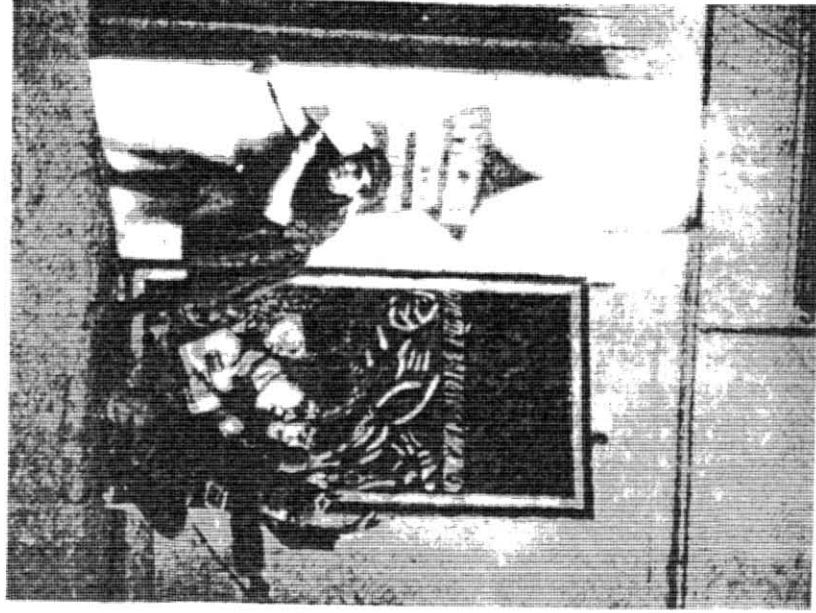
Этот вечер следует признать чрезвычайно удачным опытом в области клубно-художественной работы. Самая форма этого вечера уводит наши художественные кружки от подражания профтеатру и позволяет объединить в работе над общей темой всех членов клуба. Этим вечером клуб Академии Коммунистического Воспитания им. Н. К. Крупской наметил новый этап в деле массового художественного агит-воздействия.

Текст вечера с иллюстрациями В. Степановой издается „Красной Новью“.

„ВЕЧЕР КНИГИ“

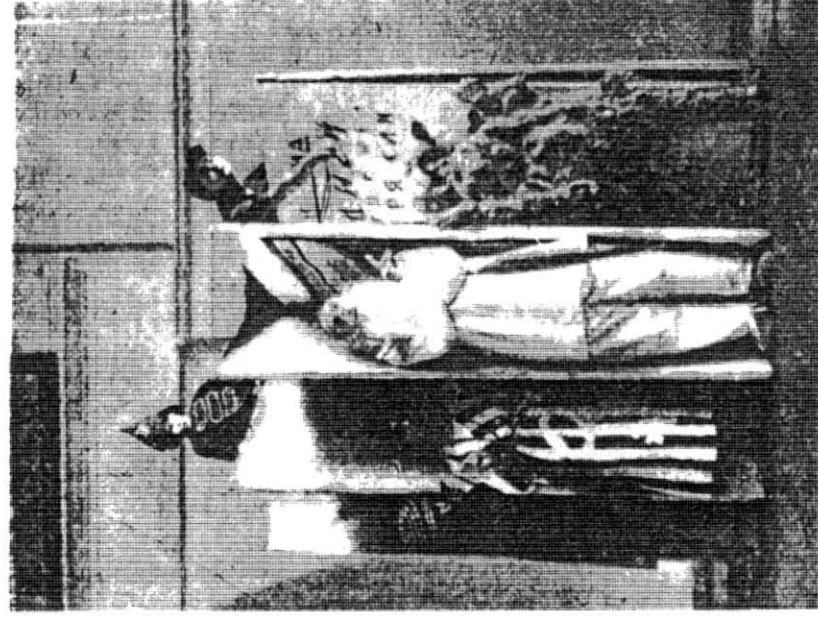
„Марам Вербицкая“

„Следопыт в лапах Пимкертонна“

В. ЖЕМЧУЖНОГО

ПОСТАНОВКА

„Дьяволяга на-ченуи“

„Трет вьслеземен“

и В. СТЕПАНОВОИ

05 021

„Не в театре, а в клубе!“

Театр бьется в своей коробке и не может из нее вылезть. Не помогают никакие конферансье, никакие прохождения через публяку, выезды „на местах“, злободневные вставки и т. п. вылазки крепко замурованного рампой актера.

Пробовали взрывать „изнутри“. Неудачно. Динамитчики-взрыватели добросовестно растрачивали свои запасы динамита,—но результат получился неожиданный:

Вместо взрыва — блестящий фейерверк во славу все той же театральной твердыни (см. „Лес“ Мейерхольда, „Гроза“ Тварова и пр.).

Да надо ли взрывать театр? Пусть стоит архаичным памятником искусства и старины.

Новая театральность сформируется без него и вне его,— не в специальных театральных коробках, а в гуще зрителей,— в клубе!

Конечно, не на старых клубных сценах, тужащихся подразить „настоящим“ театром, а в наших новых клубах свободных от актрадиций.

Здесь нет пьес,—одни сценарии.

Не злободневные вставки, а насквозь злободневный текст.

Не „общение“ актера с народом, а кровная связь.

Не припиливание агит-флажков, а единое агит-задание.

Не казуистическая мотивировка, чем полезен народу Островский, а ясный утилитаризм.

Не бутафория, а реальность.

Не потешные огни неудачливых взрывателей, а живой огонь современной театральности.

У нового клуба есть союзники в театральном мире. Это цирк и эстрада.

У них то, что ему надо.

Их же живой водой собирается омолаживаться и театральный старец.

Но,—помните? в сказке:

„Прыгнул царь в котел и сварился.

А иванушка-дурачек вышел из котла красивым и умным“.

Брик.

Р Ы Ч И К И Т А Й.

С. Третьяков.

I.

С т е н ь

У Китая много тяжелых стен
Цапают небо зубами за кожу.
Китай устал.

Китаю постель —

Меж стен пустыня постлала ложе.

Желтый лесс —

Земляное сало,

Чтобы колес

Грохоталь не бряцала.

Жирный лесс

Родит рис.

Водоемных колес

Взмах вверх,

Взмах вниз. —

И зеленый рисовый мех

Растет.

Рис, питай

Китай

Арба, катай

Китай.

II.

Синий мужик.

Пятьсот миллионов душ.

Солнце и сушь.

Глаза задери — желть и синь.

Глаза хоть годами по сини носи.

А ниже —

Синий китаец на почве рыжей.

Юлит, городит.

Строгает, копает.

Века позади

Века впереди

И ежедневно тупая.

Воит, сеет.

Труд жесток.

На юг,

На север,

На запад,
На восток.
Из неба накроена
Синяя блязь.
За войнами войны
Прошли клубясь.
Из лессовой глины
Скуластый лик.
Кроткий, пчелиный
Труд велик.
Попади победитель в эту страну
Опары не сдвинешь — пойдешь ко дну.
В чинных детях одохнет разгул.
Глаза замесятся паром скул.
Иди ищи родовые ключи.
Внучат от китайцев, поди различи.
Все растворится, размякнет, растает
В крепко замешанной гуще Китая.

Был —

Бой:

Сабельный жиг.

Есть —

Голубой

Муравейный мужик.

Его, мужика,

И вкрутую и всмятку,

Тычком в бока,

Бамбуком по пяткам.

Любителей — кадры:

Отцы —

Императоры

Генералы

Купцы

И всех мастей чинодралы.

Жратвой и жиром себя нагрузив,

В паланкинах — на нем — по желтой грязи.

Есть хочешь?

Глину грызи!

А вези.

И везет пестропузье кровососейшей оперы

Арбу

На горбу

Дожит пеший,

В мужицкий кулак зажимая копперы¹⁾

И кеши²⁾.

¹⁾ Коппер — наших полкопейки.

²⁾ Кеш — $\frac{1}{10}$ часть коппера. Медяк с дырочкой. Носится на ниточке бараночными связками.

III.

Квартал.

Много стен у Китая
Небо зубами хватают.
Но одна —

Зубами рвет хлеб изо рта

Эта стена —

Посольский квартал.

В самом сердце в Пекине

Затаил динамит арсенал.

До пустыни тени закинет,

До Тибета страну осеня.

На этой стене —

„рыжих дьяволов“ флаг.

За этой стеной —

тугой кулак.

Из-за этой стены сквозь зубы

Китаю:

„Цуба!“¹⁾

Стене родня — конторы и банки.

Стены сыновья — конторы и копи.

Французы

Японцы

Янки —

Надрезают,

Сосут,

Копят.

За этой стеной шик и лак манер.

На этой стене — приклады солдат.

Из-за этой стены — престобрюхий гад

Миссионер.

Рис. Чай. Уголь. Шелк.

Шел хорошо.

Китай молк.

И свои и чужие залпывшие в сале

Мышцы Китая с чавком сосали.

Но раз на плевки сквозь зубы:

„Цуба!“

Ответил Китай —

(Был такой год)

Бодро и бойко:

— Бойкот! —

¹⁾ Цуба — Долой! Убирайся!

IV.

Романсы.

Это я в квартальный уют
От лица китайцев пою.
Это я в арсеналью дыру
От лица китайцев ору.
В обмен на тысячи плюх
Жадным зубом пера скриплю.

V.

Рикша.

У американцев толстая подошва.
Толстая подошва —
Ничего хорошего.
Если рикше подошвой в бок —
В горле клубок.
Американский сапог —
Слоновые бивни.
Жара — 50.
Плата — гривенник.
Скучно возить.
Трудно возить.
Сто фунтов пота спрятал в грязи.
Сто фунтов в банке у седока.
У рикши от бега болят бока.
Рикша молчит — хочет кушать.
Рикша слушает — у рикши уши.
Рикша тысяч народу свез
До ста.
Еще пару ног бы да хвост
Да ржать
Да кушать овес
А сдохнешь — под мост.
Просто.
Семьдесят тысяч в Пекине рикшей.
Грудью свистят к рыси привыкши.
Но —
Если голод...
Но если влоба.
Под горлом молот.
Рыгнет утроба.
Будет день их.
Рикша за поездку не спросит денег.

Крикнет рикша.
Рикша озлоблен.
Рикша на воздух кинет оглобли.
Чтоб крепче о камень хряснул ватылок.
Чтоб кровь не застыла, кровь не застыла.
А если застонет —

Садану по зубью:
Лошадиным копытом своим добыю.

VI.

Точильщик.

Слушай трубу!
Ножи точу
Железо свечу.
На моем горбу
Много железа.
Моим железом
Резать да резать.
Дуди труба.
Кричи! Кричи!
Из серой стены
Кроши кирпичи.
Точу ножи.
Точу косари
В трубу кричу.
Точу, точу.
Лучшая точка.
Острейшая точка.
Кто злобой грузен —
Ставь красную точку
Моим ножом.
То —
— Чу!
Точу.

VII.

Грузовоз.

Каменный уголь. Тяжкая кладь.
Везем. Везем.
Лямкой грудь зетекла, затекла.
Лицо — чернозем,
Сто грязей,
Хоть рожь на роже
Сей.

Будет урожай высок.
 Будет урожай сам-сот.
 Кому урожай? — рыжам.
 Рыжим и уголь движем.
 Девять черных гусей.
 Сей, урожай, сей!

Лошади дороги? —
 Впрягай людей.
 Грузи кладь.
 Надо жрать.
 Сверх наложи.
 Надо жить.
 Грузчику надо жить и тянуть.
 С детства путь.
 До старости путь.
 Лямка ребра
 До сердца проест.
 Грузчик недобрый.
 Злоба — на все.
 Рыжий!
 Пади на хутунг!¹⁾
 Вниз лицом.
 В рыжую шею въеду колесом.
 Гвоздями, колесами, голосом ржа:
 — Мой урожай!

Мой урожай!

VIII.

Навозник.

Беру навоз. Коплю навоз.
 Для редьки и лука, для риса и лоз
 И дамам белым для роз.
 Ложкой беру
 Хутунг мету
 У лошади навоз
 Хватаю на лету.
 Навоз беру.
 Навоз несу.
 Дорогой груз
 За спиной на весу.
 У кого имеется?
 Собью в плиту.
 Давай европейца —
 Поймаю на лету.

¹⁾ Хутунг — переулоч.

Кину
 В корзину.
 Будет жирный навоз
 Для китайских полей.
 Вали его.
 Давай. Не жалеи.

IX.

Водовоз.

Тачка поет:
 вжи — ззи; вжи — ззи.
 Воду, воду
 Вези, вези.
 Плечи под цепью. —
 Тачка пой!
 Везу водоной.
 Визжит водоной.
 Лохань и лохань.
 Ушат и ушат.
 Жидкой воды пятнадцать пуд.
 Люди спешат.
 Труд лют.
 Зной лют.
 Лют люд.

Воду везу. Воду везу.
 Плечи калечит цепь, цепь.
 Визжит на мясе звеньями зуд.
 Пилит пыль — морщ на лице.
 У белых, у белых сквозные шляпки.
 У белых, у белых — белые лапки.
 У белых мужчин — злые голова.
 У белых мужчин — рыжи волоса.
 Нету ходу от рыжей беды.
 Нету коры от костлявых плюх.
 В лоханях пятнадцать пудов воды.
 В ней тебя и твою утоплю.
 Белым лицом рвану по грязи.
 Вжи — ззи.
 Вжи — ззи.

X.

Фруктовщик.

Колотись
 Туп — туп — ка.
 На товар —
 Ус — туп — ка.

Сливы
Груши
Как¹⁾
Вишни
Мандарины
Мандарины
Бананы ба—
наны.....

Что потом?
Го — во — ри шопотом.
Рыжие дьяволы. Слушают.

В сливу надо
Каплю яду.

Чтобы мучил
Корчил, пучил,
Чтоб туптупку
Врезать в рубку

Топотом.
Топотом.

Вишни с кожи
С белой кожи
Продать, продать, продать

Оптом.

XI.

Цырульник.

Даззый
Брею
Даззый
Стригу.
Кто скорее их
Отметит врагу?
Грянешь битвой —
Кликни меня.
Просто бритвой
Кровь выгонять.
Сбрею вльки
Из самого рта.
Сбрею штыки.
Сбрею квартал.

¹⁾ Как — фрукты вроде сладких помидор.

XII.

Студенческая песня.

Нет. Песен нет.
Есть смех.
Оскаленные зубы,
И деловые хваткие слова
И спины для жандармских палок
И руки — Огого! — шибяющие больно,
И молодая голова.
Довольно?!?

XIII.

Анекдот.

Пекин — Мукден. Вагон ресторан.
Француз — майор влетел — таран.
Студент — китаец глотал обед.
— Пшел к чертям! Слышишь? Нет?
Место мне! Оглох? Ослеп?
И срозмаху ррыз по желтой скуле.
Это длилось один момент.
Ничего не сказал, ушел студент.
Только, может, сказал — хорошо.
И с солнцем на желтой скуле ушел.
Ушел за скулу хватаясь
Студент — китаец.
И скопом взгалдели купцы — отцы:
— Так тебе надо, сучий сын!
И гыгыкали, брылья скребя,
— Так их! цокай невеж — ребят!

Есть ли голос? И голосом выть ли?
Или ждать пружиня года?
Смеют дети обидеть родителей
Но отцы сыновей — никогда.

XIV.

Знаю.

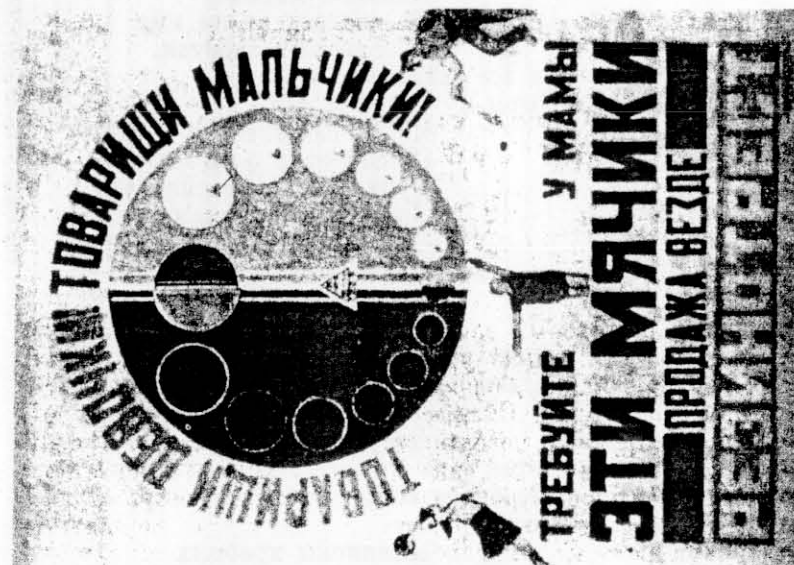
Будет. Придет день и час.
Злоба оплывется из кожи сейчас.
Красным солнцем глаза захлестнет.
В этот час никто не заснет.

ПЛАКАТЫ

Зрелищный фсто-плакат

А. М РОДЧЕНКО

Реклам-плакаты с текстом В. В. Маяковского

05 03 5

ВОЛЬНИЦА. Артем Веселый.

Буй.

Крыло из стокрылья.

П Р А З Д Н И Ч Е К .

Весна восемнадцатого. Первая на ша весна.
Кубань, Черноморье, Новороссийск, Ресефе-
серья. Пыл. Ор. Ярь. Половодье — урыни-
стан вода...

Всю дорогу разговоры в вагоне. Об чем крики. Об чем споры. Все дела в одно кольцо своди: Бей буржуев. Бей, душа с них вон. Все наше. Голова мы. Когти мы. Беломордые? Што нам беломордые. Сила наша. Всех потопчем. Всех порвем. Простонародная революция. Плач и стенанье. Песни и слезы. Навстречу под Тоннельной два эшелона попались. Урезный фронтовик. Кровь родная. Стогне Днепр, стогне широкий. И все одного направления: ж а б н у т ь. Все машут винтовками и страшными голосами эраерумских высот гукают
Долой Хвильмонова

Рви кадетню

Понзидили попили. Те-
перичко мы понзидимо Товарищи

Крой

Капиталу нет пощады

Долой.

А Хвильмонов главковерх царизма по-на-Кубани. В чине свахи гад ползучий: войсковой казачий круг с Радой опаривал. Но мы раз и навсегда против всей этой лавочки. И бои кругом рикотят: под Тихорецкой, Тимашевкой, Невинкой... Скровь бои по всей Тамани, по всей Кубани, аж до самого Терека. Диствительно долой генерала Покровского: даже вредный генерал для крестьянского народонаселения. Ду ду. Фьбюрр

Березай... Вылезай

Новороссеийский город. Станция Новороссеийская. Где комендант? Аах, братишка. Сурьезные дела. Фронтовики не подкачают. В один мент обделают дела в лучшем виде. Эх ваша благородия держис на валис. Фронтовик он... Где комендант под девято ево ребро

Есть

Здрастуйте

Ваш мандат?

Налицо.

Правильный мандат. Станничник Авдоким Гулько, как делегат за оружием. А комендант сучара развалился в мягкой кресле и языком ледве-ледве

Ни от меня зависит

Як так?

Так

Да як же

так?

Эдак

Да який же ты и комендант коли оружие немає? А ежли экстренное нападение контры?

Ни от меня зависит.

Га, чортов сынок

Плюнул делегат через коменданта на стенку. Давай в город срываться. Чи Совет рабочих солдатских. Чи Ревком. На лестницах народ. В залах народ. Руки ни пробьешь. С Черноморья мужики. Молдаване с Джубги, Дефановки, Сапсульской. Матросики шныряют туда-сюда: где-бы горилочки похрамчить. Тут-же неизвестный солдат серебряны тарелки продает. Потолкался потолкался Авдоким — ходов ни найти и пронял его такой-то ли апетит, такой апетит... Примостился на подоконнике. Хлеба отломил и токо-токо за сало... Глядь-дорогой товарищ Васька Галаган

Каже, здорово голубок

Та неужто-ж ты

живый остался?

Ээ меня ни берет ни

дробь ни пуля

Ах в бога господа мать,

рад я ужасно...

Вышел экстренный разговор. Смеется Васька откровенный друг. Подманил товарищей и давай рассказывать как с Авдокимом в трубе ночевали, как вдвоем по телеграфу город кавказский взяли. Смеются матросы — шикатурка с потолка сыпятся, советски шпалеры вянут стружкой по стенам завиваются. А в совет здешний всякая сволота понабилась. И большевики и меньшевики и кадеты и эстервы. Оружия тебе солдат не достать

Як так?

Да так

Да як же так?

Да эдак.

Ни по назначению попал И — эх сердцу стало прискорбно. Уцепил Авдоким Ваську за рукав давай молить — просить Васек товарищ подсердечный. За что мы скомдели, терхались? Долой золотую

шкурку. И зачем нам кисла меньшевицка
власть? В контрах вся Кубань — трид-
цать тысяч казаков. Што тут делать?
И как тут быть?

Успокой ты свое солдатское
сердце Христароди
Будь уверен
Оружья мы
тебе доставим

Слово олово
Действительно долой кислу
меньшевицку власть.

А совет?.. Совет чхи
будь здоров — погремущка
Вся власть в
наших руках

Хоромы, дворцы и так и далее
Обрадовался Авдоким. Так-то ли обрадовался — сало и хлеб
на подоконнике забыл. Табуном притопали в гостиницу Рос-
сия. Картинки, диваны эти самые и занавески чистый шелк.
Барахла понавалено барахла. Сюда повернется — чемодан,
туда — узел двоим не поднять. Расстегнули бутылочку, дру-
гую. Вспомнили о Васькой как на автомобиле мимо дороги
чесали — выпили. Про трубу вспомнили — еще выпили. За
поповский сапог снова выпили. И опосля того вывел Васька
гостечка дорогого через стеклянную дверь на тераску. Вывел
да и показывает

Вон немцы в Крыму.
Вон Украина страна
хлебородная.

Всю ее покорили стержозы
А
флот наш сюда отсунули
Немцы?

Немцы,
Авдоша, немцы клесть иху мать. Шлём
блем даешь флот по Брест-Литовскому.
Шалишь. Распустили мы дымок — сюда
уплывали. Выпьем вино до последнего
ведра — дальше поедем, разгромим все
берега и с честью умрем

Зачем умирать? Уме-
реть не хитро. Жить надо да радоваться.
Погляди што кругом робится...

Я? Мы?
Никогда сроду. Все прошли с боем,
о огнем. Гайдамаков били. Раду били.
Под Белградом Корнила шарашули.

С Калединым цапались. С татарами
в Крыму дрались. Офицеров топили
в пучине морской. Раз офицер — факти-
чески контрик
Бей стычка.

Бей с навесу.

Бей наотмашь.

Хрули гадов.

Ни давай курвам пощады ни
на.....волос

Справедливо дядя. Полный оборот
саботажа. Весь путь под саботажем. Мок-
роусовский отряд. Наш отряд. Черный
флот. И кругом теперь судовые комитеты
Наша бражка. Чумаза, нечосаная. Дни
и ночи у нас собранья и митинги, ми-
тинги и собранья. На дню выталькываем
по тыще резолюций: клянемся, кля-
немся и клянемся — Бей контру.
Баста...

Правильно, от Новороссийска море начинается. Корабли
гуськом. Весь Черный флот. Пушечки. Дымок. Флаги празд-
ничные. По утрам с дредноута Воля малым током радио по
всей эскадре

В
сем
всемв
семсегод
днявечеро
мвгорсадуот
крытаясценана
вольномвоздухек
онцертмитингшампа
нскоебалдоутравходе
вободныйвоенморыпригл
ашаютабезисключениядаз
дравствуедтадравствуедто
лойдолойдолойдадравствуедто
ободныйчерноморскийфлоттройка

Команды на берегу. Двенадцать тысяч матросов на берегу.
Сколько это шуму. Гостиницы и дома буржуйские ломаются.
Чи Совет? Чи Ревком? Хоромы дворцы и так далее. Лучше об
нем и не говорить и слов ни тратить. Даешь шампанского.
И кислый Совет из бездонных подвалов Абрау-Дюрсо пере-
качивал на корабли шампанское. В неделю по два ведра
на рыло. И цена подходящая. Двенадцать рублей бутылка.

Твердая цена. Хватало и водки. Николаевской белоголовой. Слезу вышибала, за сердце брала: старорежимная, злая водка. Совет чхи будь здоров — погремушка с горохом. И такое бывало. Ночью загнав всех рысаков и смеху ради перетопив лихачей в вине и керенках, подваливалась к Совету буйная ватажка, обвешанная бомбами кольтами.

Даешь авто

Тыл штатска провинция

Душу

вынем

Го го го

Даешь авто

Высунется в окошечко дежурный член в шинель одетый.

Товарищи. Я сам четыре года кровь проливал. Сам фронтовик, но автомобилей в Совете нет. Даю честное благородное слово — нет. Вы как сознательные...

Ботай.

Куда подевали?

Пропили.

Немцам берегут.

Душу выдерем

Товарищи...

Из толпы для забавы стреляли. Можбыть кверху. Можбыть в члена промахивались. Ни всякий скажем понятие о прицеле имеет. Да. А член мечет:

Я ни против. Я сам фронтовик. Вместо авто Совет выставит пятьдесят бутылок шампанс кого

Мало

Ни заливай нам.

Тоже фронтовик? — нажевал рыло-то.

Мало.

Двести

Сходились на сотне. Всяко бывало. Девочки мармуленочки до одной за моряками. Вихрем свадьбы. Сплошная гуляня. Свадебные поезда кишками. Через весь город. Сквозь. Свадьбы каждый час, каждую минуту. Кругом свадьбы. Пьянка — гулянка. Дым. Ураган. Жизнь на полный ход. Хриплые женишки. Невесты первый сорт — карамельки. Шафера, подруженьки, тетушки — честь честью. И кольца. Колец ураган. С пальцами нарубили у корнил — офицеров. Венчанье — лохмачи осипли. Музыка крышу рвет. Денег много. Все пляшут. Все поют. Дым в небо. Женится Васька на буржуйской дочке. Денежки всему шалка. Васька с Маргариточкой за красным столом сидят. Друг дружке эдак улыбаются. Маргариточка в форменке — жеников подарок.

Куражится Васька. Уцепил ее за хребет. В миндальные губки целует. Вино пьет, стаканы бьет, похваляется.

Ах и веселый-жа народ матросы. Делегат за оружием Авдоким среди них ровно ржавый курган в зеленой степи. Дума грызет — и как-бы оружием разжиться? Ждут станичники. Хотя какое тут оружие ежели Васька женится? Отгуляем, отпляшем и .. Ржет братва. На слово ни верит.

Га га га

Го го го

Ха ха ха

Васька пузырится. Васька из двух шпаллеров на спор садит в пустые бутылки поставленные на роля. Бабы визжат. Братва потешается. Четочку, ползунка, лягушечку как тряхнет — тряхнет Васька: локти на отлет

Рви ночки

Равный деньки

Папаша то есть буржуй ихний безусловно пляшет. На затылке смятый котелок. Глотка буржуйская — голянице разншенное. Рвет камаринского на демократических началах. Ржут матросики над буржуйем, подтыривают

Нет. Спой-ка ты нам яблочку

Тряхни

брылами.

Развесели гостей

Сыпь на весь

двугривенный.

Уморушка Татьянушка...

А матушка то есть буржуйка ихняя дышит над голубками. Пылью стелется.

Девушка она у меня деликатная, чуткая Гимназию с золотой медалью...

Уж вы Василий Петрович ради бога будьте с ней понежней... Она совсем, совсем ребенок

Ваську от умиления слеза прошибает

Мамапа... Да рази-ж мы ни понимаем?..

Да я в лепешку расшибусь

Маргариточка за роyleм трень-брень. Ее восковой голосок гаснет в мутном, утреннем реве

Ах ты яблочко

Д' с боку верчено

И на улице под окнами подхватывают с подвистом. Трещит выдираемая рама и в окошко рожа дико веселая

Э, да тут гулянка

Вахтаналия. Разбудил Васька Авдокима

Едим

Куда

За денюжками на дредноут Свободная Россия. Открыл Галагал сундучек кованый. Керенки, николаевски гривны, карбованцы, браслеты: все на свете. Подарил дружку бинокль Цейс на три фазы

Вот и портсигар бери. Не сомневайся—
портсигар семь каратов...

У делегата руки трясутся. Бинокль за пазуху сунул. Часы золотые утопил в кулак. Подмигнул делегат Авдошка
За два оглядка куплено?

Ни боже мой.
Грабильовки ни когда и ни где на грош
не сочинили. Все у мертвых отнято.
Скажи зачем мертвому портсигар в семь
каратов?

Показал-бы ты Вася корабль мне.
Эка машина...

Это можна.

Спускались в кочегарку. Васька сыпал:

У нас на миноносце Пронзительном из
Киевских-Харьковских сейфов 300 мест
золота на палубе без охраны валяется
Ни кто пальцем ни трогает. А ты—грабиль-
ловка... Тут браток, особый винт упора
Понимать надо

Черно. Угарно. Топки жаром плескали. Ветрогонки ревели.
Забитые угольной пылью задымленные кочегары в рука-
вицах, без рубашек. Бегали, мотались. Ширяли ломами.
Подламывали скипевшийся шлак. Из угольных ям на руках
чугунные кадки подтаскивали. Сопел, ревел огонь в топках.
Угольные лампочки тухли. Авдоким утерся

Дуже жарко

Васька близко припадая к нему кричал

Это что. Два котла пущены. Это что. Вот
когда все десять заведем УУУУУУ
жара 80. Ветрогонки стара система—
тяга слабая. Жара 80. Да ведь надо ни
сидеть платочком обмахиваться. Надо
работать без отверту, без разгибу. Ни
пот—кровь гонит с тебя...

Жизня горьки слезы

Эх

в бога господа мать пять годиков я тут
так отчубучил. Теперь свет увидал. Али
и теперь ни погулять? Первый праздник
в жизни. Едим

Прыгнули в ялик. В город поцарали. Город в огнях, в му-
зыке. Кафе, рестораны все за матросами. Черно от матросов.
Пьяно. Пыльно. Пляско. Сплошной праздник

Штатским вход воспрещен

Горсад. Куплетисты. Цыганы. И кругом дешевка. В десяте-
ром, скажем, за тысячу всю ночь гуляй с девочками, с му-
зыкой, с вином. Не любил Васька деньги перепитывать.
А денег этих самых у него с полпуда. Пропивай—ни про-
пьешь. Гуляй ни прогуляешь.

Ээх братишки в бога боженят

Нонче гу-

ляй—завтра фронт.

Пей, все равно флот

пропал

Кто там бузит?

Бей буржуев—деньги надо

На верх вы товарищи все по

местам...

Надоела вся борьба. Домой...

Ни хочешь-ли на мой?

Врагу ни сдаецца

наш гордый Варяг... Пощады ни кто ни
желааааает

Братишки, в угодников бо-
жьих в апостолов мать...

Сцена. Вальсешка. Яблочко. Танец. Две киски. Дамочки
мамочки бирюзовы васильки. Цыганка Аза в рот тебя в глаза
Рви рр рр рр рр рр рр. Равный деньки. Руби малину. Ни хо-
чешьли чаю с черной самородиной? Цыганка Аза в пере-
верт тебя... Хор цыганский

Где болит? Чего болит?

Голова с похмелья

Нынче пьем, завтра пьем

Целая неделя

Иах, давай

А ну давай

Пошевельвай давай

Иах даю

А ну даю

Пошевельваю

Даю

Даю

Даю

Пошевельваю

Наливался—наливался китаеза на голедное-то брюхо и вдруг
поперло из него все обратно: мадера, шампанское и всевоз-

можные закуски. За столом Авдоким, Васька, Ильин, Суворов, жид Абрашка-слесарь из депа, пленный мадьяр Франц. На привольном воздухе. Эх якорь глубины морской. Авдоким целует всех под ряд, сморкается в рукав:

Абрашка, дай свою черствую руку... и рассознательный-жа у вас в депе пролетарият—ох... Законный пролетарьят—из рабочава строю. Глаза страшат—руки делают. Руки ни достанут—ребрами берете. Это так. Это по нашему Шуткали? В неделю два бронепоезда сгрохали. Под Батайском, под Кореновкой шибко они нам помогли. Вот как помогли... Вася обрати внимание—два бронепоезда... В неделю два бронепоезда.

И Васька целует Абрашку, китаезу, Авдокима, шкипера Ильина, Суворова, шестерку

Пей гуляй... Нонче наш праздник... Хозяин, даешь ужин из пятнадцати блюд. За все платим. А беломордых передушим до одного. Душа с них вон. Мы...

...На горе стоит ольха
 Пох горою вишня
 Буржуй цыганку полюбил
 Она за матроса вышла
 Их давай
 А ну давай
 Пошевельвай давай
 Их даю
 А ну даю
 Пошевельваю
 Даю
 Даю
 Даю
 Пошевельваю

Распалилось сердце Васькино. На стол влез ревом
 Братишки... Слушай сюда а а а...

И начался тут митинг с слезами с музыкой

Гра
 Бра
 Вра
 Дра
 Зра
 С кровью
 С мясом
 С шерстью

И ночью же прямо из горсада на вокзал добровольческий отряд. Васьки Галагана партизанский отряд в триста голов. Ввалились к коменданту рывом

Оружья

Вынь да выложи

С нятого пути два вагона винтовок. Один Авдокиму достался. На крыши пульмановских ставили пулеметы. Грузили мешки с рисом хлебом сахаром. Китаеза работал как черт

Садииииииись

Длянь... Длянть... Длянть... Ду ду у у. Мотай Круги Винти
 Поезд мчится

Огоньки

Дальняя дорога.

05 047

1

МОЙ ПЕРВЫЙ ГУСЬ.

И. Бабель.

Из книги **КОНАРМИЯ.**

Тимошенко, нахнув шесть, встал, завидев меня, и я несказанно удивился красоте гигантского его тела. Он встал и пуриуром своих рейтуз, малиновой шапченкой, обитой на бок орденами, вколоченными в грудь, разрезал губу пополам, как штандарт разрезает небо. От него пахло недостижимыми духами и приторной прохладой мизра. Длинные ноги его были похожи на девушек, закованных до плеч в блистающие ботфорты.

Он улыбнулся мне, ударил хлыстом по столу и вдруг потянул к себе приказ, только что отдиктованный начальником штаба. Это был приказ Ивану Чеснокову выступить с вверенным ему полком в направлении Чугунов-Добрыведка и войдя в соприкосновение с неприятелем, такового уничтожить.

...какое уничтожение,—стал писать начдив и измарал весь лист,—возлагаю на ответственность того же Чеснокова вплоть до высшей меры, которого и шлепну на месте, в чем вы товарищ Чесноков, работая со мною на фронтах не первый месяц, не можете сомневаться...

Начдив шесть подписал приказ с завитушкой, бросил его ординарцам и повернул ко мне серые глаза, в которых танцовало веселье.

— Сказывай,—крикнул он и рассек воздух хлыстом.

Потом он прочитал бумагу о прикомандировании меня к штабу дивизии.

— Провести приказом,—сказал начдив,—провести приказом и зачислить на всякое удовольствие кроме переднего. Ты грамотный?

— Грамотный,—ответил я, завидуя железу и цветам этой юности.—Кандидат прав Петербургского университета.

— Ты из киндербальзамов—закричал он, смеясь,—и очки на носу... Какой паршивенький... Шлют вас не спросясь,—а тут режут за очки... Поживешь с нами, что-ль?

— Поживу,—ответил я и пошел с квартирьером на село искать ночлега.

Квартирьер нес на плечах мой котелок, деревенская уличка лежала перед нами, круглая и желтая, как тыква, умирающее солнце испускало на небе свой розовый дух.

Мы подошли к хате с расписанными венцами, квартирьер остановился и сказал вдруг с недоумением:

— Капиталь тут у нас с очками и унять нельзя. Человек высшего отличия—из него здесь душа вой. А пограбь вы мало-мало или испортить даму, самую чистенькую даму,—тогда вам от бойцов ласка...

Он помялся с моим сундучком на плечах, подошел ко мне совсем близко, потом отскочил, полный отчаяния, и побежал в первый двор. Казаки сидели там на сене и брили друг друга.

— Вот бойцы,—сказал квартирьер и оставил на землю мой сундучок—согласно приказанию товарища Тимошенки обязаны вы принять этого человека до себя в помещение и без глумлений, потому этот человек, пострадавший по ученой части.

Квартирьер побагровел и ушел не оборачиваясь. Я приложил руку к козырьку и отдал честь казакам. Молодой парень с длинными висячими волосами и с прекрасным рызанским лицом подошел к моему сундучку и выбросил его за ворота. Потом он повернулся ко мне задом и с особенной споровкой стал издавать постыдные звуки.

— Орудия номер два нуля,—крикнул ему казак постарше и засмеялся,—крой беглым.

Парень истошил нехитрое свое уменье и отошел. Тогда ползая по земле, я стал собирать рукописи и дрянные мои обноски, вывалившиеся из чемодана. Я собрал их и отнес на другой конец двора. У хаты на кирпичиках стоял котел, в нем варила свинина, она дымилась, как дымится издали родной дом в деревне и путала во мне голод с одиночеством без примера. Я покрыл сеном разбитый мой сундучок, сделал из него изголовье и лег на землю, чтобы прочесть в Правде речь Ленина на втором конгрессе Коминтерна. Солнце падало на меня из зубчатых пригорков, казаки ходили по моим ногам, парень потешался надо мной без устали и излюбленные строчки шли ко мне тернистой дорогой и не могли пройти. Тогда я отложил газеты и пошел к хозяйке, сучившей прижу на крыльце.

— Хозяйка,—сказал я,—мне жрать надо.

Старуха подняла на меня расплывшиеся белки полуослепших глаз и опустила их снова.

— Товарищ,—сказала она помолчав—от этих дел я желаю повеситься.

— Господа бога душу мать,—пробормотал я тогда с досадой и толкнул старуху кулаком в грудь—толковать тут с вами...

И отвернувшись я увидел чужую саблю, валявшуюся неподалеку. Строгий гусь шатался по двору и безмятежно чистил перья. Я догнал его и пригнул к земле, гусиная головка треснула под моим сапогом, треснула и потекла.

Белая шея была разостлана в навозе и крылья заходили над убитой птицей.

— Господа бога душу мать, — сказал я, копясь в гусе саблей, — изжарь мне его хозяйка...

Старуха, блестя слепотой и очками подняла птицу, завернула ее в передник и потащила к кухне.

— Товарищ, — сказала она помолчав, — я желаю повеситься, — и закрыла за собой дверь.

Казачи сидели уже вокруг своего котелка. Они сидели недвижимые, прямые, как жрецы, и не смотрели на гуся.

— Подходяще, — сказал один из них и зачерпнул ложкой щи. И они стали ужинать с сдержанным изяществом мужиков, уважающих друг друга. А я вытер саблю песком и вышел за ворота и вернулся снова томясь. Луна висела уже над двором как дешевая серьга.

— Братишка, — сказал мне вдруг Суровков, старший из казаков, — садись с нами есть, пока твой гусь доспеет.

Он вынул из сапога запасную ложку и подал ее мне. Мы похлебали самодельных щей и съели свинину.

— В газете-то што пишут? — спросил парень с льняным волосом и опростал мне место.

— В газете Ленин пишет, — сказал я, вытаскивая Правду, — Ленин пишет, что во всем у нас недостача.

И громко, как торжествующий глухой, я прочитал казачкам ленинскую речь.

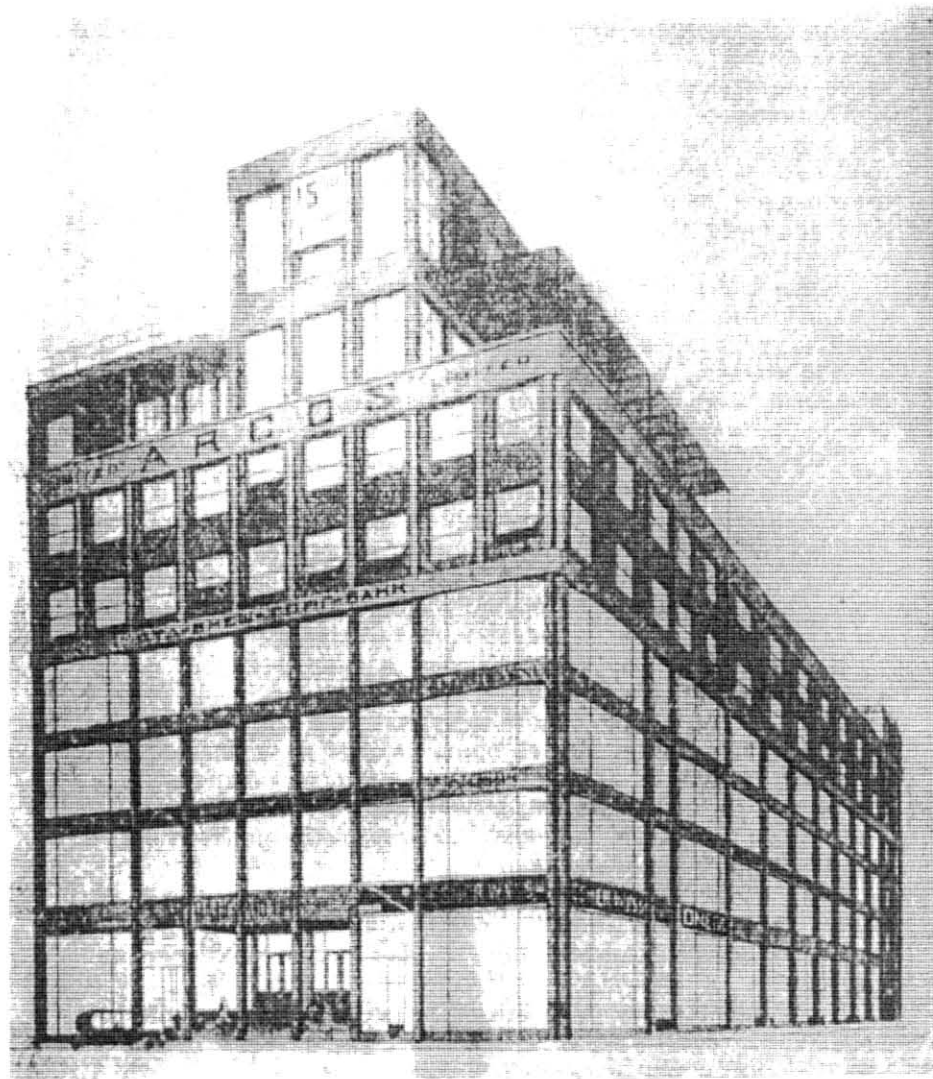
Вечер завернул меня в живительную влагу сумрачных своих простынь, вечер приложил материнские ладони к пылающему моему лбу. Я читал и ликовал и подстерегал, ликуя, таинственную кривую ленинской прямой.

— Правда всякую ноздрю щекочет, — сказал Суровков, когда я кончил, — да как ее из кучи вытащишь? А он бьет сразу, как курица по зерну.

Это сказал о Ленине Суровков, взводный штабного эскадрона и потом мы пошли спать на сеновале. Мы спали шестеро там, согреваясь друг от друга с перепутанными ногами, под дырявой крышей, пропускавшей звезды. Я видел сны и женщин во сне и только сердце мое, обгаренное убийством, скрипело и текло.

Июль, 1920 г.

БР. ВЕСНИНЫ

Проект здания „Аркос“
1-я премия.

05 050

1

Проект здания „Аркос“

архитекторов Л. А., В. А., А. А. Весниных.

При проектировании здания „Аркос“ была поставлена задача — найти конструктивную форму, отвечающую назначению здания и принятого для постройки материала.

Применение архитектурных форм прошлого, как и других декоративных приемов, скрывающих основные конструкции нового времени, было отброшено, как совершенно не отвечающее рационалистическому подходу к разрешению всех вопросов современности.

Задание конкурса: спроектировать на углу Ильинки и Б. Черкасского пер. на заданном участке — Банк „Аркоса“ с магазинами, торговыми помещениями, банковскими конторами и гостиницей „Аркоса“.

Для сооружения здания взяты железо-бетон и стекло, как основные материалы, дающие максимальную возможность освещения помещений торгового и банковского характера.

Железо-бетон и назначение сооружения определили основные конструктивные формы проекта.

При проектировании помещений поставлены были следующие задачи: ясность планировки, простота форм, надлежащее освещение помещений и их целесообразное взаимное расположение; ясность ориентировки клиентов, удобство эксплуатации и удобство работы обслуживающего персонала.

Ограниченная ширина участка, и необходимость по заданию дать выход на Ильинку из помещений всех этажей обусловили устройство одного центрального широкого входа. Значительные размеры глубины входа дали возможность устроить дополнительные витрины у прилегающих магазинов и тем увеличить их эксплуатационную ценность.

Согласно заданию лицевая часть фасадов первого этажа предназначена под магазины.

Двор использован как центральный операционный зал банка „Аркос“.

Второй этаж целиком отведен для банковских операций „Аркоса“.

В третьем и четвертом этажах спроектированы торговые помещения банковского характера, 5 и 6 этажи отведены под гостиницу для приезжающих клиентов „Аркоса“.

Вне задания программы использована плоская крыша под ресторан с открытыми площадками, летним садом, террасами и т. д.

ТЕОРИЯ

ЛЕНИН, КАК ДЕКАНОНИЗАТОР.

Виктор Шоловский.

Несколько недель после смерти Ленина были неделями переименования.

Все заводы, все фабрики, все Вузы хотели присоединить имя Ленина к названию своего коллектива.

Сейчас переименования проходят уже через ВЦИК.

Попытаемся выяснить результаты переименования.

Переименование может быть: 1) — разделительным. Это случается тогда, когда прежде единое явление распадается на два или несколько. Пример: „большевики и меньшевики“. Ленин звал „раскалыватель“, действительно, он охотно шел на раскалывание явления, на выделение его.

Русский политический словарь знал не только большевиков и меньшевиков, но и троцкистов, отзовистов и т. д.

Переименование большевиков в коммунистов тоже служит разделительным целям. По существу говоря, заменено было не слово большевик словом коммунист, а слово социал-демократ словом коммунист, большевик же остался, так сказать, в скобках (б). (Отталкивание шло от слова—с.-д.

Таким образом, разделительное переименование есть один из способов отделить понятие от старого слова ему более соответствующего.

Разделительный характер, оттенок чего-то нового В. И. Ленин умел придавать даже и наречиям, союзам, ставя на них ударение.

„Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм.....“ и т. д. (Против течения“ (стр. 32). „О национальной гордости великороссов“) Курсив „тоже“ дан в подлиннике.

Курсивно выделяет Ленин слова—*воплне, если, все*, вкладывая в них своеобразный, местный смысл, заставляя их служить делу обособления понятия...

И может быть другое переименование: 2) — переименование предмета, неизменного и не появляющегося вновь.

Такое переименование имеет свой смысл, если оно не стихийное, потому что, если мы переименуем все вещи одинаково, например, если они все будут называться „октябрьскими“, то они перестанут различаться, т.е. название потеряет свой смысл.

При единичном же переименовании нужно иметь в виду, что здесь происходит вытеснение одного слова другим. Этот момент и только он и является агитационным. Переименование ощущается больше всего в момент вытеснения.

Может быть, отчасти этим объясняется существование в практике церкви, имеющей несомненный опыт в терминологии языка, двух имен для одного человека, при неполном вытеснении старого имени новым, например, не только Ярослав не христианское имя, но и современник Ивана Грозного Морозов носил имя, не обозначенное в святцах — Дружина.

Быт ощущается в момент становления его.

Названия улиц Ленинграда были в 1919 г. знаком перемены, сейчас они средства обозначения.

В словах „август, июнь, июль, царь, король“ есть, вернее были, моменты увековечивания имени, но эти слова „привычны“ и потеряли этот элемент. Чем лучше прививается переименование, тем оно бесполезнее. Как только слово прирастает к вещи, оно перестает ощущаться и лишается эмоционального тона. При более сложных переименованиях, когда образуются новые слова, происходит не только вытеснение одного слова другим, но и видение нового слова в сферу старого.

Возьмем слово „октябрины“, оно образовано из октября и крестны.

Несомненно, что это слово втягивает понятие в поле религиозного обряда. Оно не только вытесняет обряд, но и носит в себе его следы.

Оппозиция, имевшая место в некоторых коллективах против „октябрины“ — вероятно, вызвана „инами“, так как это окончание несет в себе неожиданный, но навязчивый смысловой тон.

Иногда языковая техника пользуется тем новым смысловым ореолом, который получило старое слово.

Например, название „Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности“ дает слово „Чрезвычайная“ не в смысле необычная, а в связи со вторым словом „комиссия“, таким образом, получается не чрезвычайная + комиссия + по ликвидации безграмотности, а чрезвычайная комиссия + по ликвидации безграмотности, т.е. как бы частный случай Ч. К., на фоне которой и ощущается все построение.

Такое значение укрепления и создания нового названия.

Но дальше происходит явление, которое лучше всего исследовать на „языке революции“.

Слово и целое выражение становится заклинанием.

Между термином, обычно выражаемым в нескольких словах, и предметом устанавливается привычная связь. При чем „выражение“ обозначает уже не предмет, а, так сказать, место, занимаемое им в пространстве.

Граница явлений, соответствующих „выражению“, быстро растет, переходные явления стремятся слиться с канонизованным. Они как бы закладываются за него, как за богатого сеньора.

Выражение становится фальшивой тенью предмета. В частном случае является то, что называется „революционной фразой“.

Предполагается, что понятие, один раз проформулированное, останавливается.

Так продолжается до того момента, когда получается отрыв.

Особенностью стиля Ленина является отсутствие заклинания.

Каждая речь или статья как будто начинает все сначала. Терминов нет, они являются уже в середине данной вещи, как конкретный результат разделительной работы.

Спор Ленина со своими противниками, будут ли то его враги или товарищи по партии, начинается обычно со спора „о словах“ — утверждения, что слова изменились.

К самой „языковой стихии“, которую Ленин хорошо понимал, у него своеобразное отношение, ироническое отталкивание.

„Я бы очень хотел взять, например, несколько гострестов (если выразаться этим прекрасным русским языком, который так хвалит Тургенев) и показать, как мы умеем хозяйничать“. (Основные задачи партии при Напге, стр. 137). Здесь можно подумать, что ирония относится к слову „гострест“.

Но вот другой пример.

„Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство, комчванство, выражаясь тем же великим русским языком“ (там же, стр. 139). Здесь интересно, что слово создается на наших глазах и в то же время подчеркивается его противоречие с „языковой стихией“, которая и существует для того, чтобы ей противоречили.

Формула, когда она является в агитационной работе Ленина, организована так, чтобы не закрепиться.

Ленин презирает людей, которые заучили книжки. Его стиль состоит в снижении революционной фразы, в замене ее традиционных слов бытовым синонимом.

В этом отношении стиль Ленина близко примыкает по своему основному приему к стилю Льва Толстого. Лени

против названья, он устанавливает каждый раз между словом и предметом новое отношение, не называя вещи и не закрепляя новое название.

Любопытно было посмотреть, как употреблял Ленин в своих статьях и речах бытовой материал. Прежде всего он берет часто материал невероятный, такой, который как будто подлежит замалчиванию.

Один воронежский профессор написал Ленину письмо, где перечислил все беды, которые он испытывал в провинции. Начальник отряда, расквартированного в его квартире, вмешивался в частную жизнь профессора и требовал, например, чтобы тот спал в одной постели со своей женой.

Ленин ответил на это письмо.

В этом ответе он остановился на самом остром моменте, доказывая, что —

„Во первых, поскольку желание интеллигентных людей иметь по две кровати, на мужа и на жену, есть желание законное (а оно, несомненно, законное), постольку для осуществления его необходим более высокий заработок, чем средний. Не может же автор письма не знать, что в „среднем“ на российского гражданина никогда по одной кровати не приходилось“ (том XVI, стр. 165).

Для понимания этого отрывка нужно знать, что в предидущем (в письме М. Дукельского и в ответе Ленина) разговор шел о спецставках, при чем Ленин отстаивала спецставки.

Кажется чрезвычайно странной и смелой попытка выдержать состязание по сложному вопросу на таком резком обидном примере.

Но резкость примера для Ленина находится в связи со всеми приемами его стиля.

Быт вводится Лениным для контраста фразе, иногда для этого берется умышленно узкая тема: О чистке дворов и даже способе расклеивания объявлений.

Люди, желающие понять стиль Ленина, должны прежде всего понять что этот стиль состоит в факте перемены, а не в факте установления. Когда Ленин вводит в своем произведении бытовой факт, то он не „стандартизует“ этот быт, а пользуется бытом для изменения масштаба сравнения.

Он сравнивает большое с малым, пользуется примером минимальной величины, чтобы сбить слово с фальцета, расшевелить его.

ОСНОВНЫЕ СТИЛЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕЧИ ЛЕНИНА

Б. Эйхенбаум

В работах, посвященных изучению поэтического языка, мы обычно исходили из противопоставления его языку „практическому“. Это было важно и плодотворно для первоначального установления особенностей поэтической речи. Но, как позже не раз указывалось (Л. Якубинский), область так называемого „практического“ языка чрезвычайно обширна и многообразна. Вряд ли вообще существует такая область речи, в которой отношение к слову было бы до конца механизировано, в которой слово было бы исключительно „знаком“; что же касается таких форм, как ораторская речь, то, несмотря на свой „практический“ характер, они во многом очень близки к речи поэтической. Для поэтического языка характерна лишь особая установка на отдельные элементы речи и их специфическое использование (особенно — в языке стихотворном).

Статья или речь представляет собою не голую формулировку мысли, не простое ее выражение в терминах, а некий речевой процесс, возникающий на основе определенного стимула. Процесс этот, независимо от породившей его мысли, имеет свою речевую динамику, свою последовательность, свою эмоциональную и стилевую окраску. Человек, пишущий статью или произносящий речь, выбирает слова, связывает фразы, строит периоды, меняет интонации и т. д. Речь получает определенное стилевое направление и организуется в некое последовательное движение, тем самым удаляясь от обиходного, разговорного словоупотребления и синтаксиса. Можно говорить об основных стилевых тенденциях автора статьи или речи в зависимости от установки его на те или другие речевые формы. Более того — можно говорить о стилевых традициях и направлениях, которыми характеризуются статьи и речи определенной эпохи или группы. Все это в особенности относится к таким статьям или речам, которые пишутся или произносятся с целью убедить других — в статьях и речам в той или иной мере агитационным. Естественно усиливающийся здесь речевой пафос окрашивает речь соответственным эмоциональным тоном и организует ее по определенному стилевому направлению. Сосредоточиваясь на этой стороне речи, мы получаем представление о стилевых тенденциях автора.

Речи и статьи Ленина — исключительно интересный материал для изучения ораторского стиля уже по одному тому, что слово было для него не профессией, не карьерой,

а настоящим делом. При этом речь его обращена не к специалистам и не к „публике“, а ко всему народу или ко всем народам.

Большинство статей и речей Ленина относятся к агитационному жанру. Самые заглавия его статей часто звучат как обличение или как лозунг: „Максимум беззащитности и минимум логики“, „Народничающая буржуазия и растерянное народничество“, „Со ступеньки на ступеньку“, „Учитесь у врагов“, „Пусть решают рабочие!“, „Колебания сверху, решимость снизу“ или знаменитое „Лучше меньше, да лучше“. Он почти всегда имеет перед собой, с одной стороны, противников и врагов, с другой — некую массу, на которую нужно воздействовать, которую нужно убедить. В связи с этим речь его всегда окрашена, с одной стороны, тоном иронии и насмешки, с другой — тоном категорического, энергичного утверждения. Однако этот общий эмоциональный тон не решает вопроса о стилевых тенденциях.

При первоначальном чтении статей Ленина может показаться, что у него нет никаких определенных стилевых тенденций — что стилевая сторона речи его не интересует. Никаких заметных ораторских приемов — ни торжественных периодов, ни сравнений и метафор, ни литературных цитат, ничего такого, чем, например, блещут статьи Л. Троцкого. Изредка пословица или поговорка, еще реже — ссылка на литературу: на „Горе от ума“ (чаще всего), на Щедрина, Гоголя или Тургенева. Кажется, что к языку Ленину относится равнодушно — не как писателю и оратору, а лишь как деловому человеку, пользующийся установленными формами русской интеллигентской речи, как они сложились к концу XIX века.

Однако, этому впечатлению противоречит уже тот факт, что Ленин очень определенно реагирует на чужой стиль и, polemизируя со своими противниками или врагами, часто обращает внимание на стилевые особенности их речи. Каждая партия для него — не только определенное мировоззрение, но и определенная система речевого стиля. Он то и дело выступает судьей, а иногда и страстным обличителем „краснобайства“, видя в этом признак умственного бессилия и моральной пустоты. Именно на фоне этих чужих стилей, на смешливой характеристике которых Ленин нередко посвящает специальные строки, а иногда и статьи; ясно выступают стилевые тенденции его собственной речи.

В статьях 1901—1902 гг. (период „Искры“) Ленин имеет дело с царским правительством и с враждебными партиями. Это период полемический и обличительный по преимуществу. В числе поводов для обличения или насмешки не раз фигурирует характеристика чужого стиля.

С особым пафосом возмущается он языком правительственного циркуляра: „Мы сказали: если иметь терпение

дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятых циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным-давно известных и сотни раз повторенных даже в „Своде законов“, хождение кругом да околом, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с „речениями“, от которых больно становится за родную русскую речь и т. д. (Статья „Борьба с голодающими“ — „Искра“, 1901, № 9 и „Собр. соч.“ IV, 56).

Здесь особенно обращает внимание столь, казалось бы, необычное в устах Ленина выражение — „родная русская речь“. Однако это не случайно. Как увидим дальше, Ленин, в противоположность многим другим политическим писателям и ораторам, ценит не книжную, а простую разговорную речь и вводит в свои статьи и речи самые обиходные, часто даже грубые слова и выражения. Характерно, что французскую поговорку „les beaux esprits se rencontrent“ он передает русской, как бы намеренно подчеркивая контраст стилей: „свой своему поневоле брат“. (В другом месте та же поговорка передается иначе — „рыбак рыбака видит издалека“).

В связи с этим представляется характерным и то, что он высказал по поводу слова „Совнархоз“ на VIII съезде Р. К. II.: „Это было бы похоже на то, как если бы мы сейчас в программе выставили всемирный Совнархоз. А между тем к этому уродливому слову „Совнархоз“ мы сами еще не сумели привыкнуть; с иностранцами же, говорят, бывают случаи, когда они ищут в справочнике, нет ли такой станции“ (Собр. соч. XVI, 132). Отмечу кстати, что в приведенной выше цитате рядом с книжным (постоянно употребляемым Лениным) „ибо“ оказывается совершенно разговорный перерыв фразы восклицанием „какое!“ — характерное для его стиля сочетание.

Противоположный канцелярскому приподнятый стиль эсеровских статей и прокламаций подвергается у Ленина систематическому высмеиванию.

В статье „Революционный авантюризм“ („Искра“ 1902, № 23 и „Собр. соч.“ IV, 121) он иронизирует над искусством с.-р. прикрывать теоретическую беспринципность „потоками слов“ и в пример приводит фразу: рабочий народ „мощной волной разобьет железные ворота“.

Борьба с „революционной фразой“ проходит через все статьи и речи Ленина — это одна из постоянных тем его иронии или насмешки, а иногда и серьезного обсуждения.

Особенно много внимания он уделяет этому в период 1917—1923 гг. — в связи с развитием политической литературы, появлением плакатов, лозунгов и т. д. В 1917 году

в „Правде“ (№ 69) появилась его статья с характерным заглавием— „О вреде фраз“ (Собр. соч. XIV, 222—4. Здесь Ленин смеется над стилем „Дела Народа“: „Грозный тон, эффектные революционные восклицания... „мы знаем довольно“... „вера в победность вашей Революции“ (обязательно с большой буквы), „от того или иного шага... русской революционной демократии... зависит судьба... всего так счастливо, так победно подвизавшегося Восстания (обязательно с большой буквы) трудящихся...“ Конечно, если слова Революция и Восстание писать с большой буквы, то это „ужасно страшно выходит, совсем как у якобинцев. И дешево, и сердито..... Господа герои фраз! Господа рыцари революционного красноречия!“ и т. д. В период борьбы с думскими кадетами (1906 г.) Ленин высмеивает их „обращения к народу“ и восклицает: „А не смешно ли, наоборот, писать“ „обращения к народу“ тем деревянским языком заскорузлого русского крестьянина, которым пшут кадеты и (к стыду их будь сказано) трудовики?“ („Эхо“ 1906, № 12 и „Собр. соч.“, VII, ч. I, 348).

2.

О борьбе с „фразерством“ и „пустословием“ Ленин не устает говорить до конца, часто обращаясь уже не к врагам, а к единомышленникам, к товарищам по партии.

В брошюре 1919 г. „Великий почин“ он пишет: „Карл Маркс в „Капитале“ издевается над пошлостью и велеречивостью буржуазно-демократической великой партии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве вообще, которое ослепляет мешанин и филистеров всех стран, вплоть до нынешних подлых героев подлого бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, будничную постановку вопроса пролетариатом.... „Формулы“ настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутского, меньшевиков и эс-эров с их малыми „братцами“ из Берна именно тем, что они сводят все к условиям труда. Поменьше болтовни о „трудовой демократии“, о „свободе, равенстве, братстве“, о „народовластии“ и тому подобном.... Поменьше пышных фраз, побольше простого, будничного дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля.... Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах“. (Собр. соч. XVI, 255—6).

Ленина беспокоит не только фразерство, оперирующее с пышными словами, но и превращение дорогих для него и насыщенных глубоким содержанием слов в ходячие термины—названия, превращение этих слов в бытовые знаки и связанное с этим опустошение, обеднение слова.

В той же брошюре („Великий почин“) он говорит о том, что „слово коммуна у нас стало употребляться слишком легко“, и приветствует решение Ц. И. К. отменить декрет Совнаркома в том, что касается названия „потребительских коммун“: „Пускай будет название попроще“. Он советует выгнать слово „коммуна“ из „ходячего употребления, запретить хватать это слово первому встречному“. В речи на Всероссийском съезде транспортных рабочих 1921 г. он подвергает критике распространенный плакат „Царству рабочих и крестьян не будет конца“: „Сейчас, проходя ваш зал, я встретил плакат с надписью: „Царству рабочих и крестьян не будет конца“. И когда я прочитал этот странный плакат, который, правда, висел не на обычном месте, а стоял в углу—может быть, кто-нибудь догадался, что плакат неудачен, и отодвинул его,—когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: „А ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание“. В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов; а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма“.

Внимание Ленина останавливается на каждом преувеличении, на всем, что имеет характер автоматического пользования словом и тем самым лишает его действительной значимости.

В той же речи он говорит по поводу другого лозунга: „размышляя о том, как у нас 3½ года спустя после октябрьского переворота существуют, хотя и отодвинутые немножечко, столь странные плакаты, я стал размышлять также и о том, что, пожалуй, и в отношении к самым распространенным и общеупотребительным у нас лозунгам есть еще чрезвычайно большие недоразумения. Все мы помим, что ведем сейчас наш последний и решительный бой—вот, например, один из самых распространенных лозунгов, вслеськи нами повторяемый. Но я побаиваюсь, что ежели бы спросить большую часть коммунистов, против кого вы ведете сейчас—не последний, конечно, это немного лишнего сказано, но один из ваших последних и решительных боев,—то я боюсь, что немногие дадут правильный ответ на этот вопрос и обнаружат ясное понимание того, против чего или против кого мы ведем сейчас один из наших последних и решительных боев.“ („Основные задачи партии при Нап'е“. Изд-во „Красная новь“. Москва, 1924, стр. 29—30).

*) О том же в речи на II Всероссийском Съезде Политпросветов 17 окт. 1921 г.: „Если мы в песне поем, что, «это есть наш последний и решительный бой», то, к сожалению, это есть маленькая неправда,—к сожалению,

Приведенный мною материал (который можно было бы значительно увеличить) показывает, что Ленин относился к слову с редкой для политического деятеля осторожностью и чуткостью, реагируя не только на пышное фразерство, но и на каждое проявление фальши, на каждый словесный штамп, на каждый необдуманный выкрик. Революционная эмфаза вызывает с его стороны гневную отповедь, демагогический жест—резкую критику и насмешку. Даже в ответственных речах он, отступая от обычая, не столько приветствует и поощряет, сколько обличает и предупреждает от увлечения фразами и „болтовней“. По поводу названия „Политпросвет“ он говорит на съезде: „Вы взяли на себя название политического просвещения. Когда вы такое название брали, вас все предупреждали—не замахивайтесь очень в названии, а берите название попроще“. (Сборник „Социалистическая революция и задачи просвещения“, стр. 62).

Так Ленин пользуется каждым случаем, чтобы обнажить фразерство, удержать от неосторожного обращения со словом, подчеркнуть чрезмерное увлечение лозунгами или ярлыками: „Если нам удастся привлечь новых работников для культурно-просветительной работы, тогда уже будет дело не только в новом названии и тогда можно будет примириться с „советской“ слабостью наклеивать ярлычки на каждое новое дело и каждое новое учреждение“. (Там же, стр. 36).

3.

Итак, основная стилевая тенденция Ленина—борьба с „фразами“, с „краснобайством“, с „большими словами“. Одна из постоянных его задач, формулированная еще в 1903 г.,—„разоблачать фразерство и мистификацию, где бы они ни проявлялись, в „программах“ ли революционных авантюристов, в блестящих ли их беллетристики, или в возвышенных предиках о правде-истине, об очистительном пламени, о кристалльной чистоте и о многом прочем“. („Искра“ 1903 г., № 48 и Собр. соч. IV, 245). Все, что носит на себе отпечаток „поэтичности“ или философской возвышенности, возбуждает в Ленине гнев и насмешку. Он в этом смысле так же аскетичен и суров, как Толстой. Если поставить его стиль на фоне того пышного философского и публицистического стиля, который господствовал в русской интеллигенции начала XX века (Вл. Соловьев, Мережковский, Бердяев и т. д.), то разница станет особенно ясной. Ленин избегает всякой абстракции квалифицируя ее как „болтовню“. Большие слова он тщательно охраняет от затаскивания, от превращения их в название: „диктатура есть большое слово. А больших слов

это не есть наш последний и решительный бой“. („Социалистическая революция и задачи просвещения“. Статьи и речи. Изд. „Красная Ночь“. М. 1923, стр. 64).

нельзя бросать на ветер“. („Известия В. Ц. И. К.“ 1918 г., № 85 и Собр. соч. XV, 215).

В связи с этим естественно, что в речи Ленина нет больших слов, нет высокой лексики. Основной слой его речи—деловой, иногда намеренно сухой научный язык. Когда же ему нужно возражать или убеждать, т.-е. когда на первом плане оказывается не рассуждение, а речевой пафос, тогда он прибегает к особым приемам, соответствующим основной тенденции.

Прежде всего—ввод разговорно-обиходных слов и выражений, в том числе так называемых „крепких слов“. Сестра Ленина, А. И. Елизарова, рассказывает, как она разыскивала его реферат о Михайловском, читанный им в 1894 г. в Самаре и распространившийся потом без его подписи. „Помню, что когда я стала разыскивать среди московских знакомых интересующий меня реферат, я натолкнулась на то затруднение, что в Москве вращался не один, а несколько анонимных рефератов против Михайловского.—Который вам? спросила меня некая Юрковская. Затруднилась определить точнее, я стала спрашивать ее мнение относительно прочитанных ею трех. Об одном она отозвалась, как о наиболее интересном, но „выражения уж очень недопустимые“.—А например?—спросила я невинно.—Да например: Михайловский сел в калошу.—Вот, пожалуй иа, этот мне достаньте,—заявила тогда я, прекратив дальнейшие расспросы, ибо решила для меня совершенно определенно, что это и есть тот, который я ищу. Потом я смеялась с братом по поводу признака, по которому определила его работу“. („Страничка воспоминаний“—„Пролетарская революция“, № 2. Цитирую по журналу „На посту“ 1923, № 4, ст. 19).

Эти „недопустимые выражения“, действительно, одни из резких стиливых признаков Ленинской речи.

Какова же их стилевая функция? Они, очевидно, нужны Ленину не как простая „ругань“, а как особый лексический слой, который он вводит в свою деловую, книжную, лексичку, создавая резкий контраст и отступая от норм письменной интеллигентской речи. Вводом этих разговорно-обиходных выражений и поговорок он переходит в область устной речи, устного спора. „Откуда сие, Аллах ведает“, „Положение, можно сказать, хуже губерваторского“, „Сапоги в сматку“, „Это сплошной вздор“ и т. д.—все эти выражения, попадая в лексический слой книжного языка, действуют как цитаты из языка разговорного и в связи с этим получают особый смысл и силу.

Особенно характерны случаи, когда такая цитата используется не только лексически, как разговорный штамп, но и семантически—получается нечто в роде каламбура, свидетельствующего об языковом внимании Ленина: „Ты увертывался

всеми правдами и неправдами (особенно неправдами!) от отвеса на вопросы", говорит Ленин, обращаясь к кадетам. („Победа кадетов и задачи рабочей партии"—брошюра 1906 г. в Собр. соч. VII, ч. I, стр. 91). С этим можно сопоставить другие случаи, как: „Да, да, ведаром, совсем не даром лобзают теперь кадеты Плеханова. Цена этим лобзаниям очевидная. Do, ut des, как говорит латинская пословица". (Там же). Латинскими пословицами Ленин пользуется довольно часто, цена в них, повидимому, сжатость и сила выражения. В данном случае следует отметить, что пословица сопровождается целым комментарием, который продолжает латинскую конструкцию с обращением на „ты". Приведу еще пример звукового каламбура: „Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией". (Речь „О новой экономической политике и задачах Политпросветов" на II Всероссийском Съезде Политпросветов 1921 г.—сборник „Социалистическая революция и задачи просвещения". Изд. „Красная Новь", стр. 59).

Основная тенденция Ленина — пользоваться в письменной и ораторской речи формами разговорно-бытового языка — не ограничивается областью лексики, а захватывает и область синтаксиса, интонации. Обычная ораторская форма синтаксических повторений, образующих периоды, встречается у Ленина довольно часто, но, в соединении с обычной для него лексикой, периоды эти не имеют патетического, „высокого" характера, а реализуют лишь интонацию сильного категорического утверждения, действуя как периодические удары молотком: „При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством. При крепкой организованной партии восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию. Мы должны помнить. Мы должны взять. . . ." (IV, 15.) „Говорят о чрезмерной вышоте выкупных платежей, о благодетельной мере понижения и перестрочки их правительством. Мы знаем на это, что. . . . Мы выдвинем требование. . . . Говорят о малоземельи крестьян. . . . Мы знаем на это, что. . . . Мы выдвинем требование. . . . Мы выдвинем требование. . . . Мы потребуем. . . . Мы будем стараться. . . ." (IV, 29).

Иногда функция этих повторений несколько иная — не столько стилистическая (интонационная), сколько конструктивная. Есть примеры, когда при их помощи речь Ленина слагается в своего рода „строфы", с полным синтаксическим параллелизмом, оставаясь в лексическом отношении обычной. Приведу такой пример без сокращений: „Вы видите они бедны они выступают только с маленьким листком, изданным хуже рабочих и студенческих листков. Мы богаты. Опубликуем

его печатно. Огласим новую пощечину царям — Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем „солиднее" люди ее дающие. Вы видите: они слабы, у них так мало связей в народе. что их письмо ходит по рукам, точно в самом деле копия с частного письма. Мы — сильны, мы можем и должны пустить это письмо „в народ" и прежде всего в среду пролетариата, готового к борьбе и начавшего уже борьбу за свободу всего народа. Вы видите: они робки, они только еще начинают расширять свою профессионально-земскую агитацию. Мы смелее их, наши рабочие уже пережили „стадию" (навязанную им стадию) одной только профессионально-экономической агитации. Покажем же им пример борьбы". („Письмо в земцам" — „Искра" 1902 г., № 18 и Собр. соч. IV, 107). Здесь особенно резко выступает установка на определенную конструкцию, напоминающую классические речи римских ораторов.

4.

Есть еще один интересный пример определенной стилистической и конструктивной установки. Это — статья „Главная задача наших дней", написанная в тяжелый момент после заключения Брестского мира. („Известия ВЦИК" 1918, № 84 и Собр. соч. XV, стр. 164 — 168). Статья эта отличается от многих (если не от всех) других наличием в ней большого ораторского пафоса — вплоть до „больших слов". Здесь Ленин не иронизирует и не нападает, как обычно, а защищается — и не от врагов, а от своих же ближайших товарищей. В связи с этим речь его достигает высокого ораторского напряжения — пример в этом смысле почти исключительный, но от этого не менее характерный, а наоборот — особенно показательный. Обычно рассеянные и как бы случайно появляющиеся ораторские приемы здесь сгущены и приведены в систему.

Статья бросается в глаза прежде всего стихотворным эпиграфом (кажется — единственный случай у Ленина) — и при том таким, который в устах Ленина звучит несколько неожиданно и возвращает к приведенным выше словам — „больно становится за родную русскую речь":

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка — Русь!

Эпиграф этот не стоит только над текстом, как motto, но и отражается в самом тексте, превращаясь в лейт-мотив. В середине статьи читаем: „чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной". И в следующем абзаце: „У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих

сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,—чтобы создать действительно могучую и обильную Русь» (стр. 165) Конец: «Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Р-спублике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной». (стр. 165).

Синтаксический параллелизм пронизывает всю эту статью, образуя повторения не только в крупных участках речи, но и в мелких — в частях фраз. и создавая ритмико-интонационные членения и соответствия. Статья делится на абзацы, между которыми явственно обнаруживаются корреспонденции, динамизирующие речь.

В центре первого абзаца, построенного на развернутых повторениях слов и конструкций фраз, появляются слова: «неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота» и т. д. Отсюда—начало второго абзаца: «России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать ваиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции». Все дальнейшее движение этого абзаца образуется повторениями и параллелизмом: «Мы в несколько дней разрушили. . . Мы в несколько месяцев прошли. . . . Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили. . . . Мы прошли победным триумфальным шествием. . . . Мы подняли к свободе. . . Мы вошли и упрочили Советскую Республику. . . Мы установили диктатуру пролетариата. . . Мы пробурили веру в свои силы. . . . Мы бросили повсюду клич. . . . Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран». Следующий абзац подхватывает начальную конструкцию предыдущего — «И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных». Слово «хищник», повторенное еще дальше, возвращает нас к первому абзацу — «от войны к миру; от войны между хищниками» и т. д. Таким образом, третий абзац играет роль коды по отношению к первым двум и вместе с ними образует первую ораторскую «строфу».

Четвертым абзацем начинается новая «строфа»: «Мы принуждены были подписать „Тильзитский мир“. Конец ее, процитированный выше («Чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной»), переходит в начало следующего, пятого абзаца — «Она может стать таковой» — и в то же время, как я уже и указывал, повторяется в конце его: «чтобы создать действительно могучую и обильную Русь». Шестой абзац, открывающийся словами, которые восходят к концу четвертого и к началу пятого и в то же время подхватывают последние слова пятого абзаца, являются тоже своего рода кодой по отношению к двум предыдущим: IV—конец: «чтобы

Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной; V—начало: «Она может стать таковой»; конец: «чтобы создать действительно могучую и обильную Русь»; VI—начало: «Русь станет таковой, если» и т. д.

Этими двумя ораторскими строфами (I—II—III и IV—V—VI) путь речи пройден до середины, что и отмечено особой вехой—возвращением к эпиграфу. Движение приостанавливается: «таков путь к созданию мощи военной и социалистической». Как видим, перед нами—сложная ценная конструкция, обнаруживающая ораторскую технику Ленина.

Седьмой абзац начинает собой новое движение: «Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, не хорохориться, не впадать в отчаяние». Отметим здесь появление слова «хорохориться», взятого из разговорной лексики—обычный и характерный для Ленина прием сращения, здесь особенно резкий. Дальше являются новые повторения: «Неправда, будто у нас нет выхода. . . . Неправда, будто мы продали свои идеалы или своих друзей, подписав „Тильзитский мир“. Мы ничего и никого не продали, ни одной лжи не осветили и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, что было в нашем распоряжении». Продолжение этого абзаца, построенное на сравнении с полковником, «который уводит в глубь страны остатки разбитой или заболевшей павическим бегством армии», следует выделить в особый, восьмой, абзац—как отступление. Эти два абзаца образуют особую среднюю строфу, являясь как бы разбегом для нового движения.

Начальная фраза девятого абзаца—«Мы подписали „Тильзитский мир“—сцепляется как с предыдущим абзацем (подписав „Тильзитский мир“), так и с началом четвертого («Мы принуждены были подписать „Тильзитский мир“)—цепь становится еще более сложной. Десятый абзац, продолжая тему «Тильзитского мира», вводит новый параллелизм: «Тогда историческая обстановка не давала иного выхода. . . . Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили. . . . Тогда история могла ползти. . . . Разрешением этого хода служат одиннадцатый абзац, замыкающий движение двух предыдущих: «Теперь капитализм поднял много и много выше. . . . Война потопынула историю, и она летит теперь. . . . Историю творят теперь. . . . Капитализм вырос теперь до социализма».

Три следующие абзаца ясно объединяются в новую (пятую) строфу, после которой идет особая заключительная кода (пятнадцатый абзац), вся произнесенная повторениями: «А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо учиться. Это как раз то, чего нехватает нашей великой

революция, чтобы от победоносного начала прийти, через ряд тяжелых испытаний, к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и сильной. Для наглядности приведу конструктивную схему этой статьи (буква а — эпиграф, рамские цифры — абзацы):

$$a \left\{ [(I + II + III) + (IV a + Va + VI a)] + (VII + VIII) + [(IX + X + XI) + (XII + XIII + XIV)] + XV a \right\}$$

Или в более простом виде (по строфам, которые обозначают большими буквами):

$$a [(A + Ba) + C + (D + E) - Fa]$$

5.

Ясное деление на абзацы — одна из характерных черт речи Ленина, связанная с общим его стремлением к расчлененности и к последовательности. Отсюда — частое движение по пунктам („Тройного рода обстоятельства“ и т. д.). Средний размер его абзацев 15—20 строк. Это не те абзацы, которые характерны для речи импрессионистического или экспрессионистического стиля, где абзацы коротки и резко отделены друг от друга. Наоборот у Ленина они обычно связываются особыми выражениями — вроде „мало того“ или „но вот беда“.

Никогда не отступая в сторону, Ленин начинает свою статью обыкновенно прямо с основной темы или повода: „Россия заканчивает войну с Китаем“, „Минуло сорок лет со времени освобождения крестьян“, „Рабочие волнения в последнее время снова заставили повсюду усиленно говорить о себе“, „Еще одни „временные правила!“ и т. д.

Надо еще отметить, что иногда заглавие статьи служит само началом и, таким образом, втягивается в текст. Статья „Почему я вышел из редакции „Искры“ (отдельный листок 1903 г. в Собр. соч. IV, стр. 30) начинается словами, продолжающими заглавие: „Это — вовсе не личный вопрос“. Статья „Не кверху нужно глядеть, а книзу“ („Вперед“ 1906 г. № 7 в Собр. соч. VII, ч. I, стр. 29) начинается словами: „Так говорит сегодня в газете левых кадетов, „Нашей Жизни“, г. И. Жилкин“. Статья „Кадетская Дума дала денег правительству погромщиков“ („Эхо“ 1906 г. № 4, в Собр. соч. VII, ч. I, стр. 324) начинается словами: „Это должно было случиться и это случилось“. Статья „Пролетариат и его союзник в русской революции“ („Пролетарий“, 1906 г. № 10 в Собр. соч. VIII, стр. 51) начинается словами: „Так озаглавил К. Каутский последнюю главу своей статьи...“

Это придает стилю характер сжатости и энергии, к которым всегда стремился Ленин. Не даром в статье „О характере наших газет“ („Правда“ 1918 г., № 220 в Собр. соч. XV, стр. 418) он упрекает журналистов в политической трескотне „Почему бы, вместо 200—400 строк, не говорить в 20—10 строках о таких простых, общезвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как.... Говорить об этом надо, каждый новый факт в этой области отмечать надо, но не ститью писать, не рассуждения повторять, а в нескольких строках, „в телеграфном стиле“ клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики.... Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни“.

Остается указать еще на некоторые особенности полемического стиля у Ленина. Очень часто в этих случаях Ленин пользуется не столько лексическими средствами, сколько интонационными. Обрушаясь на противника, он строит целую систему гневно-иронических восклицаний, высмеивающих его слова, или превращает полемику в своеобразный диалог. Так выражается его полемический пафос. Издаваясь над политикой царского правительства по отношению к Китаю, он восклицает: „Бедное императорское правительство! Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают!“ („Китайская война“ — „Искра“ 1900 г., № 1 в Собр. соч. IV, стр. 18) И так постоянно: „Жалкие авторы! Они слишком хладнокровно подлы, чтобы „отнутри“ разыграть пьесу“.... Или: „Превосходно, восхитительно, господа писатели из „Речи“!.... Пора бы бросить галантерейное наивничанье, господа!.. Нечего играть в прятки, господа! Это не умно и не достойно.... Продолжайте в том же духе, господа!... Очень хорошо, господа!... Полноте, господа!... Великолепно, бесподобно, г. кадеты!“ и т. д.

Классический пример полемического интиска, опять напоминающий образцы римских речей „contra“, представляет собою один абзац в брошюре „Победа кадетов и задачи рабочей партии“ (1906 г. Собр. соч. VII, ч. I, стр. 99): „Вы зовете себя партией народной свободы? Подите вы! Вы — партия мешанского обмана народной свободы, партия мешанских иллюзий насчет народной свободы, ибо вы хотите подчинить свободу монарху и верхней, помещичьей палате. Вы — партия народа, ибо вы боитесь победы народа, т. е. полной победы крестьянского восстания, полной свободы рабочей борьбы за рабочее дело. Вы — партия борьбы, ибо вы прячетесь за кислосладкие профессорские отговорки всякий раз, когда разгорается настоящая, прямая, непосредственная революционная борьба против самодержавия. Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную) конституцию“.

Изучение стиля Ленина должно быть предметом особых штудий — в связи с историей русского ораторского и журнального стиля. Здесь я остановился лишь на самых режких его особенностях, доказывающих наличие определенных конструктивных приемов, наличие стилистических тенденций, стилистической системы.

В общем стиль Ленина представляет собой своеобразное сочетание трех стилистических слоев: русской интеллигентско-книжной речи, восходящей к Чернышевскому, русской разговорно-обиходной и спортивной речи („словечки“) и латинского ораторского стиля (Цицерон). Последний элемент является, очевидно, следом классического образования (см. частые латинские пословицы), полученного Лениным и, быть может, бессознательно, использованного им для конструкции некоторых речей и статей. Внедрением второго элемента он нарушает традиции интеллигентской речи и снижает ее. Пафос „будничных“ слов и выражений („очевь уж недопустимых“) является отличительной чертой его стиля. Здесь он исторически соприкасается с тем разрушением традиционной „поэтичности“, которое отличало Толстого и которое в резкой форме явилось заново у футуристов — в частности у Маяковского. Традиции „высокого“ ораторского стиля смещены, несмотря на сохранение целого ряда традиционных классических приемов, получающих в таком сочетании новое функциональное значение.

О СНИЖЕНИИ ВЫСОКОГО СТИЛЯ У ЛЕНИНА.

Лев Якубинский.

1.

Приступая к исследованию языка нехудожественной прозы — в частности прозы публицистической — чувствуешь себя довольно беспомощно. Действительно, мы ведь не имеем никакой научной традиции в этой области.

В порядке даже первоначального наблюдения фактов возникает ряд вопросов, из которых каждый, в сущности, требует специального исследования. Особенно сказывается неразработанность синтаксиса, который, поскольку не стал на путь отчетливого разграничения функционально различных видов речи, неспособен дать нужную помощь. Между тем исследование языка публицистической прозы представляется действительно необходимым не только потому, что мы находим здесь материал еще почти незатронутый наукой, но потому особенно, что именно подобный материал способен дать науке о языке тот уклон, к которому она несомненно стремится в наше время (на ряду с другими науками) — уклон прикладности, уклон технологический. Задача науки не только исследовать действительность, но и участвовать в ее преобразовании; языковедение отчасти выполняло эту задачу, поскольку оно давало и дает теоретическую основу для разработки практики воспитания и обучения речи в школе; но его значение — значение прикладное — неизмеримо возрастет, если оно направит свое внимание на такие объективно существующие в быту и обусловленные им технически различные формы организованного речевого поведения человека, как — устная публичная (т. е. „ораторская“) речь или речь письменная публичная, в частности публицистическая. Поскольку эти — социально чрезвычайно важные — речевые разновидности (и разновидности этих разновидностей) обладают каждой своей особой технической специфичностью, поскольку они подразумевают свое особое орудование, обращение с языковым материалом — поскольку они подразумевают некую выучку, воспитание, обучение для тех, кто в данных направлениях хочет практически работать в обществе. Отсюда совершенно ясно вытекает необходимость организации технического образования в области речи, которое будет жалким кустарничеством, если не будет основано на науке, как своей базе: техника речи подразумевает технологию речи; технология речи — вот то, что должно родить из себя современное научное языковедение, что заставляет его родить действи-

тельность. Для того, чтобы шить сапоги, нужно уметь, нужно знать это ремесло, для того, чтобы построить дом, тоже нужно уметь, для того, чтобы агитировать посредством речи, нужно тоже уметь, и это умение не просто падает с неба, а достигается выучкой организовывать эту выучку — определенная задача современности, которая вообще хочет сделать человеческий быт организованным. Осыпка на то, что, дескать, имеются же хорошие ораторы-агитаторы и публицисты, которые не проходили „курс“ в каких-нибудь соответствующих техникумах, столь же нелепа, как утверждение, что не нужно актерского технического образования, потому что есть же актеры — имя рек, которые не „кончали“ никаких театральных школ, или что не нужно архитекторов, потому что строили же раньше дома „просто так“. Отрицание технического образования в области речи есть типичная отрывка идеалистического мирозерцания, которое, если и готово признать, что нужно обучать людей, как строить дома, то в области речи всецело полагается на „талант“, „вдохновение“, „природные склонности“, „чутро“ и всякие другие штуки, может быть и очень важные (для сапожника тоже), но в данном споре только запутывающие. Бить талантом и вдохновением выучку — неприемлемо для материалиста и марксиста.

В связи с вышесказанным приходится с особым вниманием отмечать тот живой интерес, который обнаружился в наших научных кругах к ораторской и публицистической прозе В. И. Ленина. Образование соответствующей комиссии при научно-исследовательском Институте Ленинградского Университета, присоединение к этой работе словесного разряда Института Истории Искусств, соответствующая работа на отделении публичной речи Института Живого Слова, — все это позволяет думать, что языковедение, наконец, захватывает в свое ведение столь важный материал устной и письменной публичной речи. Исследование языка — например, публицистической речи — уже серьезный шаг к построению соответствующей технологической лингвистической науки. Исследование же такого материала, как язык В. И. Ленина, имеет особенно важное значение, потому что мы здесь имеем дело с таким речевым поведением, которое крепко и наверняка достигало и достигло цели. То, что возникло в данном случае, как естественное реагирование на смерть В. И. со стороны ученых-филологов, вместе с тем является и важным продвижением науки на пути ее сближения с запросами жизни.

3.

Во многих статьях В. И. Ленина можно найти материал для обнаружения его стилистического credo. Высказываясь о

явлении „революционной фразы“, Ленин особенно оспаривается на некоторые ее языковые признаки, употребляя в этом отношении, как это и понятно, термины хотя и не совсем определенные, но не оставляющие сомнения в том, что он в сущности вел борьбу с эмоционально-повышенным, высоко-стильным, пафосным, декламационным строем речи. Его нападки на „громкие фразы“, на „гордые фразы“, на „лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие“, на „жонглирование эффектными фразами“, на всяческую „декламацию“, на „опьянение звуками слов“ — как будто бы позволяют сделать такой вывод.

Будущим исследователям языка Ленина предстоит сделать проверку этих и многих других подобных высказываний В. И. на язык его собственных произведений. Я в этой короткой статье нисколько не претендую на выполнение такой задачи, но пытаюсь с этой точки зрения рассмотреть материал одной статьи Ленина, а именно статьи „О национальной гордости великороссов“ [Г. Зиновьев и Н. Ленин — „Против течения“, сборник статей. Издание Петр. Совета 1918. Стр. 33—36, статья относится к 1914 году].

Выбранная мною статья любопытна потому, что по своему содержанию, особенно в определенной части — абзацы III—VI (в статье всего девять абзацев; в дальнейших ссылках цифры I—IX, римские, обозначают соответствующие абзацы по указанному изданию) она особенно благодарна для развертывания пафосных, высокостильных, декламационных приемов изложения. Эти приемы там и имеются (я не касаюсь вопроса об исторической обусловленности этих приемов у Ленина), но они лавы в комбинации с такими лексическими и синтаксическими фактами, которые объективно снимают эту декламационность. В разбираемой статье, Ленин, высказываясь отрицательно вначале о так пышно расцветшем в четырнадцатом году, в разных странах Европы, шовинизме, противопоставляет ему ту „национальную гордость“, которая „не чужда нам, великорусским сознательным пролетариям“. Выяснению того, что такое составляет эта „национальная гордость“, и посвящены, главным образом, III—VI абзацы статьи.

3.

Упомянутые III—VI абзацы, а также отчасти и II-ой, построены в общем на основе типичного высокостильного синтаксического развертывания пафосного оттенка. Приведу примеры.

В III абзаце после вопросно-ответного ввода („Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно нет!“) читаем: „Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем,

чтобы ее трудящиеся массы... поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насильям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилья вызывают отпор из нашей среды... " Это же построение с „мы...“, стою же функциональностью, продолжается и дальше—в IV абзаце: „мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский...“ (начало абзаца); „мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже (курсив Ленина) создала революционный класс...“ (середина абзаца); в V абзаце:— „Мы полны чувства национальной гордости и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое...“ (начало абзаца); в VI абзаце: „и мы, великорусские рабочие, полны чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало...“; „именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в 20-м веке...“.

В III абзаце отдельные части его, начинающиеся с „мы“, „нам“ и соответствующие друг другу, построены в восходящем порядке, т.е. первая часть—менее строки, вторая—больше двух строк, третья—две с половиной строки, четвертая почти шесть строк. Четвертая часть периодизирована в том же „декламационном“ направлении: „Мы гордимся тем, что эти насилья..., что эта среда..., что великорусский рабочий класс..., что великорусский мужик...“. Подобное же периодизирование находим и в дальнейших элементах общего построения: „мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна...“ (IV; курсив Ленина); и еще: „...ведут нас на войну, чтобы душиТЬ Польшу и Украину; чтобы давить демократическое движение в Персии и Китае, чтобы усилить позорящую наше национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуршкевичей“ (V); „...мы говорим: нельзя в 20-м веке в Европе..., нельзя великороссам „защищать отечество“ иначе...“ (VI).

Уже во втором абзаце читаем: ...непринято было бы забывать о громадном значении национального вопроса—особенно в такой стране, которую...; в такое время, когда..., в такой момент, когда...“. Здесь тоже дана восходящая периодизация: первая часть—одна строка, вторая—около двух с половиной, третья—свыше четырех.

В соответствии с отмеченным синтаксическим строением стоит и некоторый лексический и фразеологический „высокий“ материал. Ср. „мы любим свой язык и свою родину“ (родину без кавычек, как например, в первом абзаце), „национальная гордость“ (III), „нашу прекрасную родину“ (III); „мы гордимся“ (III) „мы полны чувства национальной гордости“ (III, V), „могучую революционную партию масс“ (III), „Чер-

нышевский, отдавая свою жизнь делу революции“ (IV); „это были слова настоящей любви к родине, любви тоскующей...“ (IV) „она (великорусская нация) способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм“ (IV), „мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великой России“ (VI) и пр.

В связи с упомянутыми фактами следует отметить явление лексико-синтаксического порядка, которое можно назвать „лексическим разрядом“ (впрочем я не настаиваю на этом термине) „Лексический разряд“ может быть иллюстрирован следующими примерами из нашей статьи: „великорусская нация тоже доказала (курсив Ленина), что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое рабство перед попами, царями, помещиками и капиталистами“ (IV), „хотим... свободной и независимой“ и т. д. см. выше (VI), „царизм не только угнетает..., но и деморализует, унижает, обесчещивает, прости-туирует его...“ (VI), „вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи“ (VII); „такой раб, вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения, есть холуй и хам“ (V) и др.

С формальной точки зрения „лексический разряд“ есть некоторое „перечисление“, но логическое, предметное значение этого перечисления стоит совсем на заднем плане, и это „перечисление“ является фактом эмоционального говорения (а следовательно, может быть использовано и как прием эмоционального внушения посредством речи), когда высокое эмоциональное напряжение разрешается мобилизацией ряда подобных членов предложения, при чем эти подобные члены следуют или непосредственно друг за другом, или ряд организован путем применения, например, союза „и“ (как в некоторых из приведенных примеров).

Обыденная разговорная речь знает элементарные случаи лексического разряда, когда „подобные“ члены ряда являются подобными не только морфологически, но и семантически, т.е. доходят по существу до синонимичности, напр. при гневе: „подлец, мерзавец, негодяй...“, или в других случаях: „это ужасно, неслыханно, возмутительно...“; „мне нет дела ни до каких Петровых, Сидоровых, Степановых...“. Иногда, повторяю, словесный разряд имеет и определенную логическую функцию перечисления, во тем не менее его эмоциональная значимость сохраняется. Именно так обстоит дело в конце первого абзаца нашей статьи: „...и кончая шовинистами по оппортунизму или бесхарактерности Плехановым и Масловым, Рубановичем и Смирновым, Крапотки-

ным и Гурцевым". Явление лексического разряда не обязательно соединяется с декламационно-пафосным строем речи, поэтому, говоря о его снижении, мы иногда говорим не о снижении декламационного строя, а о снижении эмоционально напряженной речи вообще.

4.

Эмоционально высокий напряженный строй речи дан в нашей статье, как я уже отмечал, в комбинации с такими синтаксическими и лексическими явлениями, которые его объективно снижают.

Сперва о синтаксическом снижении. Здесь, однако, необходимо сделать отступление и коснуться сперва вопроса о разрыве, деформации т. н. „плавности“ речи у Ленина, вопроса, стоящего в несомненной тесной связи с нашим вопросом. Дело в том, что главная, непрерывно развертывающаяся речь есть постоянная особенность в декламационной пафосной речи, хотя обратное и не всегда верно; с другой стороны, „плавность“ речи есть самостоятельный „прием“ воздействия на читателя и слушателя, встречающийся у многих публицистов и ораторов: это один из так-называемых „диалектических приемов внушающей и агитирующей речи. Разорванная, не плавная речь есть одна из особенностей языкового строя других публицистов и ораторов, при чем может иметь и самостоятельную функцию и выступать просто, как своего рода „отрицание“ плавности речи в качестве диалектического приема, свидетельствующего об отсутствии установки на плавность речи у данного публициста или оратора (mutatis mutandis то, что здесь сказано о плавности и разорванности речи как диалектических приемах, может быть повторено и о декламационном строе и его снижении).

Выражение—гладкий, плавный язык есть в сущности, хотя и неплохой, но трудно поддающийся научной расшифровке, термин обывательской лингвистической терминологии. Реальная языковая подоплека того впечатления, которое обыватель именуется „гладкостью“, „плавностью“—очень многообразна. Здесь имеют значение и отношения фонетического порядка (напр. ритмические, интонационные, а также б. м. и словесноинструментовочные), и явления лексического порядка и, наконец, синтаксические отношения, которые являются, пожалуй, доминирующими и определяющими остальные. С синтаксической точки зрения, здесь является характерным (при прочих равных условиях) отсутствие синтаксических отступлений, вводных, отвлекающих от намечившегося синтаксического хода, синтагм, некоторая непрерывность развития синтаксического построения.

Приведу пример: „как много говорят теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, передовые публицисты Франции, прогрессивные журналисты России—все утверждают свободу и независимость родины, величие принципа национальной самостоятельности“.

Сравним приведенный отрывок в только что данной редакции с ним же в редакции несколько иной (опускаю восклицательный ввод отрывка): „Либеральные и радикальные министры Англии, передовые публицисты Франции (оказавшиеся вполне согласными с публицистами реакции), прогрессивные (вплоть до некоторых народнических и марксистских) журналисты России—все.... и т. д.“. Непрерывность синтаксического построения отрывка во второй редакции разорвана скобками, „гладкость“ и „плавность“ речи весьма пострадали. Оба приведенные отрывка являются измененным мною началом статьи Ленина, разбираемой здесь; Ленинская редакция будет дана мною несколько ниже, однако подчеркиваю, что скобочный разрыв палицо и у Ленина. Скобки в подобной функции имеются и в других местах статьи; ср. следующие примеры: „Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть.... Мы гордимся тем....“ (III). Или еще: „Мы полны чувства национальной гордости и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики-дворяне вели на войну мужиков, чтобы душисть....) и свое рабское настоящее, когда....“; „мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда..., что великорусский рабочий класс..., что великорусский мужик....“ (III). В этом последнем случае мы имеем дело собственно не с „скобками“, но с аналогичным скобке введением отводящей от основного течения речи синтагмы.

Скобочный разрыв особенно ощущается на фоне синтаксического целого, определено и сложно построенного в направлении плавности с тем или иным использованием подобных синтагм или вообще основанного на применении синтаксического параллелизма; сравните в первом примере построение: „министры... публицисты... журналисты... все...“; во втором: „мы любим... мы больше всего работаем и т. д...“; то же в третьем и четвертом примерах. Но и вне данного непрерывного сложного построения, обусловившего бы впечатление плавности речи без скобочного разрыва, мы констатируем этот разрыв и в пределах элементарно построенной фразы; напр.: „откровенные и прикровенные рабы великоруссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах“ (IV); или: „нельзя в 20-м веке в Европе (хотя бы в дальневосточной Европе) защищать оте-

чество" иначе, как борясь..."; или: „не наше дело, не дело демократов (не говоря уже о социалистах) помогать Романову—Бобринскому—Пуришкевичу душить Украину и т. д.“; в последнем примере, так сказать, двустворчатый разрыв: а) не дело демократов, в) (не говоря уже о социалистах). Еще прим-р: „Интерес (не по холопски по-ятой) национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетариев“. Этот пример особенно интересен потому, что скобки здесь „необязательны“: оба скобочных члена могли бы быть употреблены и не как вводные, влияющие в данное синтаксическое разветвление элементы, и как равноправные „определения“—второе к слову „пролетариев“, а первое к выражению „национальной гордости“, но весь синтаксический строй фразы оказывается в этом случае иным, интонация и распределение пауз—также.

Явление „скобки“—очень сложно, как по своей обусловленности, так и по своей функции. Можно, например, говорить об обусловленности скобочного синтаксиса особыми условиями спешной публицистической работы, не позволяющей обращаться к переделке раз написанного, сводящей к минимуму черновик и обработку языка статьи и вызывающей, таким образом, естественное появление пояснительных скобок, которые являются не чем иным, как поправкой, вносимой дополнительно к уже написанному; условия работы могут воспитать скобку уже просто, как привычку изложения и, так сказать, распространить ее на не принадлежащие ей „по праву“ генезиса случаи. Можно говорить о скобках, как явлении, обусловленном самой особенностью высказывания и сообщения мыслей, как своего рода подчеркивания некоторых высказываний, заключаемых в скобки и поэтому воспринимаемых с большей отчетливостью в своей особенности и отдельности, в своей выделенности из общего целого; как для некоторых писателей характерен в этом отношении курсив, так для других—скобки, порядок слов во фразе, применение подчеркивающих эпитетов и др.

Я несколько не хочу касаться в этой статье многообразных функций „скобки“¹⁾; мною отмечено выше значение скобки, как разрыва плавности речи, да и то, главным образом, поскольку плавность речи связана с декламационным построением речи, а следовательно и сама скобка выступает в функции, разрывающей декламационное синтаксическое построение с его интонацией, в функции связующей „высокий стиль“. (Испытаю к выше приведенным примерам и приведу еще случаи, очень характерный, так как здесь чрезвычайно напряженный эмоциональный тон отрывка особенно

¹⁾ Синтаксису Ленина и в частности явлению „скобки“ я посвящаю отдельную подробную работу.

дает ощутить разрушающую, снижающую функцию скобки. „Никто неповинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремления к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, вызывает удущение Польши, Украины и т. д. „защитой отечества“ великороссов), такой раб, вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения, есть холоу и хит“ (V).

Возвращаясь к первой редакции начала статьи (см. стр...) „как много говорят“,—скажу, что в этом своем виле отрывок производит более „высокостильное“ впечатление, чем во второй редакции. У Ленина от этой „высокостильности“ и „пафосности“ ничего не остается потому, что к разрушающему влиянию скобок присоединяется и снижающее значение лексического материала. К этому последнему я теперь и перехожу.

5.

Цитирую начало статьи так, как оно дано у Ленина: „Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна „передовых“ публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и „марксистских“) писак России—все на тысячу ладов воспевают свободу и независимость „родины“, величие принципа национальной самостоятельности“.

Если в первой редакции данный отрывок, в его синтаксическом и лексическом строе, мог бы выполнить функцию эмоционально возвышенную, то подлинная ленинская редакция—с ее лексическим, фразеологическим и синтаксическим содержанием (ср. подчеркнутые слова и выражения) исключает это вовсе.

Лексический и фразеологический материал является одним из моментов, могущих парализовать эмоционально возвышенные декламационные возможности синтаксиса. В данном случае такую функцию несет: ироническая (ср. „передовых“, „марксистских“, „родины“, „воспевают“; отчасти: бездна, тьма), интимно-фамильярная (ср. толкуют на тысячи ладов) и грубословная (ср. казенных писак) лексика. Этот лексический материал принозит не только эмоциональный семантический тон, чуждый эмоционально-пафосной речи, но и интонацию, разрушающую собственную эмоционально-пафосную интонацию. Лексическое и фразеологическое связение, на ряду с синтаксическим („скобки“) и часто совместно с ним, может быть отмечено в разбираемой статье неоднократно.

Во II абзаце читаем следующее: „Ним, представителями великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли

Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса", подчеркнутые мною слова являются перифразой (=представителям великороссов); высокостильное значение этой перифразы — несомненно, но оно снижено интимно-фамильярным выражением „добрый доля“ (ср. если бы было: „значительной части“). В дальнейшей части того же абзаца (с восходящим построением: „такой стране... в такое время... в такой момент...“) снижающее значение имеет пролическая лексика с „тюрьмой народов“, целый ряд „новых“ больших и малых наций, миллионы великороссов и „инородцев“, „решить“ целый ряд национальных вопросов). Такое же снижающее значение имеет здесь и заключительное „перечисление“ абзаца: „решить... сообразно интересам объединенного дворянства и Гучковых с Крестовниковыми, Долгоруковыми, Кутлерами, Родичевыми“; здесь „перечисление“ имеет иную функцию, чем хотя бы в конце первого абзаца (см. выше); его значение было бы то же, что и в первом абзаце, если бы оно было построено следующим образом: „...объединенного дворянства, Гучковых и Крестовниковых, Долгоруковых и Кутлеров, Родичевых (и Ефремоных)“; вся суть здесь в значении оборота с „с“ и зависящей от этого дальнейшей конструкции.

В III абзаце мы уже отмечали снижающее значение скобки: „(т.-е. $\frac{1}{10}$ ее населения)“; отметим здесь снижающее значение лексического материала этой скобки: пояснительное „т.-е.“ и дробь $\frac{1}{10}$. Снижающее значение цифры, как лексического элемента, проявляется напр. и в VI абзаце, где те же „ $\frac{1}{10}$ населения“ встречаются два раза во втором элементе построения: „нельзя... не зья...“ непосредственно перед энергичным словесным разрядом: „деморализует, унижает... и т. д.“ (см. выше). Подобное же значение цифра имеет и в последней части III абзаца на фоне построения „что... что... что...“ (см. выше): „революционеров-разночинцев 70-х годов“, „создал в 1905 году“ (ср. в этом отношении в начале IV абзаца: „Мы помним. как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь...“; „полвека, а не „50 лет“). В резко эмоциональном отрывке конца V абзаца („никто не повинен в том...“; см. выше) снижение эмоционального тона достигается не только скобкой, но и ее лексическим материалом (например, и т. д., „защитой отечества“ в кавычках). В конце VI абзаца, непосредственно после словесного разряда „деморализует, унижает...“, на фоне построения „приучая к угнетению чужих народов... приучая прикрывать...“ имеем снижающее „яко-бы“ („прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими, фразами“).

СЛОВАРЬ ЛЕНИНА-ПОЛЕМИСТА.

Юрий Тынянов.

„Надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова“.

(Н. Лесня. Письма о тактике. Письмо 1.)

Предварительные замечания.

§ 1.

Прежде всего о слове „словарь“. Под этим словом в быту мы чаще всего разумеем „лексикон, сборник слов, речений какого-либо языка“ (Даль) „Словарь при этом оказывается безразличной по функциям статической массой слов с различными делениями—словарь языка, наречий, диалектов: словарь класса; словарь техвический; словарь индивидуальный. Это—один ряд.

Другой ряд—„пользование словарем“; те или иные словарные элементы используются в той или другой конструкции, несут на себе те или иные функции; один и тот же словарный элемент будет иметь разную функцию, разное назначение в разных речевых конструкциях.

Каждая конструкция имеет свои законы; поэтому безразличное само по себе слово оборачивается на ней своей новой конструктивной стороной. Обычное газетное слово, нами в газете почти незамечаемое (несущее в газетном языке определенные функции)—в стихе может быть необычайно свежим (нести другую функцию); обычное разговорное слово, примелькавшееся в бытовой речи,—в ораторской речи оборачивается особой стороной. И наоборот. На этом основана и эволюция словарного материала внутри этих конструктивных рядов; „словарь“ в смысле „собрания слов“—эволюционирует внутри каждого конструктивного ряда, отбирая по своему назначению в этих рядах, по своей функции. Пример—литературный язык, стиховой язык.

В начале XIX века Катенин употребил в высокой поэзии слова „сволочь“, „плешивый“. Это вызвало бурю, хотя слово „плешивый“ в прозе употреблялось. Так же необычно выглядело в стихах Некрасова слово „проститутка“,—вообще в литературе употребительное. Так же необычен словарь Маяковского,—но необычен только конструктивно,—вне конструкции и в другого рода конструкциях—он будет „выглядеть“

по иному—будет функционально иной. Настоящая статья рассматривает не словарь Ленина—индивида, а словарь Ленина—оратора и политического писателя. С точки зрения функционального использования словаря, в слове интересны главным образом: 1) отношение к „основному признаку“ значения слова; 2) отношение к „второстепенным признакам“ значения слова; 3) отношение к „лексической окраске“ слова; 4) то или иное использование отношения слова и вещи.

§ 2.

Если мы проанализируем ряд словоупотреблений какого-нибудь одного слова,—мы натолкнемся на одно явление. Это — лексическое единство. Возьмем ряд словоупотреблений слова „голова“:

1. Голова — часть тела.
2. За это головой ручаюсь.
3. Много ль голов скота держите?
4. „Гуляй казачья голова“. (Гоголь).
5. Это голова, каких мало!
6. Забрать себе что в голову.
7. Выкинуть что из головы.
8. В первую голову.
9. Голова делу.
10. „Сельский голова“ (Гоголь) „городской голова“.

В этом ряду—перед нами разные значения одного „слова“ в разных словоупотреблениях. Такое слово как голова — в значении „городской голова“, „сельский голова“ как бы совершенно даже отделилось от ряда, что и подчеркивается изменением рода. Это доказывается, напр., — возможностью каламбура:

Хлопцы, слышали ли вы?

*Наши ль головы не крепки!
У кривого головы
В голове расселись клепки,
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрыски, бондарь, голову
Батогами, батогами.*

(„Майская ночь“).

Бондарь приглашается набить обруч на голову № 1, а вспрыснуть батогами голову № 10.

И все-же, даже в этом значении не совсем стерлось единство со всем рядом. Ср. речь Каленика из той же „Майской ночи“ о том же—голове:

— Ну, голова, голова. Я сам себе голова.

Здесь в слове голова—сельский голова подчеркивается оттенок значения, уже явно входящий во весь ряд, здесь

это слово приведено к единству с другими словоупотреблениями; здесь в нем обнаружено наличие категории „лексического единства“. Возьмем такую фразу:

— Какую голову с плеч снести!

Здесь „голова“—одновременно и в значении 1-ом и в значении 5-ом. Так, признак лексического единства позволяет совмещать в одном словоупотреблении разные,—и, казалось бы, несоединимые значения: голова—часть тела и голова—ум. Такое же, собственно, совмещение в приемах 6-ом и 7-ом: „забрать себе что в голову“ и „выкинуть что из головы“—это одновременно и значение: „голова—часть тела и значение: голова—ум“. *)

Совмещение это становится возможным из-за наличия признака лексического единства, который назовем основным признаком значения.

В примере № 2 и № 8: „за это головой ручаюсь“, „в первую голову“,—значение слова сильно стерто; здесь слово поработшено группой, фразой, осознаваемой, как единица, как целое; здесь основной признак сильно затуманен, лексическое единство затушевано фразовым единством. И все же таки возможны такие условия, которые обнаруживают и в этих случаях наличие лексического единства.

Если мы будем, например, отправляться от значения № 1, если это значение будет нам задано, как некоторый тон,—то и в таких „бесцветных“ значениях, как в № 2 и № 8—обнаружится их связь с № 1,—а отсюда и со всем лексическим рядом. Поэтому в группе „головой ручаться“ на военном языке или в такой исторической повести, где фигурирует плаха—значение слова „голова“ будет отнесено к примеру № 1—именно потому, что мы от него отправляемся, что оно дано как основное,—что мы двигаемся в определенном лексическом плане.

Значение лексического плана хорошо видно на следующем примере. Слово „земля“ в таком соединении, как „черная, жирная земля“, с одной стороны, и „бежать по земле, упасть на землю“, с другой стороны,—будет иметь, конечно, разное значение. Можно бежать по песку, по глине, по любой почве—и все-таки бежать „по земле“.

С другой стороны, ясно, что такая пара как „Земля и Марс“—нечто третье, ни то и ни другое. „Земля“ в такой

*) Это «совмещение», основанное на лексическом единстве, может быть использовано как поэтический прием. Возьмем, например, два значения слова сердце: 1) Сердце—местоимение и средоточие эмоциональной жизни; 2) сердце—особое эмоциональное обращение. Блок вмещает оба в стихах:

Все б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое.

паре и пишется-то с большой буквы—и обозначает нашу планету, а никак не почву и не „низ“.

И все-таки, если дело идет о том, что люди взлетели на Марс, то мы не можем, не рискуя быть комичными, говорить о марсианской почве—„земля“,—или „спуститься на землю“ (т.е. спуститься вниз, на Марс). И когда Ал. Толстой, развертывая действие на Марсе („Аэлита“) пишет:

„Вот он (воздухоплавательный аппарат марсианина. Ю. Т.) нырнул и пошел у самой земли“ (т.е. марсианской. Ю. Т.) и дальше действие идет все на том же Марсе: „Но когда Лось и Гусев двинулись к нему (марсианину. Ю. Т.), он живо вскочил в седло... и сейчас же опять сел на землю“, (Красная Новь, книга 6. стр. 125.),—то это производит комическое впечатление, которое не входило в расчет автора.

§ 3.

Таким образом основной признак значения позволяет слову равняться по лексическому плану. Мы видели, как лексический план не безразличен для значения слова: он придает значению, в котором употреблено слово в данном случае—признаки, которые идут от других значений слова. Условно назовем их второстепенными.

Проанализируем теперь, отчего неудачно словоупотребление у Ал. Толстого, отчего оно не удалось. Это словоупотребление—оказывается равнодействующим двух рядов: 1) фразового единства, 2) лексического плана.

В фразе: „пошел у самой земли“—слово „земля“ имеет (вернее должно иметь) примерное значение: „у самого низа“. Фраза подчиняет отдельное слово, она предопределяет значение; мы иногда можем свободно пропустить нужное слово, и однако ж все его сразу угадают.—Так оно подсказывается фразой, фразовым единством.

На этом основано явление, которое Вундт называет „сгущением понятия через синтаксическую ассоциацию“ (Begriffs verdichtung durch syntaktische Assoziation),—одно слово приобретает значение группы. Напр. „Надочась подхватывали однозубой вилок кубик колбасы, столь издававшей, что спасала лишь пролезшая в беседку сирень“ (Ил. Эренбург. Жизнь и гибель Николая Курбова, стр. 36). Здесь группа „издавать запах“ так тесно связала, ассоциировала оба члена, что один из них „издавать“ вполне уж заменяет целую группу.

На этом основано и частное явление того же рода „заражение“ (contagion—термин Бреалья): слово „заражается“ общим смыслом фразы и взамен собственного значения приобретает общее фразовое значение. Примеры Бреалья: (Bregal, M. Essai de sémantique стр. 205);

je n'avance pas (passum); je ne vois point (punctum).

Слова: passum, point—получили из общего негативного (отрицательного) значения фразы, по связи, по ассоциации со словом не—значение слов отрицания. На этом основано и превращение группы фразы—в группу с общим слитным значением для всех членов группы, где уже потеряно отдельное значение каждого из членов; иногда такие группы, такие слитные речения превращаются в слова (что ни будь—что-нибудь).

Любопытный пример „заражения“ отдельного слова общим смыслом фразы—в слове „оглашенный“. Это слово—бранное, и употребляется в смысле, примерно: „бешеный“, „неумный“.

Между тем слово „оглашенный“ на церк.-слав. языке (так же как и на литературном русском)—значит „упомянутый“, „объявленный“, „названный“, „огласить—церковный термин,—объявить“.

Бранный смысл слова родился из фразы, которой предписывалось непосвященным, еще не принявшим христианства,—покинуть церковь: „Оглашенные, изыдите“.

Общий смысл фразы, хотя и не бранный, но все-же „укоризненный“, указывающий на то, что непосвященные не имеют права оставаться при делах, касающихся только посвященных. Вне живого применения,—фраза получала уже не „укоризненный“ характер, а порицательный, бранный. Этот общий смысл фразы окрасил отдельное слово так сильно, что затемнил в нем основной признак; слово „оглашенный“ не соединено ассоциативными связями даже с таким значением слова „огласиться“, как: „его дурной поступок огласился“. (Этой потере основного признака способствовало между прочим и сознание иноязычности, данной в формальной части слова: оглашенный, что еще больше отделяло его от родственных слов). Слово выпало из лексического единства, потеряло основной признак—и взамен этого получило значение от общего смысла фразы.

Эта власть фразы над значением отдельного слова в приведенных случаях—совершенно затемняет его основной признак, прерывает его связь с лексическим единством, т.е. затемняет слово, как лексическое единство.

Напротив, в примере из Ал. Толстого лексический план так определен, что фразовый смысл столкнулся с ним,—и фраза не удалась.

Лексический план—это пункты, в которых проникают в данное значение—те или иные значения из объема лексического единства. Эти опорные пункты, отправные пункты могут так или иначе окрасить слово, так или иначе повернуть, распланировать основной признак; лексический план—это тот рычаг, который обнаруживает в слове то ту, то другую связь с объемом лексического единства.

Таким образом,— для того чтобы обнаружить в слове — конкретный объем лексического единства, — мы должны каждый раз: 1) выяснить наличие основного признака, связывающего конкретные специфические значения слова в одно лексическое единство, 2) выяснить затуманивающую основную признак власть фразы, 3) выяснить отклоняющее деформирующее действие лексического плана.

§ 4.

Крайне важен в слове еще один признак — лексическая окраска.

Каждая нация, каждый класс, каждая среда в широком смысле слова — окрашивают слова для нее характерные. Каждая среда имеет свои особые условия, особые деятельности, и, в зависимости от этого, то или иное слово характерно или не характерно для нее.

Каждое слово имеет, поэтому, свою своеобразную лексическую окраску, но эта лексическая окраска сознается как таковая только вне самой среды, для которой она характерна.

Таково языковое ощущение иностранных языков, диалектов и т. д.

Это использовано у Гоголя, как комический эффект.

Анучкин.

— А как, — позвольте еще вам сделать вопрос, — на каком языке изъясняются в Сицилии?

Жеванин.

— А натурально, все на французском.

Анучкин.

— И решительно все барышни говорят по-французски?

Жеванин.

— Все-с решительно. Вы даже, может быть, не поверите тому, что я вам доложу: мы жили тридцать четыре дня и во все время ни одного слова я не слышал от них по-русски.

Анучкин.

— Ни одного слова?

Жеванин.

— Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянах и прочих синьорах, то-есть разных илжих офицерах; но возьмите нарочно тамошнего простого мужика, который перетаскивает на шею всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: „Дай, братец, хлеба“ — не поймет, ей-богу не поймет, а скажи по-французски: „Dateci del pane“ или „portate vino!“ — поймет и полетит и точно принесет.

(Женитьба. Действ. I. Явлен. XVI).

Комизм здесь основан на том, что лексическую окраску, которую „французский“ язык имеет в русском (т.-е. вне своей среды) действующее лицо переносит в самую среду, т.-е. туда, где этой окраски быть не может¹⁾.

Велика сила лексической окраски слова в любой речевой конструкции — ср. осознание в литературе XVIII в. диалектизмов, как комического элемента, роль античных имен в стихах Пушкина, роль „французения“ в „Евгении Онегине“ и т. д.

Благодаря лексической окраске, — любая тема выносится из безразличной речевой среды и окрашивается наиболее для нее характерной лексической средой. Назвать Англию, Францию — „фирмой“ — это значит не только уподобить ее деятельности существенным чертам фирмы, как торговли и т. д., — не только снизить масштаб и конкретизировать, — но и окрасить все, что о них говорится в особый цвет: слово „фирма“ — сугубо классовое, буржуазное, — и оно опутывает образ целой прочной сетью ассоциаций в данном направлении. Говорить образно о „рычагах“ революции — значит не только употребить известный образ (кстати довольно стершийся), — а незаметным образом окрасить фразу в цвет известной лексической среды, — известной деятельности производственного процесса.

Здесь, в этом отношении, в каждой речевой конструкции образ и сравнение, — может быть мотивировкой, оправданием ввода нужной лексической окраски.

Но лексическая окраска дается, конечно, и помимо образа, помимо сравнения, — и иногда в самых маловажных, второстепенных по значительности словах и словечках. Эти слова и словечки иногда могут производить впечатление чего-то бессодержательного или второстепенного в семантическом отношении, — и вместе с тем они являются очень важными лексическими рычагами, переводящими всю речь в определенную лексическую среду.

Когда деревенские ораторы употребляют непонятные ни для себя, ни для слушающих иностранные слова, — они делают установку на город, на революционную городскую речь. И в таких непонятных словах, — не только слабость, но и сила и смысл бессмысленных речей деревенских ораторов.

§ 5.

Ввиду сказанного, отношение вещи и слова представляется не прямым; вещь не покрывает слова, слово не покрывает вещи. Самое конкретное обозначение вещи — жест, на нее

¹⁾ Комизм еще усугубляется тем, что вместо французских примеров приведены итальянские.

1
05 087

указывающий,—будет самым неконкретным в языковом отношении. От каждого слова идут нити по объему лексического единства; каждое слово в той или иной мере подчиняется общему фразовому значению, оно окрашено широкой лексической средой, для которой оно характерно.

В этом смысле самое конкретное слово, слово, связанное с массой ассоциаций,—будет наименее конкретно для обозначения совершенно определенной, конкретной вещи.

Во-первых, отвлекающее от вещи—влияние ассоциаций с широким объемом лексического единства; чем шире объем лексического единства слова, чем крепче в слове основной признак,—тем больше ассоциаций с разными значениями одного слова, тем больше возможность „многосмыслия“ (ср. приведенный выше пример: „Какую голову с плеч снести“ и „Сердце, золото мое“), тем насыщеннее слово и беднее обозначение.

Затем—влияние фразы; фраза в известной мере подчиняет значение отдельного слова; фраза сама может быть единицей, с общим значением для всех членов; для того чтобы вышеступить значение отдельного слова из этой группы, которая поглотила это отдельное значение—нужны особые приемы. И, наконец, лексическая окраска, которая, подобно рычагу большой силы, переводит всю речь в известную лексическую среду. „Авторитетность“ лексической среды может сделать авторитетным и любое слово. И наоборот, без расчета на нее может получиться неожиданный результат: самое точное обозначение может быть окрашено в неподходящий цвет—и не удастся.

Приведу один пример, когда узость объема лексического единства и неподходящая лексическая окраска совершенно парализуют значение слов, лишают слова динамики.

Казалось бы—есть средство отделаться от ассоциаций, даваемых широким объемом лексического единства (и тем сделать слово обозначением, оконкретить вещь): точное слово—термин, связывающееся только в данной связи с данным понятием,—слово, у которого лексическое единство ограничено одной связью, у которого основной признак прикреплён к вещи.

Предположим, что перед оратором тысячная толпа. Оратор призывает ее к немедленным активным действиям следующими словами:

— Экспроприируйте экспроприаторов!

Предположим далее, что вся толпа, до единого человека, точно понимает значение этих слов.

Слово „экспроприатор“, „экспроприировать“—слова с узким объемом лексического единства; они однозначны*), в этом смысле они должны были быть конкретными. И все же эти-то слова как раз и окажутся не конкретными в плане языка, а потому и не динамичными, не повелительными.

Основной признак, который усложняет значение слова, делает его неадекватным вещи,—связывает слово крепкой ассоциативной связью с многими значениями, ведет его множеством ассоциативных нитей сразу ко многим опорным пунктам лексического единства—по лексическому плану,—делает самое слово вещью быта.

Слово—термин, пусть оно даже и понятно для всех, пусть оно однозначно и в этом смысле точно,—при узком объеме лексического единства—лишено этих ассоциативных нитей; поэтому оно хрупко держится в сознании, оно отъединено,—и к быту не апеллирует, не ведет. Вся толпа может понимать лозунг,—и вместе с тем ничего не сделать.

Кроме того: в приведенном лозунге сильная лексическая окраска, здесь дана установка на „науку“, на „книгу“, на „газету“, наконец, на „иностранное“,—и эта лексическая окраска также отрывает слова от быта, от условий настоящего времени и места, выводит их из конкретного ряда и делает их отвлеченными; этот рычаг переводит весь призыв в самую неподходящую лексическую среду. Все это лишает его силы, динамики.

Предположим, что оратор говорит взамен этой фразы такую:

— Грабьте награбленное (грабителей).

Основной признак „грабить“ ведет к нескольким значениям: сгрести что в одну кучу, отнимать силу, хватать руками („сграбь руками“).

Перед нами не слово-термин; в нем не дана точно подчеркнутая социальная сторона значения, как это имеет место в специальном слове „экспроприация“,—и все же эти слова динамичнее, повелительнее, активнее. Лексический объем шире; основной признак связывает значение, в котором употреблено слово (отымать силой) с другими, оказывающимися более конкретными (хватать руками),—основной признак укореняет слово ассоциативными связями; лексическая окрас-

*) В русское языковое сознание не вошло или вошло в минимальной степени значение слова „экспроприатор“, в котором его употребляло царское законодательство („экспроприация в казну“); обращу, кстати внимание, что слово экспроприация было в ходу в революцию 1905 г., в значении, близком к тому, о котором я говорю. Слово это—в этом специальном значении имело и сокращенную форму: экс. Зато слово „экспроприатор“ в этом ряду имеет значение не только не сходное со значением в приведенной фразе, но и прямо ему противоположное, что, конечно, может до известной степени лишить фразу „однозначности“, точности.

ка — быт, и быт массовый. В результате повелительность словаря, его динамичность ¹⁾.

Другое сильное средство уточнения, собственно, унификации обозначения единичной вещи — это название, производимое таким образом, что основной признак слова, его лексическое единство, точно ограничено данным конкретным вещным применением. Такова точность сокращенных названий: совнархоз, совнарком, госиздат. В этом смысле сокращенные названия обладают большой конкретизирующей силой. Так, слово госиздат, — мужского рода, — несомненно выдвинуто из ряда „издательство“; поэтому „госиздатель“ (помеи agentis) — возможно только как пародия, соотношение между „издательство“ и „издатель“ прервано. Госиздат — совершенно точное обозначение данного единичного по характеру учреждения. В таких случаях перед нами средство унификации слова, подведения его под данную вещь. Но это средство оказывается применимым только тогда, когда называют вещь единичную; если мы назовем сокращенно не единичную, не однородную вещь, а вещь многих рядов, — сокращение будет конкретно не больше и не меньше, чем обычное слово. Так случилось со словом „нэп“. Вначале было слово „вэпо“, обозначающее „новая экономическая политика“; затем слово изменилось в „нэп“, т. е. приобрело формальную принадлежность (мужской род) ¹⁾. Теперь мы читаем: „духовный нэп“, „борьба с нэпом“, „нэпман“, „нэпач“ и т. д. Мы, разумеется, не подставляем в сокращение — слов „новая экономическая политика“, мы о политике даже и не мыслим, — слово нэп, обозначавшее политику, было сразу же перевесено в соседний ряд — на конкретные результаты политики, на конкретные явления, явления же эти многосторонни, а не единичны.

Таково изменение значения слова нэп. (Кроме того оно обросло специфическим эмоциональным „ореолом“). Если мы присмотримся теперь ко всем оттенкам значения слова „нэп“, во втором измененном значении, — мы увидим, что у него широкий лексический объем, что слово нэп — в этом смысле не более и не менее конкретно, нежели любое несокращенное

¹⁾ Нужно, конечно, отметить и другие факторы, обеспечивавшие большую динамичность русской фразы: 1) в фонетическом отношении она более выразительна: грабят — короткое двухсложное слово, начинающееся с крайне выразительного комплекса ГР; на границе слогов — два взрывных: ПТ; между тем в слове „экспроприруйте“ — 3 предударных и 2 заударных сильно ослабляют, 2) суффикс — УИТЕ(ОВАТЬ) — суффикс несовершенного вида, что во временном отношении дает значению окраску двигательности. Все ж таки важной причиной (если не главной) — большей выразительности и динамичности русской фразы является их разница в основном признаке и лексической окраске.

¹⁾ Слово „вэпо“ ощущалось как иностранное, несклоняемое, ср. „депо“.

слово языка: оно уже конкретно в языковом смысле, оно уже не точно, т. е. неадекватно вещи.

Слово неадекватно вещи не только потому, что значение эволюционирует, но и потому, что вещь эволюционирует, а слово за нею „не поспевает“. Так, — в названиях процессов „революция“, напр., слово употребляющееся о всех фазах революции и вместе с тем прикрепленное к одному или нескольким из них.

Кроме того, слово может объединить вещи по признаку, который в данном случае, в конкретном применении — нехарактерен для вещей, а между тем значимость слова может гипнотизировать, объединяя в одну вещь конкретно равные, необъединимые.

Словарь Ленина.

§ 1.

Каждая речевая конструкция имеет свои внутренние законы, которые определяются ее назначением; слово, в зависимости от того, какая задача на него возлагается, бывает выдвинуто то одной, то другой стороной.

Ораторская речь, имеющая цель — убедить — подчеркивает в слове его влияющую, эмоциональную сторону. Здесь играет свою роль момент произнесения; огромное значение той или иной интонацией ^{*}). Здесь важно общее значение фразы — помимо отдельных слов; это общее значение может, наконец, так деформировать значение отдельных слов, что даст одну видимость „значения“, — и все-таки может влиять на слушателей и читателей, потому что остается чисто словесный, объединенный от вещей план (а мы видели, как это много, — хотя бы на элементе лексической окраски). Фраза может стать сгустком, который ценен сам по себе, — своей „словесной“ и эмоциональной силой.

Далее, — для того, чтобы убедить, — нужны сглаженные слова; такие слова имеют большую эмоциональную убедительность. Ведь когда слово сглаживается, — это значит, что оно имеет настолько широкий лексический объем, что в каждом конкретном случае оно уже более не имеет „своего“, специфического значения, — но является как бы названием всего лексического объема, своим собственным названием.

^{*} Ср. легенду о Петре Амьенском, иновычную речь, которого слушающие не поняли, и все же пошли за ним. Значение интонации сказывается в тех случаях, когда слова, не имеющие бранного смысла, произносятся с угрожающей, бранной интонацией, — и наоборот, когда бранные слова произносятся с ласкательной интонацией. Слова — здесь просто „речевой материал“, вне значения, восполняющий „значащий“ интонационный ряд.

Оно совершенно отвыкается от конкретности, но в нем остается глубок ассоциаций, очень эмоциональный, хотя и спутанный; чем больше захватано такое слово, тем больше в нем эмоциональных оттенков, — помимо конкретного значения. Так рождается речь, построенная на „фразе“: „слова, слова, слова“.

Как убеждающая — такая речь может быть сильна; она создала сильную традицию. Это — собственно главный тип ораторской речи; и во многом с нею совпадает тип газетной статьи, — цель которой „убеждение“ или „освещение факта“. У газетной статьи — свои традиции; здесь должны быть приняты во внимание фельетоны и хроникерская заметка, которые во многом влияют на стиль любой „освещающей“ статьи. Но общее основное задание сближает такой тип статьи с ораторской убеждающей речью. Ведь здесь важно не сказать о факте (это задача информационной статьи), — здесь важно осветить факт. Поэтому название, конкретное вышешушывание факта, вещи из слова здесь не нужно. Здесь нужно сопоставить факты с другими, вдвинуть их в известный ряд, — и ключом к такому ряду может быть слово, отсюда искусство „уклончивой фразы“, дающей значение в словесном плане, неперебиваемое на вещный; отсюда — обильные цитаты, как готовый, словесный материал, имеющий уже свою окраску; цитата в статье обычно служит окрашенным трамплином для перехода к настоящему моменту, к разбираемому факту, — и словесное действие трамплина сохраняется и помимо самого перехода. И противоположным типом является речь разубеждающая, дающая новое освещение. Здесь самым сильным полемическим оружием будет — во-первых, использовать приемы противника, во-вторых, противопоставить его исторически сложившейся традиции — новую свежесть.

Здесь — огромная доля значения Ленина, как политического оратора и стилиста. Его полемические приемы, рожденные во время революционной борьбы — были революцией и в области ораторского и газетного стиля.

Разубеждающая речь есть в то же время и речь „убедительная“, но приемы убеждения, самый строй речи будут другие — в зависимости от разного назначения обоих типов. Но, конечно, приемы, выработанные в разубеждающей речи могут затем примениться и в речи убеждающей. И здесь — новый эволюционный этап типа убеждающей речи.

Разубеждающая речь открывала новые приемы и для убеждающей речи. Новая традиция, противопоставленная старой — и в этом смысле сильная и действующая, — была сильна не только в этом противопоставлении, а сама по себе становилась новым этапом стиля.

§ 2.

Обращу сначала внимание на один с виду мелкий, а на деле характерный лексический прием Ленина, — ленинские кавычки.

Из фразы противника изымается слово и ставится под кавычки (графические или интонационные). Стоит просмотреть статьи и речи Ленина, чтобы увидеть, что он делает этими кавычками. Ленин любит говорить словами противника, но он их заставляет заподозривать, лишает их силы, оставляет от них шелуху.

Приведу один пример:

„Империалистическая война, требуя невероятного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы сразу“ (на деле как будто бы сразу) догнали Италию, Англию, почти Францию, получили „коалиционное“, „национальное“ (т.е. приспособленное для ведения империалистической войны и для надувания народа), „парламентское правительство“. (Первый этап первой революции. Н. Ленин, том XVI, с. 1100).

Слова: коалиционное, национальное, парламентское правительство взято в кавычки. Слово вышиблено из его позиции. Слово заподозрено в его конкретном значении. Слова „национальное, коалиционное, парламентское“ — слова с осомнительным конкретным значением. Подчеркивается, что у них нет реального лексического объема, что они — собственно затасканное название самого лексического объема и ничего более, — „название названия“. Слово, как собственное название, слово с выветрившимся лексическим объемом, — это подчеркивают иронические кавычки.

И кроме того, они иронически подчеркивают лексическую окраску: все три слова — слова „высокой“ политики к стати выразительные и фонически, помимо значения. (Это еще подчеркивается ироническим толкованием, данным в нарочито сниженной лексической окраске, — „война“, „надувание“).

Это любопытный случай. Собственно такое слово, как „сразу“, — слово нецентральное в предложении, — зато по значению, как бы усиление слова „догнали“. В убеждающей речи эти второстепенные по значению, но в то же время усиливающие, подчеркивающие слова попадают очень часто и в общей массе слов они играют роль нажима, почти незаметного, но сильно действующего.

Характерно, что и этот прием убеждающей речи Ленин в приведенной цитате обессаливает, эмоционально-оое „сразу“, повидимому второстепенного значения, он берет в кавычки — и дает поправку: как будто бы сразу.

Таким образом, в этом случае подчеркивается не пустота слова, не его словесная сторона, а его невязка с: тем, что на „деле“, — невязка с вещным планом.

Из слова выдернута вещь, которая неадекватна слову, слово поколеблено в его связи с вещью,—и дана поправка¹⁾.

Здесь ясно, что тогда как убеждающая речь идет по руслу эмоциональному, тогда как она стремится использовать чисто словесный план, неразложенные „цельные“ значения слов,—со всеми примесями, которые дает им лексический план, со всеми эмоциональными оттенками, и тогда как для нее фраза является цельным сгустком, некоторым синтетическим целым, часто ценным сам по себе,—разубеждающая речь идет по пути разложения этих сгустков анализа их, вышелушживания слова из фразы и вещи из слова.

Сглаженное слово может быть подчеркнуто в словесном плане; последняя ступень сглаженного слова—это окончательный разрыв его с конкретными, специфическими значениями,—когда слово употребляется как „название названия“, как обозначение самого лексического единства.

Таковы в прессе „слова с большой буквы“.

Родина, Революция, Восстание,—в самой графике подчеркнуто, что здесь говорится не о специфических значениях, встречающихся на пространстве лексического единства,—нет здесь, собственно, дано название самого лексического единства,—это словесное обозначение самого слова. Мы видели, что эмоциональное воздействие у сглаженных слов имеется, что как раз отсутствие специфического, конкретного в них значения оставляет простор для эмоциональных оттенков, окружающих слово вне конкретных значений.²⁾

Ленин в полемике с „разгулом революционной фразы“—противопоставляет этим большим буквам—свои кавычки: „Дело Народа“,—пишет он,—фразерствует „под якобинца“. Грозный тон, эффектные революционные восклицания. „Мы знаем довольно“, „вера в победу нашей Революции“ (обязательно с большой буквы), „от того или иного шага русской революционной демократии... зависят судьбы всего так счаст-

1) У Ленина есть и не только иронические кавычки; сплошь и рядом он употребляет в кавычках вообще слова ходовые „не свои“; этим как бы подчеркивается, что автор за слово не ручается, что он берет первое попавшееся слово для обозначения вещи. Таким образом, здесь слово не разоблачается, а за него просто не ручаются. Это кавычки осторожные. И это доказывает языковую осторожность Ленина.

2) Это относится даже к таким написаниям, как еврей, немцы и т. д.,—принятым,—конечно, сознательно,—в „Новом Времени“: здесь дело идет не о конкретных национальностях, а об общих названиях лексических единств, окруженных известным эмоциональным „ореолом“. (Разумеется, это не относится к словам, обычно выдвинутым графически-собственным именам).

Интересно, что „аллегория“ XVIII и XIX веков и „символ“ XX века в русской поэзии тоже изображаются часто „большой буквой“. Здесь подчеркивается тоже, что и в приведенных примерах: отсутствие конкретных, специфических значений; слово, как „название названия“,—и тоже подчеркивается известный эмоциональный „ореол“.

ливо, так победно поднявшегося Восстания (обязательно с большой буквы) трудящихся“. Конечно, если слово Революция и Восстание писать с большой буквы, то это „ужасно“ страшно выходит, совсем как у якобинцев. И дешево и сердито“. (О вреде фраз, т. XIV, стр. 223).

Таким образом, тогда как в случае со словом „сразу“ обращено внимание на невязку слова с вещью,—в этом случае „Восстание“, а также в случае с „национальным“, „коалиционным“ и т. д. разоблачается самое слово в его значении. По этим двум руслам и идет полемическая „языковая политика“ Ленина.

§ 3.

Ленин борется с гладкими словами, с теми словами, в которых только туманно представляются конкретные, специфические значения,—конкретные ветви лексического единства, но которые сохраняют свою чисто словесную силу, являясь только названиями самого лексического единства, названием названия, затуманенного сильным действием лексического плана, в котором движется речь; и как я сказал, чем более захватано такое слово, тем сильнее в нем эмоциональный „ореол“. Ленин пишет о таких словах:

„Поменьше болтовни о „трудовой демократии“, о свободе, равенстве, братстве“, о „народовласти“ и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же ловко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как мной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно „гладкую“ физиономию и внешность благородного человека, сразу и безошибочно определяет: по всей вероятности мошенник“. (Великий почин, т. XVI, стр. 255).

Ленин-полемист занимается последовательной ловлей блуждающих слов, которые „по всей вероятности мошенники“.

„Не правда ли перл? До осуществления социализма управлять колониями будет, согласно резолюции сего мудреца (Гаазе), не буржуазия, а канэй-то добренький, справедливенький, сладенький „союз народов“. (Герои „Бернского Интернационала“. Коммунист. Интерн. № 2).

Для того, чтобы разоблачить мошенничающее слово—нужно взрыхлить его замкнутое, сглаженное лексическое единство, нужно разоблачить его лексический план. Ленин говорит о „свободе вообще“, „демократии вообще“, „революции вообще“, „равенстве вообще“.

Он занимается анализом конкретных специфических значений слова, анализом лексического единства слов; полемизируя, разоблачая лозунг, он дает его словарный анализ,—и указывает затуманивающее действие фразы и лексического плана.

Спрашивайте:

- Равенство какого пола с каким полом?
- Какой нации с какой нацией?
- Какого класса с каким классом?
- Свобода от какого ига или от какого класса?

Кто говорит о политике, о демократии, о свободе, о равенстве, о социализме, не ставя этих вопросов, не выдвигая их на первый план, не воюя против пританья, скрыванья, затушевывания этих вопросов,—тот худший враг трудящихся". („Советская власть и положение женщины", XVI, с 363).

Лексическое единство взрывается. Слово, как название лексического единства, перестает существовать. Исчезает эмоциональный „ореол" „слова вообще"—и выдвигаются отдельные конкретные ветви лексического единства. „Слову вообще" противопоставлены аналитические ветви, им объединенные.

„Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить. В этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы всех людей сделаем равными друг другу,—это пустейшая фраза и выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, вывертывает слова, а содержания нет—пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было". (Об обмане народа лозунгами свободы и равенства, XVI, стр. 209).

Тот же анализ проделан по отношению к лозунгу „свобода".

„Свобода, нечего говорить, для всякой революции, социалистической ли или демократической есть лозунг, который очень и очень существен. А наша программа заявляет: свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман". (Об обмане народа лозунгами свободы и равенства, стр. 202).

„Всякая свобода, если она не подчинена интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман". (стр. 205).

Вместо слово „свобода"—названия лексического единства—говорится: „всякая свобода",—т. е. дается конкретный лексический план.

И при анализе лексического единства—всплывает, что его застывшее название, его символ, не включает в себе всех его конкретных ветвей,—обнажается его бедность конкретными ассоциациями. При богатстве эмоциональных ассоциаций обнажается—затуманивающее действие лексического плана. В составе единства оказываются противоречивые конкретные ветви значений, исторически не вошедшие, как составная часть в традиционное название слова, в его „символ".

„Слово „свобода"—хорошее слово. На каждом шагу „свобода": свобода торговать, продавать, продаваться и т. д." (Речь на митинге в П. Б. 13/III—19 г.).

„(Советская власть) подавляет „свободу" эксплуататоров и их пособников, она отнимает у них „свободу" эксплуатировать, „свободу" наживаться на голоде, „свободу" борьбы за восстановление власти капитала. „свободу" соглашения с иноземной буржуазией против отечественных рабочих крестьян". (III Интернационал и его место в истории, Ком. Интерн. № 1).

И наконец, языковая игра, (каламбур), обнажающая разные ветви лексического единства и противопоставляющая их—лозунгу „названию лексического единства".

„Свободная торговля хлебом—это значит свобода наживаться для богатых, свобода умирать для бедных". (Ответ на запрос крестьянам, Правда, 1919 г. № 35.),

Того же типа разоблачение слова „демократия" и „революция".

„Господа, герои фразы! Господа, рыцари, революционного красноречия! Социализм требует отличать демократию капиталистов от демократии пролетариев, революцию буржуазии и революцию пролетариата, восстание богачей против царя и восстание трудящихся против богачей" (О вреде фраз, ст. 223).

„Надо только, чтобы фраза не темнела ума, не засоряла сознания. Когда говорят о „революции", о „революционном народе", о революционной демократии и т. п., то в девяти случаях из десяти это лганье или самообман. Надо спрашивать о революции какого класса идет речь, о революции против кого. (О твердой революционной власти, т. ст. 173).

Также как приставка к общему лозунгу „свобода" дифференцирующего эпитета „всякая", „какая"—переносит лозунг, застывшее „название названия", тень лексического единства,—в конкретный план, так и „революция",—„революция вообще"—слово без конкретных ветвей лексического единства, слово-название самого себя получает дифференцирующую приставку „против кого".

Эта приставка неожиданна,—именно потому, что слово „революция" залакировано и как будто не требует дифференциации,—в этом особенность „сглаженных слов". Вопрос „против кого" переносит слово в конкретный лексический план. В данном случае это так ясно, что мы ощущаем как бы частичную перемену значения:

- 1) Революция.
- 2) Революция против кого?

Тот же перенос в конкретный лексический план в анализе слова „народ".

„Земля всему народу". Это правильно. Но народ делится на классы. Каждый рабочий знает, видит, чувствует, переживает эту истину, умышленно затираемую буржуазией и постоянно забываемую мелкой буржуазией". (О необходимости основать союз сельских рабочих, статьи—Правда, 1917 г., № 91).

И здесь сглаженное слово-лозунг, ставшее собственным названием, как бы меняется в значении, переходя в конкретный лексический план.

Это основано на том, что слово „народ“ со времени народовольцев употреблялось как лозунг в специфическом конкретном значении: народ — простой народ (факультативно — крестьянство). Лозунговое употребление быстро сглаживает конкретность, превращает слово в „название слова“, с особым эмоциональным ореолом; конкретное, специфическое значение стирается и сглаженное лозунговое слово начинает распространяться на все лексическое единство. Само собою объем лексического единства мыслится при этом туманно, так как в слове сказывается затуманивающее действие лексического плана: в нем остается „ореол“ от старого значения, несмотря на то, что слово уже прилагается ко всему объему лексического единства.

Таким образом лексическое единство было покрыто лозунговым словом с эмоциональным ореолом. Поэтому сопоставление с лозунговым словом „народ“ простого слова „народ“ — как бы переставляет опорный пункт лексического единства, открывает его другим ключом, — изменяет лексический план. Нельзя сказать, употребляя лозунговое слово:

„Народ“ делится на классы.

Это можно сказать только сняв со слова лозунговый ореол: Народ делится на классы.

Поэтому во фразе Ленина слово народ кажется переменою значения. Слово переведено в другой лексический план, и этот план позволяет проанализировать лексическое единство, „объем слова“.

И этот сдвиг оказывается сильным рычагом; слово без ореола вернулось в ряд всех слов. Старое лозунговое слово „Народ“ противопоставилось слову „правительство“, „власть“ без ореола оно теряет с ним связь по противоположности: „Правительство, какой бы формы правления оно ни было, выражает интересы определенных классов, поэтому противопоставлять правительство и народ... есть величайшая теоретическая путаница“. (Речь Ленина на съезде Советов. Правда, 1917 года, № 95)

Слово замкнутое ореолом „не подпускало“ к себе, оно не поддавалось анализу, оставалось действенным, влияющим в словесном плане, без ореола оно входит в ряд всех слов, и этот анализ допускает.

Сдвиг лексического плана, затуманившего основной признак и вместе конкретный объем лексического единства — позволяет их вновь восстановить.

Сюда же относится борьба с неприятными обозначениями, с застывшими образами. Каждый образ в языке изнашивается, застывает. Когда он „жив“, действителен, — это значит,

что слово как-то отодвинуто, что есть в слове какая-то невязка динамизирующая значение. Эта невязка может происходить от того, что в слове столкнулись два значения, два лексических единства, два основных признака — и эти два лексических единства теснят друг друга (метафора). Это может происходить из-за невязки фразового смысла (т.е. смысла слова определяемого фразой) с основным признаком (лексическим единством) данного слова.

Во всяком случае, невязка обязательна для действенного живого образа.

Когда же образ стирается, — это значит невязка прекратилась — основной признак слова стерся, — и слово удобно укладывается в фразу, не выдвигаясь, становится однородным с другими. И такое слово, со стертым основным признаком стершим образ — бледнее, чем „простое“, „необразное“ слово, — именно потому, что в нем стерт основной признак, стерто сознание его, как лексического единства. Если бы мы захотели проанализировать конкретные значения этого слова, — ключ оказался бы потерянным.

Например — „страна“ в значении „народ“. Этот образ мог быть живым — когда-то; т.е. в слове могло ощущаться, что оно в семантическом отношении выдвинуто, неоднородно с другими словами. Эта выдвинутость была основана на том, что фразовый смысл слова не вязался с основным признаком слова — с его лексическим единством. Это станет ясно, если мы возьмем в примереще не совсем стершийся образ: „земля“ — народ.

Перед нами фраза:

Вся земля откликнулась.

Здесь фразовый смысл слова, его значение, определяемое фразой — не вяжется с тем основным признаком, который жив в слове „земля“. Фразовый смысл не покрывается основным признаком, основной признак выделяется и окрашивает всю фразу. Она семантически обостреннее, чем:

Весь народ откликнулся.

Теперь перед нами „страна“ — народ. Этот образ стерся. Что это значит? Это значит, что фразовый смысл затемнил основной признак, часто употреблявшегося именно так слова. Слово страна также мало выдвинуто, как слово народ. Основной признак, лексическое единство слова „страна“ — исчезло; и вместе с тем это слово стало глаже, чем слово „народ“ — ведь раз исчез основной признак, — стало быть исчезла возможность разнести слово „страна“ по конкретным специфическим значениям, по конкретным ветвям лексического единства. Такое гладкое слово тоже может быть словом — „мошенником“, потому что самая сглаженность делает его неуязвимым. Потеря основной признак, — стало быть потерял ключ к конкретным специфическим значениям, осталось

слово—маска, слово, которое в фразе „звучит“, значит, но за пределы свои не пускает; слово „непрямое“, не свое, „чужое“, а сознание невязки чуждости—стерто.

Ленин—полемист сдвигает с места эти застывшие образы, подбирает к ним ключ; он цитирует речь Малякова: „Власть будет левее все больше и больше, пока страна будет правее все дальше и дальше“—и анализирует цитату следующим образом:

„Страной“ Маляков называет капиталистов. В этом смысле он прав. Но „страна“ рабочих и беднейших крестьян, уверяю вас, гражданин, раз в 1000 левее Черновых и Церетели и раз в 100 левее нас. Поживете—увидите. (На зубок новорожденному... „новому“ правительству).

Здесь застывший образ сдвинут тем, что он прямо сопоставлен с конкретными значениями,—не своими, а того слова, которое подсказывается фразовым смыслом: Нельзя сказать: страна рабочих и беднейших крестьян левее хотя и можно сказать: страна левее.

Конкретизация сбросила со слова маску, оно оказывается застывшим, скрывающим одно специфическое значение „соседнего“ слова „народ“, между тем как именно вследствие его сглаженности, застылости—его легко и незаметно подставили на место всего ряда значений слова „народ“.

§ 4.

Выше я сказал о „вещной“ конкретности и словесной неконкретности иностранных терминов. Они конкретны только по связи с вещью. Если эта связь не известна,—у них нет ассоциативных нитей, ведущих к другим словам,—у них бедный лексический объем. И вместе с тем, даже если связь этих терминов с вещью неизвестна или затемнена (а стало быть, ввиду особой, от единичной природы иностранного термина—порваны вообще ассоциативные нити)—такое слово—термин, как „гладкое“ слово, имеющее „благородную“ лексическую окраску—может пройти незамеченным.

Это самый обычный тип „мошенничества слов“.

Приведу пример разоблачения таких слов Лениным:

„Как врячут прибыли господа капиталисты“ (Правда, 1917 г., № 947).

.....На счете особого резервного капитала показана сумма 5¹/₂ мил. рублей. Именно в так-называемый резерв или резервный капитал сплошь да рядом записывают прибыль, чтобы скрыть ее. Если я, миллионер, получил 17 миллионов рублей прибыли, из них 5 миллионов „резервировал“ (т.-е. по-русски тайно про запас)—то мне достаточно записать эти 5 миллионов „резервный капитал“, и дело в шляпе.

Равным образом, сумма в 224 тысячи рублей „невыплаченный дивидент акционерам“ тоже в общей сумме прибыли

не значится, хотя всякому известно, что дивидент выплачивается из чистой прибыли*.

Случай классический,—мошенническое слово участвует в действительном мошенничестве, и разоблачение мошенничающего слова равносильно обвинению в действительном мошенничестве.

„Гладкий“, „благородный“ лексический вид слова („иностранный термин“) при сниженном переводе на русский язык исчезает,—и обнаруживается простое значение,—иногда довольно неказистое, как в данном случае.

§ 5.

Слова-названия стираются очень быстро. Они обозначают конкретную вещь—и поэтому начинают играть красками вещи, приобретают окраску от вещи.

В этом смысле слово „эсэр“ также конкретно как „социалист-революционер“; эсдек также конкретно, как „социал-демократ“. У этих слов („эсэр“ и т. д.) есть своя окраска, идущая от обозначенной вещи, а не от названия.

Но, оказывается, слова-названия не совсем стираются, значение все-же остается и помимо обозначения.

На это основано полемическое употребление названий враждебных партий.

Коммунистические газеты не станут писать „конституционалист-демократ“, они пишут прямо „кадет“ (и даже не „к.-д.“, ибо „к.-д.“—1) обозначение вещи; 2) обозначения значения, тогда как „кадет“ порвало совершенно со значением и является только обозначением, только названием, и притом самостоятельным словом, что окончательно вытесняет все следы значения слов „конституционалист-демократ“; название „эсэр“ тоже только обозначение вещи, тоже самостоятельное слово, порвавшее со значением („социалист революционер“); и в этом смысле оно конечно дальше уводит от словесного значения чем „с.-р.“, которое одновременно является обозначением вещи и обозначением значения. *) Поэтому, напр., очень сильным приемом было окрестить „союзников“, Антавтой и т. д. Нетрудно заметить, что слово „союзники“, как обозначение—стертое слово, и все же в нем была и некоторая возможность оживить значение, при известных фразовых условиях. Слово „Антанта“ лишило этой возможности (Кроме того, самое звуковое строение слова было несколько комическим: ан-тан; комической же была и ассоциация со словом „танта“).

*) Поэтому же враждебная коммунистам пресса не употребляет слова „коммунисты“, а употребляет синоним „большевики“,—это потому, что значение слова „коммунисты“, гораздо больше подсказывает, чем слово „большевики“, которое таким образом является только обозначением вещи.

Когда вещь только обозначают, а ее название лишается своего значения—происходит заметное снижение вещи.

Поэтому каждое оживление в значении названия—повышает самую вещь.

Как можно оживить значение. Это можно сделать только сменив старое название и осмыслив новое.

Перемена названия партии „социал-демократы большевики“ на „коммунисты“,—было не только терминологическим размежеванием с „социал-демократией“ *); 3) но и оживлением значения.

Перемену названия Ленин мыслил именно как сдвиг, как борьбу с языковой рутинной; привычность старого названия не довод за сохранение его, а довод за перемену:

„Массы привыкли, рабочие „полюбили“ свою социал-демократическую партию“.

....Это довод рутинный, довод сплочки, довод косности. А мы хотим перестроить мир.

.....И мы боимся сами себя.

Мы держимся за „привычную“, „милую“, грязную рубаху.

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье.

Здесь подчеркнута динамика нового названия,—бояться нового своего названия,—значит бояться самого себя,—потому что новое название оживляет значение,—сдвигает самую вещь—непривычно возвышает ее, и отмежевывая, отделяет от других.

Замена названия произведена не только потому, что вещь больше не соответствует ему, но, главным образом, потому, что „старое“, „привычное“ название обносилось как грязное белье.

Слово может быть живым, не сглаженным, не изношенным—и оно все-таки неадекватно вещи. Оно может быть, неадекватно вещи потому, что задвигает одну какую либо сторону вещи, а других не покрывает. Тогда это слово объединяет вещи по нехарактерному признаку и объединяя их неправильно отождествляет. Оно может также быть неадекватно вещи, если вещь текуча, процессуальна. Тогда каждая новая фраза процесса отличается в вещном плане от старой, а в словесном не отодвигается.

Пример первого.

Ленин проводит ход рассуждений эсеров „Нас обвиняют в том, что мы были в блоке, в соглашении с Антантой, с империалистами. А вы, большевики, разве вы не были в соглашении с немецкими империалистами? А что

*) Ср. „Старое название нашей партии облегчает обман масс, тормозит движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой газете, в каждой парламентской фракции масса видит вождя, т.-е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны, и все они „тоже—социал-демократы“... все они предвзвешивают к уплате старые векселя, выданные „социал-демократией“.“ (Задачи в нашей революции. X, с. 61—2).

такое Брест? А разве Брест не есть соглашение с империалистами? Вы соглашались с империализмом немецких в Бресте, мы соглашались с империализмом французским,—мы квиты, нам не в чем наяться“.

Ленин анализирует: „Чтобы этот вопрос выяснить, я позволю себе привести сравнения с индивидуальным обывателем. Представьте себе, что ваш автомобиль окружают бандиты и представляют вам револьвер и виску. Представьте себе, что вы отдаете после этого бандитам деньги и оружие, представляя им уехать на этом автомобиле. В чем дело? Вы дали бандитам оружие и деньги. Это факт. Представьте себе, что другой гражданин дал бандитам оружие и деньги, дабы участвовать в походе этих бандитов против мирных граждан. В обоих случаях есть соглашение. Записано оно или нет, сказано оно или нет, это не существенно. Можно себе представить, что человек отдает молча свой револьвер, свое оружие и свои деньги. Ясно содержание соглашения. Он говорит бандитам, „я тебе дам оружие, револьвер и деньги, ты мне дашь взамен уйти от приятной близости с тобой“, соглашение налицо. Точно также возможно, что молчаливое соглашение заключается между человеком, который дает оружие и деньги бандитам для того, чтобы дать им возможность грабить других, и который затем получает частицу добычи. Это тоже молчаливое соглашение. Я вас спрашиваю: найдите мне такого грамотного человека, который не сумел бы различить обоих соглашений.

(Об обмане народа лозунгами свободы и равенства, XVI с. 198—9).

Слово „соглашение“—живое конкретное, специфическое. И все же оно в данном случае покрывает вещи разные, потому что пункты вещей, как объединяемые словом для самих вещей-нехарактерны.

Эта неадекватность слова и вещи обнаруживается в приеме упрощения. Вещи выбираются не только самые конкретные, но и самые остро-противоположные (тот, кого грабят—тот кто принимает участие в грабеже), и в этих остро-противоположных вещах устанавливается общий пункт,—разбираемое слово („соглашение“). Раз это слово оказывается общим для таких разных вещей,—значит оно нехарактерно для них, их не покрывает.

Другой случай,—когда слово покрывает текущий процесс.

Перед нами слово „революция“—но не в сглаженном, не-лозунговом значении, а в его конкретном специфическом значении. Так как слово означает процесс,—то оно должно покрывать разные фразы его,—но на деле легко прикрепляться к одной фразе его.

Ленин полемизирует с этим явлением:

„Обычно ссылаются на „последний“ довод: у нас революция. На этот довод насковозь лживый. Ибо наша революция до

сих пор дала только власть буржуазии. Что даст завтра наша революция, — возврат к монархии, укрепление буржуазии, переход власти к более передовым классам, — мы не знаем и никто не знает. Значит ссылаться на „революцию“ вообще есть грубейший обман народа и обман самого себя“. (Соломинна в чужом глазу X с. 231).

То же и по отношению к войне.

Когда мы возьмем в свои руки власть, тогда мы обуздаем капиталистов и тогда это будет не та война, какая ведется сейчас, — потому что война определяется тем, какой класс ее ведет, а не тем, что в бумагах написано“. (Речь на I Всероссийском Съезде Советов Р. и С. Д.).

Поэтому формулы, определения не должны быть „одноцветными“, чтобы из них не ускользала „чрезвычайно сложная, поменьшей мере двухцветная действительность“ (Письма о тактике, I).

В силу этого Ленин протестует против помещения в партийной программе слов „Всемирная Советская Республика“.

..... Претендовать сейчас на то, чтобы дать в программе выражение законченного процесса было бы величайшей ошибкой. Это было бы похоже на то, как если мы сейчас в программе выставили всемирный Совнархоз. А между тем к этому уродливому слову „Совнархоз“ мы сами еще не сумели привыкнуть; с иностранцами, говорят, бывают случаи, когда они ищут в справочнике, нет ли такой станции (смел). Эти слова мы не можем декретировать всему миру“. (Заключит. слово на вопрос о парт. программе, 19/III—19 г.).

Каждое слово является закреплением процесса и поэтому либо забегает вперед, предупреждает самый процесс, либо запаздывает, прикрепляясь к какой-либо одной фазе процесса. Чтобы процесс не застыл в сознании, а действительность не становилась через призму слова одноцветной, — приходится проверять слова, обнажить их связь с вещью.

„Надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова о „диктатуре пролетариата и крестьянства вообще“, — пишет Ленин в „письмах о тактике“. (Письмо I. Т. X с. 29).

§ 6.

Таким образом, полемическая „языковая политика“ Ленина выражается:

1) в принципиально-осторожном отношении к словарю (ср. прим-р „сразу догнали“, в заподозривания самого слова (термин Ленина: „слово-мошенник“).

2) в выпелушивании из власти фразы конкретного значения слова (тот же пример).

3) в борьбе против гладких слов—лозунгов, с туманным объемом лексического единства и с властью лексического плана („Свобода“, „Равенство“, „Народ“), в снятии с них „орбела“ — и в переводе их в другой лексический план, позволяющий проанализировать объем лексического единства.

4) в борьбе против слов—терминов с туманным объемом лексического единства, которым затемнен и заменен „высокой“ лексической окраской (разоблачение слова — резервный капитал).

5) в борьбе против старых износившихся слов за отмежевание вещи и оживления значения („коммунисты“ — вспомни „социал-демократы большевики“).

6) в борьбе против слов, которые объединяют разные вещи против нехарактерных слов („соглашение“ всеров с французским империализмом и „соглашение“ коммунистов с немецким империализмом).

7) в борьбе против „одноцветных“ слов, выражающих „двухцветную“ процессуальную действительность, с конкретным анализом вещи в каждом данном случае (с процессом снимается неподвижное слово: анализ слова революция).

§ 7.

Это полемическое использование словаря противников было не только чисто отрицательно, — в самой полемике противопоставлялись лексическим приемам противника — приемы противоположные. В этом смысле самая полемика Ленина — была значительным сдвигом традиции и в области русской ораторской речи и в области русской газетной статьи.

В анализе словаря противника Ленин уже дает все характерные черты своего словаря. Укажу всего лишь еще на две черты его словаря: приемы снижения высокого стиля, приемы ввода лексической окраски и приемы словарной конкретизации.

Самый резкий прием снижения — употребление слов, которые по самому своему назначению „низки“ — таковы слова бранные.

Употребление бранного слова в ораторской речи или газетной статье прием сразу снижающий высокий план, переводящий речь на план бытовой.

При этом не так важна „бранность“ слов, как то, что они в данной конструкции новы. Есть „ругань“ литературная и даже характерная для литературы, — такие бранные слова разумеется не будут играть той же роли, что бранные слова неупотребительные в данной конструкции, будь то ораторская речь или газетная статья.

В начале я упоминал о том впечатлении, которое производит в замкнутых литературных конструкциях употребление „запрещенных по нивосте“, бытовых слов. Такие лекси-

ческие приемы повышают действие речи, сдвигают ее (разумеется пока самк не изнашиваются). Такова же и роль этих нарочито низких слов в речи ораторской (или в меньшей мере, в газетной) — они обращают на себя внимание, они „бьют“, „задевают“.

Ср. „Вы шуты гороховые, ибо вы прекраснотушными словами заговариваете и заслоняете вопрос о голоде. („Об обмене народа лозунгами свободы и равенства“, XVI с 215).

„Есть ведь такие мерзавцы, которые после года советской работы, когда между прочим продовольственники доназали, что мы 42 тыс. вагонов с продуктами за последние месяцы дали деревне, а получили взамен хлеба только 39 т. вагонов, есть мерзавцы, которые все же кричать“: крестьяне, вас грабит Сов. власть. (Речь на митинге в ЛБ. 13/III—19 г.).

Сюда же относятся бранные слова, имеющие комическую окраску. Сниженная речь не боится „комической“ окраски, тогда как высокая допускает только „остроумие“ (т.е. главным образом, игру словами, каламбуры):

„Я очень хорошо помню сцену, когда мне пришлось в Смольном давать грамоту Свиухувуду (что значит в переводе на русский язык „свиноголовый“) представителю финляндской буржуазии. (Речь на засед. ВЦИК 19/III—19 г. „Партийная программа“).

Здесь словарный комизм поддержан тем, что он мотивирован,—дан, как „перевод“.

Почти столь же сильно действие слов, имеющих хотя и не бранную, но „порицательную“, нейоративную окраску, а главное „бытовую“, т.е. в литературном отношении сниженную:

„Английские газеты открыто хвастали и английские министры тоже, что они дали помощь Ленину“...

(Соврем. полож. XVI, 263).

(Следует обратить внимание, кстати и на синтаксис в этой фразе: „и английские министры тоже“,—этот синтаксис удаляет от литературы и придвигает к бытовой речи).

Ср. также:

„Он (Бутлид) нас уверял,—эти господа любят хвастаться—что Америка—все, а кто же считается с Францией при силе Америки. Когда же мы подписали договор, так и французский Клемансо и американский министр сделали такого рода жест. (Делает красноречивый жест ногой).

Бутлид окаменел с пустейшей бумажкой, и ему сказали: кто же мог ожидать, чтобы ты был так нахвон, так глуп и поверил в демократизм Англии и Франции“.

(Доклад Совета Нар. Ком. 6/XII—19 г. XVI, 415).

Здесь собственно слова „хвастаться“ эпитет: „пустейшая бумажка“,—так же красноречивы, как жест ногой. Это употребление слов, имеющих „бранную“ окраску, ведущую к быту,—в ораторской речи, так же необычны для словаря ораторской речи, как необычен для ассортимента ораторских жестов „красноречивый жест ногой“. Так же, как он—эти слова не только снижают всю речь, не только сбивают „ореолы“ и „высоту“ противников,—но апеллируют к бытовой речи каждого, апеллируют к быту, связывают речь ежедневной и повсюдной речью каждого,—а стало быть протягивает между ораторской речью и слушателем самые прочные и количественно и качественно бытовые ассоциативные связи.

С этой точки зрения и важна лексическая окраска Ленинской речи. Таков „перевод“ иностранного лексического плава в русский план (мы уже видели комический „перевод“ фамилии Свиухувуда) Ср.:

„Вопрос: как быть, если в России власть перейдет в руки Советов Р. и С. Д., а в Германии не произойдет такой революции, которая бы низвергла не только Вильгельма II, но и немецких Гучковых и Милуновых (ибо если немецкого Николая II заменить немецкие Гучковы и Милуновы, то по отношению к войне ровно ничего не изменится). (18/IV—17 г. Наши взгляды, Правда № 35).

Назвать Вильгельма II—немецким Николаем II—это значит не только уподобить их друг другу,—сколько перенести все в русский лексический план. При этом здесь „Николай II“—не есть, конечно, именно „Николай II“,—а только самая конкретная, самая ассоциативно богатая конкретизация слова „царь, самодержец“ и т. д. провозведенная в специфически русском и современном лексическом плане. Такие „переводы“ обладают такой огромной снижающей предмет с читателем силой, что все остальное в статье, что относится к Вильгельму II и немецкой буржуазии—будет окрашено всей ассоциативной живостью русской лексической среды.

Таковы же и следующие примеры лексической окраски, ведущей к быту:

„Дохозяинчались господа из Временного Правительства“. (К чему ведут контр-рев. шаги Вр. Правительства. Правда, № 43, 17 г.).

Самый удобный прием ввести богатый такой лексической окраской словарный материал,—это материал образной речи.

Подобно тому, как рифма в стихах связывает между собой не только окончания слов и не только рифмующие слова, но и целые стихи, строки, кончающиеся этими рифмами,—так и образ соединяет в сознании не только два дан-

ных понятия, два данных слова, — но приводит в связь два целых лексических единства, которые в свою очередь — каждое ведет к разным лексическим средам:

„Рядом с этим Правительством, — в сущности, простым приращением миллиардных фирм“: Англии и Франции с точки зрения данной войны, — возникло новое...

....Русский капитал есть лишь отделение всемирной „фирмы“, вращающей сотнями миллиардов рублей и носящей названия: „Англия и Франция“.

(Первый этап первой революции, т. XIV. с. 10).

Здесь даны образы: Англия и Франция — фирмы; Временное правительство — приказчик. Этот образ развернут: Англия и Франция — не только фирмы, но и „миллиардные фирмы“, „фирмы вращающие сотнями миллиардов рублей“; при чем во второй фразе образ дается в сгущенном подчеркнутом виде: „фирмы, носящей название Англия и Франция“ — и таким образом слово „фирма“ — дает тон, превалирует над второй частью образа; „Англия“ и „Франция“ — это уже не „фирмы“, а только „названия фирм“. Эти лексические единства: „фирма“, „приказчик“ — ведут ассоциативными нитями очень далеко в толщу повседневного буржуазного быта, — и очень сильно лексически окрашивают все, что после этого говорится еще об Англии и Франции и внешней политике Временного Правительства.

Второй словарный прием, который здесь отмечу особо, — это прием лексической конструкции.

Здесь для Ленина характерно употребление единственного числа в собирательном значении (американец вместо американцы, рабочий вместо рабочие). Этот прием делает фразу конкретнее.

„Рабочий говорит“ и „рабочие говорят“, во втором случае множественное число лишает подлежащее конкретности, вносит в значение оттенок обобщенности, не конкретное множественное число „рабочие“, а обобщающее: — рабочий класс“.

Между тем „рабочий“ — хотя и собирательное, но единственное число делает его конкретным.

Вместе с тем „рабочий говорит“ конкретнее и во временном отношении, чем „рабочие говорят“.

Второе — общее, оно не имеет в виду настоящий момент (можно заменить его: „в рабочих слоях говорят, утверждают“). Эта конкретность единственного числа позволяет развертывать общие утверждения в форме конкретных сценок: Ср..

„Мира без аннексий и контрибуций нельзя заключить, пока вы не откажетесь от собственных аннексий. Ведь это же смешно, это игра, над этим смеется в Европе каждый рабочий, — он говорит: на словах они красноречивы, призывают на-

роды свергать банкиров, а сами отечественных банкиров посылают в министерство“. (Всер. Съезд Советов Р. и С. Д. X 260).

Еще яснее этот прием на следующем примере:

....Американец с точки зрения нуля спрашивает: „заплатят или не заплатят“ — и отвечает опять-таки с точки зрения совершенно делового коммерческого расчета: „заплатить не из чего. И даже 20 к. за рубль не получишь. (Речь на митинге в ПБ 13/III—19 г.).

Здесь этот прием усилен еще вводом цифр. Этот ввод примерных цифр также характерный прием лексического упрощения, очень частый у Ленина: Ср.:

„Вы говорите, что они (рабочие и крестьяне) должны быть равны. Давайте взвесим, рассчитаем. Возьмите 60 крестьян и 10 рабочих. У 60 крестьян есть излишек хлеба. Они ходят оборванные, но у них есть хлеб. Возьмите 10 рабочих. После империалистической войны они оборваны, измучены, у них нет хлеба, топлива, сырья. Фабрики стоят. Что же они равны по-вашему? 60 крестьян имеют право решать, а 10 рабочих должны подчиняться. Великий принцип равенства, единства трудовой демократии и решения большинства!“

(Об обмане народа лозунгами свободы и равенства, XVI, 215).

Примерные числа вместо простого множественного числа „рабочие“ и „крестьяне“ — конкретны, потому что уточняют отношение.

Но они конкретнее действительных чисел, потому что большие числа не ощущаются, — и они должны быть упрощены, схематизированы — для того чтобы стать осязаемыми числами с осязаемыми между ними отношениями. В этом отношении любопытно происходящее в массах упрощение денежных чисел. Так, 50 миллиардов будет не только 50 тысяч в разговоре, но и 50 рублей (или 50 копеек). Здесь „миллиард“ уже не число, а единица, и чем она проще, тем удобнее. Поэтому 60 крестьян и 10 рабочих удобнее, „конкретнее“ чем 60 миллионов крестьян и 10 миллионов рабочих. (Поэтому газетное известие о единичной гибели — конкретнее чем известие о гибели тысяч).

Особенно важно это, конечно, там, где дело идет не об абсолютных числах, а об отношении между ними, о составлении двух величин (притом неточных).

„Демократы цивилизованных стран вооруженные до зубов боятся однако появления в какой-нибудь стоимиллионной свободной республике, в роде Америки, каких-нибудь ста большевиков; это такая зараза. Борьба с сотней выходцев из голодной, разоренной России, которые станут говорить о большевизме, оказывается демократам не под силу“.

(Речь на митинге в ПБ 13/III—19 г.).

§ 7.

Речь Ленина—упрощенная, сниженная, вносящая в традицию ораторской речи и политической литературы быт,— и потому необычно динамичная, влияющая,— есть новый этап в революции этих речевых конструкций: отдельные черты ленинского стиля—восходят к особой традиции.

Откуда идет ленинская речь, где ее исторические зародыши и корни—это особый вопрос. На его резких порою маламбурных формулах¹⁾ в особенности же на полемических языках (ср. „оголение бонапартизма“, „обкрадывание демократизма при лицемерном соблюдении внешности демократизма“), („о героях подлога“) („детская болезнь левизны“) и на названиях полемических статей—отразилась большая западная традиция революционного стиля; из русских именно на полемический стиль Ленина несомненно влиял стиль Герцена, в особенности намеренного вульгаризированный стиль его маленьких статей в „Колоколе“—с резкими формулами и маламбурными названиями статей. Но эта традиция была освежена вводом небывалого свежего лексического материала. Этот лексический материал сдвигает речь Ленина. Характер этого лексического материала находится в тесной связи с полемическим отношением Ленина к словарю противников: с его острым анализом лексического единства, (разоблачение „гладких“ слов-мошенников, снятие „орболов“), с разрушением „высокой“ лексической окраски, наконец, с высвобождением движущейся, эволюционирующей вещи из-под схематического и неподвижного слова.

¹⁾ Ср.: «Социалисты», высказывающиеся против «диктатуры вообще» и душой и телом стоящие «за демократию вообще». Тезисы и доклад о буржуазии, демократ. и дикт. пролетариата. 4. VII—19 г.).

«Свободная торговля хлебом—его значит свобода наживаться для богатых, свобода умирать для бедных».

(Ответ на вопрос крестьянина. Правда 19 г. № 35).

РЕЧЬ ЛЕНИНА.

Б. Казанский.

(Опыт риторического анализа).

I.

Охватить целиком и уяснить сколько-нибудь полно речь Ленина в ее существенных и отличительных особенностях, дать характеристический анализ его ораторского слова—задача вряд ли возможная. Для этого было бы необходимо, прежде всего, быть вполне своим во всей конечно сложной обстановке его речей; не только зорким очевидцем, но непременно и активным соучастником как идейно-политической, так и фактической обстановки его выступлений. Только подобная непосредственная близость могла бы позволить надеяться достаточной полнотой и правильностью оценить все реальное значение его слова. Без этого мы рискуем не разглядеть за напечатанным текстом важнейших, существеннейших элементов его подлинного содержания. Для сколько-нибудь правильной оценки речи оратора, политика, деятеля нужно испытать все интонационное могущество его голоса и всю экспрессию его лица, жеста и фигуры; нужно, разумеется, отдавать себе ясный отчет фактической ситуации каждого данного момента речи, чтобы быть в состоянии следить за воздействием каждой фразы, взвесить ударную силу каждого шага и поворота мысли. Только тогда, учитывая и взвешивая все это, можно было бы сколько-нибудь удовлетворительно понять и оценить все подлинное содержание и всю силу слова такого политического деятеля, каким был Ленин.

Ораторское слово—наиболее сильное из всех видов произносимого и звучащего слова, в нем, по преимуществу, может проявиться прямая активность, переводящая его в волевой акт. Ораторское слово обладает в максимальной степени действием. Его нельзя только слушать, как повесть, его нужно встретить, как вызов воли к воли и перебороть в себе, принявши решение за или против. И вот к этим-то действительным элементам ораторской речи, существеннейшим для ее понимания и оценки, недостаточно подходить путем литературного анализа. Тем более в грандиозных масштабах революционного переворота мирового значения, когда его воздействие получает резонанс в многомиллионных массах, слово вождя революции приобретает такое огромное значение, которое делает его совершенно несоизмеримым с „текстом“. Напряжение упорной решимости, готовой к действию, обилие личного темперамента, смывающего всякое

сопротивление, острая стальная логика диалектической мысли, запирающая сознанию все выходы, кроме одного, — все это настолько бесспорно доминирует в политической речи над чисто „словесным“ содержанием, что исследователь, беспомощный перед этим, стоит перед текстом речи, как перед текстом едва понятного ему иностранного языка.

Действительно, почти все без исключения ораторы всех времен и партий воспитывали свою технику речи на литературе, часто на образцах специально ораторской литературы. Более или менее мирная обстановка, окружавшая речь рядом традиций и условных манер, позволяла ей развиваться в пышное и декоративное искусство. Для Ленина речь, статья, книга были „искусством“ в совсем ином значении, таким „искусством“, каким по Марксу должно быть восстание. Слово для него — средство политического искусства, орудие революционной борьбы. Вместе с тем, как и весь дух марксизма, которым дышит Ленин, оно служит необходимым, суровому и героическому делу. Поэтому бесполезно искать в речах Ленина „поэзию“ или „риторику“; он не думает об изяществе построения, не щеголяет поэтической культурой и эрудицией; вапыщенность и претенциозность, любованье поэтическими красотами и стилистическими украшениями ему претит; он ненавидит „фразу“ и презирает „декламацию“ и даже к собственным принципам и лозунгам относится не как к священным догматам, а как к служебным, утилитарным формулам действия, т.-е. поскольку они для данного момента и в данной обстановке действительно полезны. Слово для Ленина — только передаточное средство, диалектическое и практическое орудие политического воздействия. В своем словесном составе речь Ленина кажется всегда прямой, безыскусственной, даже бесцветной и безразличной, как язык науки, состоящий из технических терминов и точных определений и констатирований, чистейшей прозы, лишенной всякой образности, всякой словесной игры, которая делает слово живым. Но это не так.

Речь Ленина не „литературна“, не „художественна“; в ней нет „поэзии“ и „риторики“. Это не значит, однако, что рассмотрение ее со стороны словесной является ненужным и бесплодным. Напротив, тем интереснее в таком актуальном для нашего времени, в таком безыскусственном и вместе с тем таком могучем жанре ораторства, уяснить роль слова, обнаружить хотя бы основные рычаги и приводы, полагающие и распределяющие течение речи, несущие на себе мысль. И тем замечательнее, что при всей суровой простоте, можно сказать техничности ленинской речи, которую он держит в строгом спартанском воздержании в ее механизме явственно обнаруживаются такие формы и приемы ведения речи, постоянно и как будто привычные, которые формально можно с полным

правом определить в терминах традиционной, — в конце концов античной, — риторики.

Что это значит? Это означает, прежде всего, что античная система риторики была верна, более верна и универсальна, чем это было принято думать. И в самом деле, сопоставление революционной речи с античностью не случайно. Нигде и никогда в мире нельзя найти в области политической речи чего-либо подобного той исключительной свободе и непосредственному действию слова, которые в Афинах составляли органическое и постоянное явление государственного быта, неотъемлемый, как воздух, факт политической обстановки. — Это во-первых. Во-вторых, это означает настоятельную необходимость воскрешения подлинной античной риторики в ее существе, освободить ее от крепостной зависимости, в которую она попала к господствующей до сих пор идеологии слова, превратившись в мертвую схоластику. Наклеить ряд словесных оборотов и форм построения речи, ярлыки с греческими или латинскими названиями: анафоза, метафора, апострофа, эпифоза, метонимия, гипербатон, оксоморон, прософия, гипотаноз и т. д. — так же мало делает науку, как аптека не создает медицины. Нужно раскрыть действительное содержание этих терминов, понять их систему, как систему жизненных действительных функций слова.

Формальный, технический анализ ленинской речи — единственный, который сейчас доступен, ввиду соображений, высказанных в начале статьи, — произведенный в терминах античной риторики в этом отношении может быть особенно убедителен. Никто не заподозрит речь Ленина в искусственности и претенциозности, она целиком прагматична. Если, тем не менее, в ней можно обнаружить все типические приемы, канонизованные античной системой, то это означает, что они имеют реальное прагматическое значение, играют определенную деятельную роль, а не только декоративную или, шире, „эстетическую“. А это, в свою очередь, приводит к необходимости усвоить новый взгляд и на самое содержание „эстетического“. Границы словесного творчества все более и более колеблются под напором новых данных, вводимых новым сознанием. На примере ленинской речи — частном случае, но случае огромного исторического значения вообще и случае чрезвычайно типическом — несостоятельность старой эстетики слова обнаруживается необычайно ярко. „Что такое справедливость?“ — сказал крестьянин, обсуждая в Государственной Думе вопрос о земле. „Справедливость, это — человек“. Не то же ли самое можно сказать и об эстетических нормах?

Обычно различают в речи „фигуры мысли“ и „фигуры словесные“. Я буду различать приемы „конструктивные“ — построения или ведения, „хода“ речи — и приемы „функцио-

нальные"—обороты и „окраски“ речи; иначе говоря, приемы синтаксиса и фразеологии и приемы семантики в широком смысле слова. Как те, так и другие применяются в пределах предложения, фразы, периода и даже в более широких пределах. Разумеется, и конструктивные приемы имеют свою семантическую функцию, и функциональные приемы, в свою очередь, служат конструктивной задаче, и те и другие являются фактами и факторами стиля и экспрессии. Но очевидно, что перевес в том и другом случае лежит на разных сторонах. И те и другие чрезвычайно разнообразны и могут достигать большей сложности во всей совокупности их выразительных свойств. Я не имею в виду давать здесь исчерпывающий их разбор и каталогизовать все виды и подвиды всевозможных приемов речи Ленина. Я остановлюсь только на наиболее простых, определенных и разительных формах конструктивных и функциональных приемов и не буду во что бы то ни стало давать их систематическую классификацию, которая неизбежна получилась бы схоластической. Я думаю, что многое будет ясно из примеров,—может быть больше, чем из комментариев.

Наиболее интересными конструктивными приемами ленинской речи представляются те, в основе которых лежит повторение в самых разнообразных видах и степенях. Можно различать здесь повторение отдельного слова—существительного, прилагательного, глагола, наречия, местоимения, союза—или отдельного словосочетания, выражения и целой фразы; далее повторение, подчеркнутое изменением формы слова, например: степени сравнения, числа, времени и наклонения и проч., либо усиленное приложением определения и т. п., либо развитое присоединением аналогичных элементов или распространенное в более сложную группу. Повторение может быть двойным, тройным и т. д. Далее повторение может быть не прямым, а синонимическим или аналогическим, перечисляющим или градирующим, при чем оно может совпадать отчасти с перифразой, сравнением, примером и т. п. приемами, а также с разными видами метафоры и т. д. С другой стороны, повторение может быть симметрическим и ассиметрическим, анафорическим и эпифорическим (начальным и конечным) и т. п., смотря по его положению во фразе и периоде и в интонационной системе речи. Наконец, повторение может быть параллельным и антитестическим по значению и по модальности, включая сюда и всевозможные формы противопоставления и противоречия (парадокс, оксиморон, евфемизм литотес, антифраза, автопомасия, катахреза и т. п.); иногда с этим соединяются игра слов (каламбур) и острота.

О чисто интонационных повторениях, которые могут сказываться только в построении периода или фразы или в аналогии морфологических форм или в смысловой анало-

гии, а может быть могут и вовсе не сказываться, трудно говорить, судя только по тексту. Все эти приемы повторения, от простейших до самых сложных, комбинированных, многочленных и фигурных повторений в системе периода чрезвычайно употребительны в ленинской речи. Их можно считать излюбленными, обычными, типическими для Ленина видами построения.

Нет надобности входить в формальный анализ многочисленных примеров повторения в ленинской речи и разносить их по многочисленным графам сложнейшей терминологии. Примеры будут говорить сами за себя. Читатель извинит их скудность в одном месте, но иначе пришлось бы поневоле приводить многие из них в нескольких местах.

1. „Самое главное теперь, это...; самое главное, это...; самое главное, это—работать на себя, а не на капиталиста, не на барчука, не на чиновника, не из-под палки“.

2. „Если не разъяснить,...если не искоренить из голов, из сердец, из политики рабочих этой измены, нельзя спастись от бедствий капитализма, нельзя спастись от новых войн“...

3. „Правительство измены демократизму и революции, правительство империалистической бойни, правительство охраны капитала и помещиков от народа“...

4. „В одиночку“—мы себе сказали. „В одиночку“—говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали, с которыми мы какие бы то ни было условия завязывали, с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали“.

5. „Продолжает причинять нам некоторые трудности, продолжает причинять нам, я скажу, большие трудности. Не потому, что мы сомневались бы...никаких сомнений в этом отношении нет... не потому, что мы сомневались бы... никаких сомнений на этот счет, могу сказать совершенно точно, также нет. В этом смысле вопрос не представляет трудностей. Трудности являются от того, что“...

6. „Маркс всю жизнь больше всего боролся против иллюзий мелко-буржуазной демократии и буржуазного демократизма. Маркс больше всего высмеивал свободу рабочих умирять с голода, или равенства человека, продающего свою силу... Маркс во всех своих экономических произведениях выяснял это. Можно сказать, что весь „Капитал“ Маркса посвящен выяснению той истины, что... Едва ли найдется хоть одна глава в каком бы то ни было сочинении Маркса, которая не была бы посвящена этому“.

7. „Эта была проверка не на русской почве, а на международной. Это была проверка огнем и мечом, а не словами. Это была проверка в последней решительной борьбе“.

8. „Не становится и не станет“...

9. „Не хотите, не можете поверить“...

10. „Ищет, не может не искать“...
11. „Они дают нас душить, они дали задушить Венгрию“.
12. „Собственность разъединяют, а мы объединяем и объединяем все больше и больше число миллионов трудящихся во всем свете“.
13. „Не поняли и не желают понять, частью неспособны понять“...
14. „Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской революции“.
15. „Над ней смеются и будут смеяться, не могут не смеяться“.
16. „Который всегда колебался, не может не колебаться и довольно долго еще будет колебаться“.
17. „Отношения налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно“.
18. „Всякая помощь, которая могла бы быть нам оказана, которая будет нам оказана—она не только этого условия не устранил, она... это условие еще усилит, еще „обострит“.
19. „Надо воевать, против революционной фразы, приходится воевать обязательно воевать, чтобы не сказали про нас: революционная фраза о революционной войне погубила революцию“.
20. „Если мы хотим „вместе бить“ самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его“.
21. „Чтобы не быть франкфуртской говорильней или первой Думой, чтобы быть Конвентом, для этого надо смель, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контр-революции“.
22. „Нет. Формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее“.
23. „Войну нельзя кончить по желанию. Ее нельзя кончить „воткнув штык в землю“. Войну нельзя кончить „соглашением“ социалистов разных стран „выступлением“ пролетарий всех стран, „волей“ народов и т. д.“.
24. „Только диктатура одного класса-пролетариата—может решить вопрос в борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат“.
25. „Политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а только там, где миллионы, начинается серьезная политика“.
26. „Со ступеньки на ступеньку. Раз вступив на наклонную плоскость. Со ступеньки на ступеньку“.
27. „Кризис назрел“. Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел“.

28. „Середин нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам... либо... середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам... либо“.

Я думаю, что эти примеры достаточно убедительны. „Искусство“ в них очевидно. „Риторика“ бьет в глаза. Но это только потому, что они вырваны из целого. Но стоит вспомнить, чьи это слова, представить себе всю речь целиком и конкретно, и вот, напротив, понятие риторики становится мертвым и на смену ему должно явиться другое. Попробуем же при оценке этих примеров никогда не упускать из виду всего существа ленинского слова.

Прежде всего, эти примеры указывают на большую стойкость словесного сознания: те же слова, словосочетания, фразы возвращаются снова и снова, как лейтмотивы в музыке. Иногда, в отрывистых, короткими ударами режущих, фразах Ленина эти повторения создают необычайную экономию слова, скупой, сжатый до крайности, лапидарный стиль. В длительных более плавно развертываемых, периодах эти повторения служат калансу, мерному раскачиванию речи и нагнетению интонационного движения. Всегда они являются опорными центрами распределения словесной массы, узловыми точками к которым она прикреплена и, таким образом, приведена в неподвижность сосредоточена и замкнута. Эта внутренняя остановка движения придает слову огромную силу воздействия как бы уничтожая общую перспективу или вывода его из нее, увеличивает масштаб, так что некоторые элементы речи, изолируемые таким образом из общего течения и плана, более или менее сознаваемого, приобретают сразу необычайную выпуклость и выразительность, вырастают до соразмерной с общим планом величины. Отрицание, прогнано-положение, расширение ограничение, градация приобретают неожиданную остроту и рельефность. Изменения даже внутри одного повторяемого слова — перемена числа („увертываясь от урока и уроков революции“), степени („паханные и паханныемирные договоры“), времени (примеры 8, 14 — 18) и вида (примеры 8, 12, 17), наклонения или модальности глагола (примеры 9, 10, 13—18), приставки („тяжкого и архитяжкого мира“ и примеры 20, 21), уже подобные морфологические изменения делаются чрезвычайно осязательными и звучат как модуляция в другой тон, подчеркивая происходящее усиление. Тем более это так в случаях, когда вариация захватывает несколько слов или фразу. Такие обороты, как „революционная фраза о революционной войне погубила революцию“ (см. примеры 20, 21) звучат, как каламбур, настолько сильно сказывается в них созвучие и может быть невольной это созвучие и привело к таким сочитаниям и даже, пожалуй, отразилось и на построении примера 2 („из... из... из... измены“, вообще скопления „з“ в этой фразе). Но разумеется, это —

побочный эффект, как второстепенно и влияние этой аттракции созвучий на построение речи. Для Ленина, которому не до шуток, которому претят красивые словечки и эффекты „словесных выкрутасов“ и чужды какие бы то ни было тенденции к изысканному или блестящему стилю это столь же мало примеры остроумной „игры словами“, как и выражения „доверчивой бессознательности и бессознательной доверчивости“ или „буржуазный демократизм и демократическая буржуазия“. Все это примеры того же приема повторения.

Но не следует думать, что повторением Ленин просто бьет как первой попавшейся палкой, и что этим же объясняется и характерная для него стойкость слов и образов, которая возводит их в лейтмотивы, доминирующие над всем периодом. Повторение создает строгий своего рода „геометрический“ стиль речи Ленина, прямолинейной, графической в силу крайней экономии средств, как чертеж, лишенной всякой раскраски, всякой затушевки, которые сделали бы четкие линии раслычатыми и неопределенными. Ленин обращается не к чувству и не к воображению. И то и другое только осложнило бы прямое движение мысли, лишило бы речь той цепкости и твердой силы, того стального закала, который ее отличает. Ленин обращается к решению воли, которую надо подвинуть на определенный путь, а для этого надо ее остановить, сосредоточить внимание, сузить поле возможности, зажать его в тесное кольцо нужного, единственного выхода. Таким квадратным замыкающим выходом построением является построение с помощью повторений. Легче всего это видно на примере глаголов; повторяющихся во всех трех временах и тем самым исключающих всякую иную возможность: „отношения налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно“ или „не становятся и не станут“, „подводили, подводят и продолжают подводить“, звучит, как „было есть и будет“ или как „ныне и присно и во веки веков“. Это в сущности плеоназм и перифраза понятия „вечно“, но давая глагол во всех временах речь не только заменяет абстрактное наречие конкретными временными формами, но и исчерпывает все иные. Совершенно тот же исчерпывающий, исключаящий иной выход, охват получается от модальных сопоставлений („Не поняли и не желают понять, частью не способны понять“ „всякая помощь, которая могла бы нам быть оказана, которая будет нам оказана“, „вы не хотите, вы не можете поверить“ (и еще сильнее и крепче от зажима отрицанием: „всегда колебался, не может не колебаться“, „ищет и не может не искать“, „смеются и будут смеяться“, не могут не смеяться). Подобную же роль исчерпывающего обобщения, замыкающего решение в очерченном квадрате, играют и такие сопоставления, как „позорный и позорнейшие“, „тяжкие и архитяжкие“ и т. д.

Эти повторения могут получать даже гиперболический или парадоксальный характер, благодаря той же тенденции к максимальному охвату и обобщению, сведенному в один узел, например, „это видят все люди, даже слепые, видят и те которые хуже слепых, которые не хотят ни за что видеть, все же и они видят (XVII том, стр. 24)“ или „резолюции — ей же ей — более позорные, чем самый позорный мир... позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира... позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние“. „Странное и чудовищное“ (тактика большевизма, стр. 413). На этом последнем примере особенно наглядно видно, как посредством повторения того же, только усиленного в степени, слова схватываются и сталкиваются лбами два основных и противоположных понятия, два борющихся решения за против брестского мира.

То же явление охвата и обобщения, вынуждающего решение представлять и более сложные виды повторений. Развивая предыдущее распространению, умножение, перифраза и т. п. виды повторений усиливают его, как бы повышая его степень оставаясь на той же линии. Так например, „все“ будущее русской революции поставлено на карту: все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту, где расширение объема очевидно, или „политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а только там, где миллионы, начинается серьезная политика“, что можно изобразить формулой „ав Ва³“; усиленно подчеркивается определение сферы политики, и это производится посредством отрицания иной сферы и подчеркивания ограничения „только“ повторяемого определения, при чем вместе с тем отрицается и параллельный и родственный определяющему момент числа, усиливается и повторение определяемого „политика благодаря сочетанию с новым определяющим серьезное“; наконец, обратное расположение (инверсия) членов построения, усиливает противопоставления оказавшихся рядом понятий и увеличивает впечатление расширения. Больше того, такое циклическое движение речи (см. примеры 26—28) придает ей силлогистический вид, благодаря чему повторение звучит, как вывод. В связи с этим обращение с отрицательным моментом приобретает новую силу, по аналогии с обращенным отрицательным суждением. Подобным же образом можно изобразить и примеры настоящего циклического построения (примеры 26—28) формулами „аАа“; „аАА²а“, „аАА³“, где „А“ означает развитое, распространенное „а“, а квадратная степень — усиление. При этом понятно, что замыкающее эти многочисленные построения повторение начального „а“, возвращается после развития А и АА² уже не тем же самым „а“, а значительно более напряженным и значительным.

Развитие и усиление повторяемых членов происходит, следовательно, весьма разными способами, как это видно из приведенных примеров. Так, в примере 23 трижды повторяется анафорически выражение „войну нельзя кончить“, в первом предложении „по желанию“ неопределенно и общо, во втором наглядным описанием простого акта „воткнув штык в землю“, в третьем — тройной градацией, исчерпывающей все революционные возможности: „соглашением“ социалистов разных стран, „выступлением“ (общее) пролетариев (шире) всех (сильнее) стран, „волей“ (еще общее и проще народов) еще шире. Такая же градация в примере 24: „решить вопрос в борьбе за господство“ (общо, отвлеченно, описательно), „победить“ (определенно), „свергнуть“ (еще определеннее и конкретнее), „вести за собой массы против“ (столь же определено, но еще яснее и первоначальнее). Сложнее пример 6: „всю жизнь боролся против иллюзий... сущность иллюзий получает уяснение в следующем „высмеивал свободу—или равенство“, развитие понимания важности этих разоблачений дает следующее „во всех своих экономических произведениях“; развитие идеи Маркса повторяется гиперболически с оговоркой: „можно сказать, что весь „Капитал“ посвящен“... и, наконец, с расширением и усилением с помощью отрицания повторяется предыдущее в заключении, как бы подводимом итог: „... хоть одна глава в каком бы то ни было сочинении, которая не была бы посвящена“... подобное же тройное повторение с отрицанием и обобщением в первом предложении, с отрицанием же притом в обращении, и с усилением наглядностью метафоры, ставшей поговоркой, во втором, и с усиленным обобщением, без двойственности предыдущих предложений и, следовательно, интонационно и логически завершая своего рода кодой, в третьем. На ряду с обобщением того же понятия в последовательном порядке путем ли его развития или усиления, — может быть лучшим примером этого будет № 4: „с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали, с которыми мы какие бы то ни было условия завязывали, с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали“; обобщение явно ступенчатое — на ряду с этими приемами обобщения нужно еще указать на приемы обобщения в порядке параллелизации, перечисления, разграничения и т. д. понятия одного уровня. Сопоставление тогда подобных членов в целом также создает ограничение в поле решения исчерпанием всех возможностей, но только так сказать в пределе, предел такой своего рода индукции, однако, вовсе не лежит неопределенно далеко, напротив, он очень близок: уже три фразы одного построения, одной интонации и параллельного значения достигают цели охвата всего круга решений, исключаяющего все иные возможности. Так уже в последнем примере, по существу последо-

вательного и ступенчатого обобщения, можно было бы, если не вникать в точный смысл сопоставлений, видеть убедительный пример трех родов взаимоотношений с капиталистическими государствами исчерпывающий их до конца (сделки, условия, переговоры). См. далее пример 2: „Из голов, из сердец, из политики“, 21-й: „сметь, уметь, иметь силу“ и т. д.

Эти повторения, в особенности периодические и кольцевые, а так же ассонирующие, свидетельствуют о несомненном наличии словесного внимания у Ленина. О том же говорят многочисленные случаи анафорического повторения, которое имеет такое существенное интонационное значение. Наконец, к этому примыкают и приемы накопления синонимических, иногда в порядке градации, эпитетов такого типа, как: „неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские („мирные договоры“) или „колебаний, нерешительности, уклончивости, уверток, умолчаний и т. п.“ и далее „эти мелкие уступочки, колебания, нерешительности, уклонения, увертки и умолчания“ или „вместо беспощадно твердой, неуклонно-решительной, беззаветно-смелой и героической политики... своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью“ и „когда последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разоренный крестьянин увидит, собственными глазами увидит... вот, когда бедота увидит и почувствует это“. Том XIV. стр. 250.

Наконец, следует обратить внимание еще на несколько более сложных примеров, отличающихся особенной стойкостью слов и образов в ленинской речи. Повторение в них так господствует, что целый период кажется остановленным, сплавленным воедино.

29. „События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением... при таких условиях ждать — преступление: Большевики не вправе ждать Съезда Советов... медлить — преступление. Ждать Съезда Советов — ребяческая игра, формальность, позорная игра в формальность... Ждать — преступление перед революцией“.

30. „Наши горе-левые... увертываются от урока и уроков истории, увертываются от своей ответственности. Напрасные увертки. Увертываются им не удастся. Увертывающиеся из кожи лезут вон... Факты упрямая вещь. Факт тот, что... это факт, что... это факт, что... факты упрямая вещь. Наши горе-левые, увертываясь от фактов от их уроков, от вопроса об ответственности...“

31. „Эсеры и меньшевики окончательно скатились 4-го июля в помойную яму контр-революционности, потому что они неуклонно катились в эту яму в мае и июне... Эсеры и меньшевики связали себя всей своей политикой по рукам

и по ногам. Как связанные люди... а это связало их еще более. Они скатились на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы... Они связанные люди. Они на дне ямы".

В этих примерах ведение двух трех тем можно сравнить с музыкальными построениями ганона и фуги. В первом примере главная тема „ждать Съезда Советов—преступлений“, подготовленная вступительной фразой проходит через весь период варьируясь в первой части и сочетаясь с дополняющими его образованиями, сначала дается неполно и с оговоркой („положительно“), потом, после новой подготовки звучит как в аккорде „ждать преступление“, следует вариация и развитие темы в первой ее части и варьированный аккорд, новое повторное развитие первой части темы с двумя растущими в силе сочетаниями и в заключение опять аккорд, уже усиленный.

Во втором примере модуляцию дают не синонимы, а морфологические варианты: „увертываются“—„увертываются“—„увертки“—„увернутые“—„увертывающиеся“—„увертываясь“. Первые два сочетаются с различными темами „от урока и уроков“ и „от своей ответственности, два параллельных варианта развития. Третий дает одну усиленную тему—„наирасные увертки“, которая в четвертом имеет усиленное отрицательное повторение и поэтому получает характер коды. Далее основная тема, в новом, ослабленном варианте (причастная форма), открывает новую часть распространяющую содержание первой и переходящую в новую тему: „факты упрямая вещь“, которая повторяется, охватывая трижды анафорически повторяемое развитие—„это факт, что“.... После этого снова повторяется первая тема со вступительным „наши горе-левые“ и как бы соединяя сразу все элементы периода: обе дополнятельные темы начала и второй темы: „фактов—уроков—ответственности“, представляя своего рода „стретто“. Расположением тем можно обозначить формулой: авсс², вд, в², в², в-еф, е-е-е-еф, ав²сд.

Равным образом и в третьем примере мы видим две темы: „скатиться в яму“ и „связать себя“, которые распределяют период на две части, начинающиеся анафорически: „эсеры и меньшевики скатились“—„эсеры и меньшевики связали себя“ и развивающие соответственную тему. Третья часть начинается усиленным повторением первой темы и заключается соединением сжатых в короткие фразы обеих тем: „они связанные люди. Они на дне ямы“.

На этих примерах весьма отчетливо видна строгость—почти музыкальная—построения. Логическая функция их, думаю, достаточно понятна из анализа предыдущих примеров.

Повторение кажется вообще функцией лирической, иконно выступая в органической связи с ритмическим повтором и периодически возвращающейся мелодией песни, этой первичной „формой явления“ поэтического слова. Интонационная сила повторения, присущая ему и теперь в стихе и прозе, свидетельствует об этом моторном его происхождении. Но сводить только к этому роль повторения значило бы далеко не оценить всего его значения. Слово—речь обладает и другими сторонами, кроме моторной, в которых повторение играет не менее существенную и совершенно иную роль. Вместе с тем интонационное повторение вовсе не обязательно совпадает „с лирическим“, оно имеется во всех родах слова и, поскольку движение речи лирической, эпической, драматической различно в каждом из этих родов, различны и виды интонационного повторения, присущие каждому. Собственным своеобразием обладает и риторическое интонационное повторение, в том числе и наиболее сильное, может быть основное в этом отношении, повторение анафорическое.

То же самое следует сказать вообще о конструктивном повторении. Формулы почти музыкальной композиции периода, приведенные выше отнюдь не означают тождества такого повторения с построением лирическим или музыкальным, даже если оно будет выражаться буквально такой же формулой. Мы видели, что риторическое построение служит специальным целям, только ораторской речи присущим. На примерах ленинской речи это особенно убедительно, ибо ее никак нельзя заподозрить служению лирическим, эпическим и вообще поэтическим целям. Как я указывал уже на анализе отдельных примерах, риторическое слово обладает своей особой специфической, „риторической“ функцией, отличной от функций, делающих слово лирическим, эпическим или драматическим.

Но, учитывая это изменение самой функции, нельзя не признать, что можно говорить о соответственных конструктивных элементах в различных функциональных системах конструкции: так, напр., „сюжет“ имеется в своеобразных аспектах и в повествовании и в лирике, и в речи. Так и повторение где бы то ни было—в риторике, в музыке, в танце все же остается повторением, хотя и играет в разных областях разные роли. Так, напр., повторение в повествовании, напр., обычное в сказке, былине, балладе, тройная последовательность исполняемых задач, встречаемых препятствий и т. п. имеет определенную сюжетную роль. Оно развертывает сюжет, развивает ситуацию, усиливая ощущение задержки в течении повествования и тем подчеркивая временной момент и напрягая ожидание, стремящееся к развязке. Оно подобно запруде, повышающей уровень и увеличивающей массу потока и ее поступательную силу. Напротив,

такое повторение, которое академик А. Н. Веселовский хотел видеть в песне о Роланде, трижды повторяющейся с вариантами описания того же момента, если понимать его именно так, а не как последовательную связь трех однородных моментов, такое „эпическое повторение“, вопреки данному ему Веселовским названию, кажется скорее „лирическим“, ибо в нем отсутствует момент поступательный, присущий повествованию, отсутствует прием задержки, и тем самым снимается временной момент, упраздняется движение. Создается своеобразный антракт, подобный тому, который создавался хорической песней в промежутках между сценами античной трагедии. Этот антракт — „лирический“.

И вот, нечто соответственное можно различить в риторических повторениях. Они могут служить развертыванию „сюжета“, продвижению изложения, развитию и градации доводов, словом — поступательному или „повествовательному“ движению ораторской речи. Они тоже создают своего рода „запруды“, вызывая и усиливая напряжение ожидания, так как „развязка“, разъяснение, вывод, к которому клонит оратор, а с ним и точка опоры, несущая главный вес речи, переносится вперед. Подобное явление в построении фразы и периода достигается и другими приемами, с той же целью перенесения главного веса к концу. От этих поступательных повторений можно отличать другие, которые, напротив, останавливают движение, не нагнетая напора его, а обращая его как бы внутрь себя, образуя своего рода неподвижный „водоворот“, воронка которого, говоря фигурально, засасывает и поглощает все внимание. Закрывая горизонт, они замыкают поле зрения, снимая таким образом момент движения. Именно такого рода повторения преобладают и характерны для речи Ленина, как это можно было видеть на приведенных примерах. Как я указывал в анализе этих примеров, это предпочтение Лениным такого рода повторений связано с самым существом его речи. Он обращается не к чувству и не к воображению, а к воле и решимости. Его речь не разворачивает панораму для пассивного созерцания, не служит гидом, ведущим равнодушного туриста; она борется со слушателем, вынуждая его к активному решению, и для этого припирает его к стене. „Ни с места. Руки вверх. Сдавайся“. — Вот характер ленинской речи. Она не допускает выбора. Мне кажется, что в этом и состоит специфическая сущность ораторской, в частности — политической речи.

II.

Сравнение — прием чрезвычайно разнообразный. Оно может служить мгновению и ограничиваться чуть ли не одним словом, подчеркивая его для выразительности, но

оно может быть развито в целую фразу, даже период или в самостоятельную композицию еще более значительного объема. При этом оно может быть вводным элементом, служить только иллюстрирующим приложением, пояснительным примером к основному значению, посредством которого оно вводится и которому оно служит, но оно может быть и непосредственным заместителем подобного основного момента и даже прямым его выражением. С другой стороны, оно может быть простым сопоставлением синонимического характера, подобно перифразе, либо метафорическим, т. е. соединенным с переменной значения в самом слове или выражении. Далее, оно может быть развито в иллюстрирующий пример — картину, портрет, сцену, или служить общим и постоянным фоном для возвращающихся к нему отдельных метафор, сопоставлений, намеков и перифраз, или проходить насквозь выдержанной параллелью, исполняя определенную композиционную функцию. Наконец, оно может быть чрезвычайно различно по своему характеру, построению, словесным средствам в назначению.

Сравнение, как акт мысли, по аналогии — слишком общий неопределенный момент, и как таковой не может служить целям поэтики, основания которой должны лежать исключительно в самом словесном материале. Аналогия лежит и в основе метафоры и уподобления, намека и синонима и примера и т. д. Поэтому нужно найти иной подход к пониманию словесных явлений, обнимаемых этим названием. Прежде всего, наличие сравнительных частиц и связок, подчеркивающих сравнение и уподобление, „как“, „подобно“, „словно“, „будто“, „чем“ и проч., еще не обязательный признак и не делает еще сравнения. Между выражениями „слезы полились, как град“ и „слезы полились градом“ нет разницы в приеме и нельзя одно называть сравнением, а другое метафорой.

С другой стороны, такую же роль может играть и ряд других слов и выражений, например, „казаться“, „быть похожим“, „равняться“, „можно сказать“, „в своем роде“, „почти“, „совсем“, „настоящий“ и множество других. „Он совсем гигант“, „он настоящий зверь“, „он почти ангел“, „он какой-то дыкарь“, „он своего рода комета“, и т. д. — все это примеры сравнения, которые по существу не меняются от ощущения связки, например, в сравнении — „он — наше знамя“. Все это примеры сравнения уподобляющего в порядке отождествления. Им соответствуют сравнения отрицательные: „это не фунт изюму“, „то не белая лебедушка выплывала“ и т. п. От них отличаются сравнения количественного порядка: „кровь горше воды“, „выше облака ходячего“, „дальше, чем глаз видит“, „яснее ясного“, „краше в гроб кладут“. Во всех этих случаях имеется два сравниваемых

элемента, в том или ином сопоставлении которых и состоит сравнение. Мы будем называть его простым. Они чрезвычайно часто встречаются у Ленина.

32. „Ждать) это значит сдавать русскую революцию на слом“.

33. „Если запросить немцев (о мирных условиях), то это будет бумажка“.

34. „В России начать революцию было легко, это значило поднять перышко“.

35. „Это надо уметь взять, как факт“.

36. „Это то же самое, как противопоставлять пуды аршинам“.

37. „Как связанные люди, звали они“...

38. „(Чиновничество) из „местечек“ превращается в рабочую особую „рода оружия“.

39. „Что будет пустяковойнейшей вещью“.

40. „Это—тоже проповедь, но эта проповедь действием... наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе... нет, это призыв к массам, призыв их... Декреты, это—инструкция зовущие к массовому практическому делу“.

Этих примеров довольно, чтобы показать чрезвычайную трезвость и осторожность Ленина в его сравнениях. Они у него — обычно даны в порядке приравнения или отождествления и потому редко имеют наиболее употребительные связи — „как“, „будто“, „словно“, „подобно“. Они обычно переводят на более конкретное и наглядное, часто повторяя основное содержание в более выпуклой, выразительной форме, иногда прибегая к метафоре. В большинстве случаев они прозаичны и сопоставляют факты, но иногда выражены в порядке противопоставления почти парадоксального, напр.: „свободный военный союз маленькой Польши с огромной Россией есть на деле полное военное порабощение Польши Россией“. Эти сравнения охотно пользуются пословицами и вообще выражениями, ставшими ходячими, при чем для ленинской речи характерны именно обычность и употребительность таких выражений. Кстати, нельзя не отметить, что иногда подобное употребление цитат у Ленина применяется неверно, т. к. основано на забвении оригинального смысла. Так, „отмерить, точно аршином“ „по Иловайскому“ (тактика большевизма, стр. 22) неясно потому, что в этой связи „Иловайский“ представляется учебником арифметики, тогда как это известный своей рутинной учебник истории“. Или „они апеллируют к чувству, забывая, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчишки были перед глазами“. (Речь 7/3—18 г. на съезде РКП.) Употребление этой цитаты делает картину неясной, так как у Пушкина эти слова описывают угрыzenie совести Годунова—убийцы.

Особенно интересно с точки зрения поэтического языка сравнение метафизического характера. В основе метафоры также лежит аналогия, но она остается скрытой, так как сопоставление двух моментов не дано, а лишь задано в перемене значения слова. При этом, разумеется, метафора является таким естественным явлением языка, что „перенесение значения“ перестает ощущаться. Вот несколько примеров ленинской метафоры: „лучший авангард революции“, „увертываться от уроков и уроков революции“... „увертываться от своей ответственности... увертываться от фактов“, „болезнь революционной фразы“, „детская болезнь новизны“, „сеяние иллюзий“, „спрятать главный пункт разногласий“, „прятаться за гордыми фразами“, „протащить под словечком „комбинированный тип“ отказ от передачи власти Советам“, „прессу, которая в ста миллионов экземпляров кричит об этом“, „поженить систему Советов с учредялкой“, „выхолащивать содержание революционного учения, притупляя его революционное острие“, „скрывать под тенью декламаций“, „опьянять себя звуками слов“, „зайти в дебри сугубой путаницы“ и т. д. Все эти примеры распространения значения слова настолько понятны, настолько вошедшие в обиход, что их метафорическое значение весьма ослаблено. Это видно из того, что иногда их реализация невозможна и сочетание их в особенности дает невязку. Таковы уже „увертывания от уроков“ под сень декламаций“, или „изобрести пугало“, „сочинить врага“, „корыстно-классовые крики“, „лжи, которая залихват, перекрикивает самые несомненные и обязательные уроки революции“, „над солдатами уже нет палки, ее сверг февраль“, „пугало царистской контрреволюции варочно выдвигают и раздувают шарлатаны“, „своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения“, „сращивания“ с нашими профсоюзами“, „игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен, если занимать позицию среднюю“, „нельзя осуществить диктатуры без нескольких приводов от авангарда к массе“ и т. п. Во всех этих случаях вряд ли можно говорить о метафоре, ибо в подобных сочетаниях слов, по видимому, не ощущается игры и жизни, связанной с переменной значения. В большинстве эти выражения стали уже каким-то особым жаргоном, газетным или митинговым. Они интересны в истории языка нашей эпохи, как элементы политического словаря революции, но они не ценны и не показательны для Ленина. Конечно, нельзя утверждать, что во всех этих случаях одинаково слабо ощущение метафоры. Так, говоря об отношении партии к профсоюзам, Ленин сначала пользуется аналогией с авангардом („партия, так сказать, выбирает в себя авангард пролетариата“—метафора тоже трудно реализуемая, неловкость которой, по видимому, чувствует и Ленин,

извиняясь за нее — „профсоюзы создают связь авангарда с массами“), затем с резервуаром („профсоюзы—резервуар“, „господственные власти“), дальше с „рядом зубчатых колес передаточного механизма и, наконец, со слышными приводами работы“. „О профсоюзах и пр.“ см. 5—8. Образы, следовательно, колеблются, темы сменяются и может быть заключительное объединение, оказывающееся странным при попытке конкретизации, явилось здесь не только в результате безразличного или веряшливого отношения к потерявшим образность выражениям, сколько той же композиционной тенденцией почти музыкального характера, которую я отмечал, говоря о повторениях, кончающихся своего рода аккордом.

Интереснее настоящие метафоры, в которых, следовательно, момент сравнения является скрытым и не всегда даже определенным. Это своего рода перифраза инсказательного характера. Таковы следующие примеры:

41. „В один кровавый комок спутано все человечество и выхода из него по одиночке быть не может.“

42. „История так быстро гонит ее (жизни) локомотив...“

43. „Это из истории вычеркнуто быть не может и вы не выскоблите этого ничем.“

44. „Невероятно горькой действительности фразой не закрыть.“

45. „Историю не убедить речами—и когда мы хотели повернуть историю, оказалось, что повернулись мы, а историю не двинули.“

46. „Наш долг—отважно взглянуть трагической правде в глаза.“

47. „Диктатура—слово большое, жестокое, кровавое слово“..

48. „Путем отчаянного прыжка выйти из империалистической войны“.

49. „Я знаю, что тысячами лазеек обратное правило будет пробивать себе дорогу“.

50. „...влюбленности в декреты у меня не существует“.

51. „Подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьян“.

52. „Если у массы что-то болит, и она сама не знает, что болит и он не знает, что болит (речь идет о Томском), если он при этом вопит, то я утверждаю, что это заслуга, а не недостаток“.

53. „Поливать бушующую революцию маслом реформистских фраз“.

54. „Конечно, мы делаем поворот направо, который ведет через весьма грязный хлев“...

55. „Если вы их (условия) не подпишете, то вы подпишете смертный приговор советской власти через три недели“.

56. „Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет“.

57. „Уметь разными революционными заклинаниями отговориться от того простого факта“...

58. „А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистическую войну... мы боимся самих себя. Мы держимся за „привычную“, милую, грязную рубаху. Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье“.

59. „Мы, шедшие до сих пор с открытым знаменем, бравшие криком своих врагов“...

60. „Мы пошли выше фразы“.

Эти примеры очень показательны. Прежде всего, это примеры ленинского пафоса, и пафоса двух видов: пафоса величия и пафоса правды, которые отличаются очень определенно своей лексикой „высокой“ или „низкой“. Не случайно, что большое число примеров первого рода встречается в статье „О национальной гордости великороссов“, где Ленин выступает в роли нового Карамзина, и в речах о брестском мире. Эти выражения достигают большой поэтической выразительности. Но примеры второго рода пафоса, может быть, еще более ценны, так как в них выразительная сила речи появляется в противоположных средствах, с помощью простых и даже грубых слов и образов, которые, однако, тем самым вернее бьют в цель и резче дают выступить сквозь них, словно отбрасывая высокую тень, подъем подлинной силы и резче дают выступить сквозь „грязное белье“, „грязная рубаха и хлев“, „ползать на брюхе в грязи“,—это образы крайнего натурализма, в речи Ленина, проникнутой страстным стремлением к последней правде, к последней обнаженности вещей, приобретают крайнюю степень выразительности. Решение загоняется здесь в самые низины, чтобы упереть его в самое дно и показать осязательно, что другого выхода нет. И тут же вдруг эта отрицательная характеристика преобразуется, получает оправдание и новый смысл благодаря сопоставлению с героическими словами, подчеркнутыми резкими антитезами: „не революционер, а болтун“, „мы хотим...мы хотим“ (огромных деяний) „и мы боимся самих себя“. В том и другом случае острота сталкиваемых лицом к лицу контрастов, усиливает их до размеров, закрывающих все иные выходы заготовку в них решению. Этот замечательный прием достигает у Ленина большой силы, так как пафос усиливается и оправдывается здесь суровым героизмом марксистского миропонимания.

Интересно также употребление метафоры, как перифраза, напр.: „в один кровавый комок спутано“..., „бросать песок в глаза“, „поливать маслом“ (взамен „утишить, успокоить“.

при чем и здесь Ленин как будто вкладывает в ходячее выражение иронический смысл, которого оно первоначально не имело, и подчеркивает его уменьшительным „маслице“). Эти выражения даются более или менее непосредственно как сами по себе понятные, при всей своей иносказательности; они не служат конкретной иллюстрацией более общей мысли и вообще не являются приложением к оправдывающему и мотивирующему их прямому значению; перевести их на прозаический язык понятий не всегда возможно и легко. И Ленин, повидимому, со своей стороны вовсе не иллюстрирует здесь на частном примере какую-то отвлеченную мысль, а дает сразу обратную, чувственную, „поэтическую“ форму выражения просто потому, что он так мыслит и, может быть, сам не всегда сумел бы другими словами передать их содержание, ибо иногда самая символичность подобных фраз придает содержанию их общее и неопределенное значение, которое не поддается исчерпывающему переводу. Примеры употребления Лениным подобного символического языка весьма интересны.

Обратимся, наконец, к более сложным видам сравнения.

Прежде всего отметим случаи распространенного сравнения, к которому речь возвращается. Один пример сочетания нескольких сравнений (авангард и проч.) уже был приведен, к нему могут быть приквату примеры повторений („увертываются“ и „скатились“ и „связали“), в которых был отмечен их своеобразный „музыкальный“ характер композиции. Приведем еще несколько примеров стойкости образов сравнения. Таковы, например, исторические параллели: необходимость новой экономической политики мотивируемых аналогией с осадой Порт-Артура и вся статья, которая так и называется „От штурма к осаде“, построена на этой параллели; заключение брестского мира сравнивается метафорически с тем внутренним „договором“, который партия как бы заключила со Столыпиным в 1907 г., отказавшись от решения бойкотировать Государственную Думу, и, с другой стороны, с Тильзитским миром. „Мы заключили Тильзитский мир. Новый Тильзитский мир... Мы придем и к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира“... В этих примерах позорному и похабному братскому миру противопоставляется „неслыханный позорный договор со Столыпиным“ и „неизмеримо более тяжкие (перед этим „архитяжские“), „зверские, позорные, угнетательские мирные договоры“, „похабные и похабнейшие мирные договоры“ (см. приведенные в примерах повторения слова „позорный“ во всех степенях) и таким образом по контрасту, напряженному до высшей степени целой системой повторений, выступающих особенно резко на общем фоне сопоставлений бьющих особенно в атмосфере газетной

и устной травли „похабного мира“ и даже борьбы внутри самой партии.

Другая аналогия, привлеченная Лениным по тому же поводу, сравнение России и Германии с домашним животным и „хищником, вооруженным до зубов“: „Лежит смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждает его“... „рядом с нашим смиренным домашним зверем лежит тигр“, „армии нет, а рядом с нами лежит хищник“... „чтобы следующим прыжком захватить Петербург. Этот зверь прыгает хорошо“, (Речь 7/III—18 г., на съезде РКП). Сравнение с хищником, ставшее шаблонным, затасканное газетами и митингами, подновляется и получает новую силу и выразительность в образе тигра и в наглядных картинках, изображающих положение дела. Эти картинки даются не в виде прилагательных к тексту иллюстраций, а метафорически, т. е. непосредственно в языке образов.

По этому же поводу, говоря об истерических воплях о похабном мире (доклад 14/III—18 г., на Съезде Советов), Ленин сопоставляет психологию антибрестского негодования с „психологией дворянчика-дуэлянта, истерически призывающего к войне, с буржуазными войками, театрално размахивающими шпагой“, „дворянчиков-дуэлистов“ (см. в другой речи, там же, на следующий день: „бросать слова и махать картонным мечом бесполезно“). Оба данные здесь варианта развились, повидимому, из речи, произнесенной неделей раньше, по поводу статьи „Шляхтич“, ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал умирая в красивой позе со шпагой — „Мир, это — позор, война, это — честь. Они смотрят с точки зрения шляхтича, но я подхожу с точки зрения крестьянина“.

Наконец, все по тому же поводу, обсуждая революционные возможности в Германии, Ленин пользуется сравнениями из области эмбриологии: „эмбриональное состояние“... „республика в России родилась сразу, так легко родилась... массы дали нам скелет, основу этой власти... республика советов родилась сразу“... Эти сравнения, несомненно, подготовлены речью, произнесенной двумя месяцами раньше: „Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился здоровый ребенок — социалистическая республика, которую мы можем убить, начиная войну“ и во второй речи того же дня: „движение на западе“, „германское движение“, но суть в том, что там движение еще не началось, а у нас оно уже имеет новорожденного и громко кричащего ребенка“.

Одним из любимых образов сравнения, встретившихся мне в речах Ленина, является „икона“. Он употребляет его даже так эпизодически, не подготовляя и не разъясняя, что

оно кажется даже мало понятным, как напр., в следующей фразе: „Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего или какой-нибудь отвлеченной картины или какой-нибудь иконы“, где неясность усиливается еще неловким сочетанием „вопрос... картины или... иконы“. В другом месте сравнение развивается: „после их (великих революционеров) смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, представить известную славу их имени для утешения угнетенных классов и для одурачения их“. (Т. XIV, стр. 298). Еще полнее разъяснение того же сравнения в следующем его использовании: „Резолюции лонгетистов превращают „диктатуру пролетариата“ в такую же икону, какой бывали резолюции Второго Интернационала: на икону надо помолиться, перед иконой можно перекреститься, иконе надо поклониться, но икона несколько не меняет практической жизни, практической политики“. (Т. XVII, стр. 16). Сравнение развито здесь и объяснено четырьмя параллелями (вернее, тремя параллелями) и заключительным „перпендикуляром“ отрицания, при чем три параллели варьируют повторяющееся слово в падеже и предлоге и рифмуют в глаголе. В противоположность ироническому рассуждению предыдущего примера, здесь сравнение разъясняется тремя наглядными иллюстрациями, метафорически определяющими положение лозунга, оставшегося только священной фразой. И в контраст с этим скоплением образов последняя фраза выводит образ „икон“ в язык деловой прозы, уже этим подчеркивая бессилие и отчужденность всего, что символизуется этим словом, в жизненной обстановке. Это довольно сложный пример как по построению, так и по развитию метафорической темы и по тонкой игре лексических функций входящих в него словесных элементов.

Эти примеры, помимо стойкости образов, свидетельствуют и об осторожности ленинской речи. Он может употребить образ неловко или неряшливо только, если такое слово стало для него привычным термином и, следовательно, потеряло рельефную образность. Иначе он его подготавливает, разъясняет и иллюстрирует. Скромность и требовательность Ленина к метафорическим, „фигуральным“ сравнениям сказывается и в его оговорках и извинениях. Несколько таких случаев нам уже встретилось. Также, по поводу „бюрократического извращения“ рабочего государства, он признает, что „мы этот печальный — как бы это сказать? ярлык чтили — должны были на него навесить.“ („О профсоюзах и проч.“ 1921, стр. 10). Или, употребляя образ „пересадки“, повидимому получивший распространение, Ленин дважды в разных речах вводит его с оговоркой, как бы извиняясь, и подготавливая ее к его восприятию: „пересесть, выражаясь фигурально,

с одной лошади на другую; именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономий... на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрофикации, Волховстроя и т. д.“ („Лучше меньше, да лучше“, 1923 год). Замечу в скобках, что метафорическая перифраза получает здесь развитие и разъяснение также метафорически и при том двухстепенное: сначала в наглядном образе „крестьянской, мужицкой, обнищавшей лошади“, при чем эти конкретные эпитеты усиливают наглядность и контраст, а потом в отвлеченно-аллегорическом словосочетании „лошади экономии, приложенной к первому и скрещенному с ним анафорическим повторением основного слова „лошадь“; далее, опять метафорически простая и ясная фраза, с такой же анафорой, подготавливает параллельную первой аллегорией, которая все же кажется тяжелой, как содержание, которое она представляет. Такое аллегорическое употребление метафоры редко у Ленина; в приведенных раньше примерах можно найти его, пожалуй, в „маслице реформистских фраз“. В другой раз, вспоминая об этом сравнении, Ленин все же опять вводит его извинительным, так сказать, характерным для его выскательной, сдержанной речи: „в этом отношении у нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок ни на другие поезда, ни на другие упряжки“. (Речь в Московском Совете 20/XI—22, см. том XVII, 527).

Остановимся еще на сравнениях, выводимых в порядке примера или более сложных форм характеристики, портрета, воображаемой речи, собственного выступления и т. д.

В речи по поводу брестского мира Ленина, в качестве примера, берет следующее сравнение: „Два человека идут на них, нападают 10. Один борется, другой бежит, это предательство. Две армии по сто тысяч; против них пять таких же армий. Одну армию окружили двести тысяч; другая должна идти на помощь, но вдруг узнает, что триста тысяч подготовили ей на пути ловушку. Можно ли идти на помощь? Нет нельзя. Это уже не предательство и не трусость. Простое увеличение числа изменило все понятие“ и т. д. (Заключит. слово на съезде РКП 8/III—18).

Возражая против веры Суханова в добровольную уступку власти пролетариату, Ленин говорит: „Может быть, в детской“ „добровольная уступка“ указывает легкость возврата: если Катя добровольно уступила Маше мячик, то возможно, что „вернуть“ его „вполне легко“. Но в политике добровольная уступка „влияния“ доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, такую традиционность—(см. „Корень За“ 1917 г.). Редкий случай живописного примера у Ленина представляет следующий (против

„буферной группы“ Бухарина): „буфер, такой буфер, что я затрудняюсь подыскать парламентское выражение для описания этого буфера. Если бы я умел рисовать карикатуры так, как умеет рисовать Бухарин, то я бы Бухарина нарисовал таким образом: человек с ведром керосина, который подливает этот керосин в огонь и подписал бы: „буферный керосин“. Эта острота продолжается и далее: „нет сомнения, что у Бухарина желание было самое искреннее и „буферное“. Но буфера не вышло“. (Том. XVII, стр. 23).

Подобные же сатирические картины сопоставляет Ленин по поводу требования военным командованием восстановления смертной казни на фронте в 1917 году. „Сладенькие, до приторности сладенькие, мелкобуржуазные министры и экс-министры, которые бьют себя в грудь, уверая, что у них есть душа, что они ее губят, вводя и применяя против масс смертную казнь, что они плачут при этом—улучшенное издание того „педагога“ 60-х годов прошлого века, который следовал заветам Пирогова и потом не попросту, не по обычному, не по старому, а поливая человеколюбивой слезой „законно“ и „справедливо“ подвергнутого порке обывательского сына“ (статья „Бумажные резолюции“. Тактика большевика. М. 1923 г.).

Можно найти еще несколько подобных примеров, но в общем их немного и они не характерны. Значительно более частыми кажутся случаи примера конкретизирующего, наглядно иллюстрирующего, в котором Ленин умеет схватить и выразить немвогими чертами, при всей своей экономии, существенные оценки положения. Так, обращаясь апострофически к О. Бауэру и Адлеру с вопросами и сам давая на них ответы, — прием ему свойственный в полемике, — Ленин, очертив ситуацию в решительный момент гражданской войны, изображает сценку переговоров рабочих или интеллигенции с Деникиным с приведением воображаемого мнения о них иностранного советника, которое заключает в себе сравнение этих соглашателей с вождями западного социализма. (Том XVII, стр. 21). Ленин вообще нередко пользуется подобными сценками или воображаемыми речами, вкладываемыми им в уста других: французских рабочих, финских представителей, финляндского правительства, „большинства“ и т. д., иногда же сам стави себя на место того, о ком идет речь. Так, говоря о предпочтении ударных предприятий в материальном отношении, Ленин вводит такой пример: „Если меня будут так предпочитать, что я буду получать восьмушку хлеба, то благодарю покорно за такое предпочтение. Без этого ударность — мечтация, облачко, а мы все-таки материалисты. Если говорить — ударность, тогда дай и хлеба, и одежду, и мясо“. „О профсоюзах и прочих“ стр. 14). Думается,

что этих примеров достаточно для характеристики Ленинских сравнений в широком смысле этого слова, даже без тех комментариев, которые могут быть здесь даны только в предварительной, поверхностной и общей форме. Скольковибудь полный научный анализ осложнен такими теоретическими и материальными трудностями, что всякая попытка произвести его теперь же, при всех тех условиях, о которых сказано в начале статьи, была бы заранее обречена на неудачу. Я предпочитаю не иметь подобных претензий и главную задачу статьи видел в подборе примеров и снабжении их вводными примечаниями, скорее только указывающими путь к их пониманию, чем дающими готовое их истолкование.

Я даже признаю, что прямее к характерной сути ленинской речи привел бы анализ таких примеров, в которых средства воздействия и выражения не так ясны. Такие фразы, как „Кто хочет помочь колеблющемуся, должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому,“ хотя она напоминает известное пареченье Горация: „Коли хочешь, чтоб плакал я, нужно, чтобы прежде плакал ты сам,“ или „Голодный не может отличить республики от монархии; озябший, разутый, измученный солдат, гибнущий за чужие интересы, не в состоянии полюбить республику. А вот, когда последний чернорабочий“ и т. д. „Тогда никакие слова.. никакие силы... не победят народной революции, а напротив она победит весь мир,“ — я признаю, что они характернее для речи Ленина. Но их анализ слишком труден и сложен. Предварительно надо сделать более простую работу.

Ораторская речь — включая в нее все виды устного обращения: проповедь, воззвание, инвективу, приказ, лекцию, доклад, диспут и проч. и проч. — наиболее широкая, неопределенная и разнообразная область слова. В отношении к ней труднее всего говорить об „искусстве“. И все же, это — искусство. Границы между поэзией и риторикой не ясны. Ораторская речь допускает оттенки всех родов поэзии, в ней могут встречаться и повествование, и описание всякого рода и лично обращение, монолог и даже диалог, а также и восклицания и проч. формы лирической экспрессии. Она может быть построена ритмически и пользоваться фанатическими средствами (гармонией и ассонансом, иногда даже рифмой), она может сопровождаться мимикой, жестом, телодвижением и даже переходить в настоящее действие, или в актерство. Но все эти элементы изменяются в ораторской речи, подчиняясь ее собственным законам, как живописные элементы получают особую роль и значение, служа целям сцены. Основной же нерв ораторства лежит не в них. И вот, в зависимости от той специфической атмосферы в которую

их погружает оратор, смотря по тому, какой перспективой их наделает та или другая манера ораторства, они распределяются всякий раз иначе по своему относительному удельному весу, приобретают больше или меньше колорита и рельефности или меняют самый характер того и другого. Тут следует различать фактуру и манеру. Очевидно, что гравиюра уже по своему материалу требует иных средств, чем масляная живопись. Но в этой последней могут быть различные манеры. И в зависимости от них и применяемые средства соответственно и взаимно изменяется. Основной и существеннейшей чертой ленинской речи является ее аналитичность, ее жесткий, почти технический характер. Как истинный марксист, он должен был видеть в господствующей системе понятий продукт буржуазной идеологии, в самом словаре которой „каждое слово подделано в интересах буржуазии“ и, следовательно, служит орудием увлечения и эксплуатации. Поэтому он не доверяет словам, прошедшим литературную школу, и в каждом выражении, унаследованном от прошлой политической культуры, подозревает если не врага, то сомнительного перебежчика, которого необходимо всякий раз подвергнуть тщательному допросу и обыску, прежде, чем ему довериться. Больше того, как подлинный материалист в философском смысле этого слова, Ленин требует от себя и от других прежде всего ясного отчета в реальном значении вещей, реальной оценки явлений, как фактов жизненного существования и классовой борьбы, т.-е. прагматически. Содержание всякой истины, лозунга, понятия он проверяет на человеческой потребности и пользе, сводя их оценку к взвешивающему решению, к действию и беспощадно разоблачая их пустоту и бесполезность, если они не приводят к определенному решению и фактической пользе.

Отсюда его чрезвычайно, взыскательное, почти подозрительное отношение к слову вообще, необычайно зоркое во всякой неясности, „путанице“, „каше“, „подмене понятий“. Как будто стремясь к последней правде, к крайнему реализму и прямоте сознания, полной обнаженности вещей, он всем своим существом ненавидит „фразу“, неустанно борется с малейшей склонностью „убаюкивать себя словами, декламацией, восклицаниями“, „скрываться под сень декламации“, „опьянять себя звуками слов“, беспощадно разоблачая в словах всякую дымку неопределенности, или „принципиально“ отвлеченности. Он ищет слов, которые ясно и определенно передавали бы реальное соотношение вещей, честно и прямо, не затушевывая, не „укрывая“ и не сглаживая ничего, слов, обращенных непосредственно к взвешивающему решению воли и только к нему, без апелляции к воображению или к чувству, которое способно только затуманить, взволновать

и, следовательно, развлечь и ослабить внимание, рассеять волевое напряжение, притупить остроту решимости, уводя от факта, постановку которого должно вынуждать к решению, как пистолет, наведенный в упор.

Существо и сила ленинской речи и состоит в беспощадном и бесстрашном анализе, разоблачающем последнюю правду, анализе, приводящем к единственному выводу решения. Только с этой точки зрения и можно сколько-нибудь правильно учесть свойства его лексики и значение его словесных и композиционных приемов. Вся конструкция, все деятельные функции его речи направлены этой центральной, доминирующей силой и от нее получают свою действительность, оправдание и истолкование.

Этот аналитический и прагматический, „марксистский“ дух ленинской речи вовсе не означает одноцветности и безразличности в ней слова. Только „валютой“ окраски, коэффициентом словесной игры нужно взять для нее иное, чем для речи другого уровня, другой манеры и фактуры. Речь Ленина кажется гладкой и неподвижной, может быть даже плоской, только для поверхностного глаза, привыкшего к другим масштабам словесного эффекта. Но уже из приведенных примеров можно было убедиться, что в ленинской речи не мало движения и даже вихрей и бурь в стихии слова. Только надо подходить к ней, чтобы усмотреть их, с более сложным и чутким барометром.

Речь Ленина крайне воздержана. Она исключает, как „фразу“, гораздо большее, чем это считает необходимой для себя речь литературная. Она усматривает декламацию, восклицания, опьянение словом гораздо дальше тех пределов, которые этим тенденциям ставятся художественными требованиями стиля. Она может видеть „воспевание“ (о профсоюз и т. д. Речь 30/XII—20, Пгр. 1921, стр. 18), то-есть лирический момент, даже в политических тезисах. Совершенно ясно, что для оценки стиля ленинской речи надо учитывать эти, ее собственные, границы лиризма, эпики и драматизма, иначе мы просто не заметим в ней ничего, что составляет собственно ленинскую поэзию речи. Между тем, мы видели, у Ленина есть собственный пафос, и при том такой пафос „правды“, который для него больше всего характерен и вместе с тем особенно легко может остаться незамеченным глазом, невооруженным специальными очками соответственного номера. У Ленина есть разные поля или уровни лексики различно окрашенные, различного тона,—мы видим это на примере двух видов пафоса, на сатирических иллюстрациях (см. еще „порхнули в деревню, покалякали“, „калякали о принципах“), на характере его цитат, метафор, сравнений. Как и метафоры и сравнения, цитаты его служат не к укра-

шению речи, это не декоративное убранство, ласкающее воображение, не наряды, расцвечивающие и дразирующие речь, чаще скрывая, чем подчеркивая содержание, которое в них одето. Цитаты ценны тем, что выдают литературный фон речи и могут служить некоторым мерилом „литературности“. У Ленина они состоят преимущественно из пословиц и литературных выражений, вошедших в поговорку. Таковы чаще всего изречения евангельские, Крыловские, Грибоедовские (несколько раз, „шел в комнату—попал в другую“), вообще школьных классиков. Крайне редки стихотворные цитаты. Никакой изысканности в выборе, никаких современных сколько нибудь авторов; все это, повидному,—наследие школы, уже совсем вошедшее в плоть и кровь; это уже даже не цитата, а поговорка. Как таковыми, Ленин ими и пользуется обычно, чтобы высказаться вносказательно. Это очень хорошо характеризует речь Ленина, его осторожность и воздержанность в слове, его графичность и аналитическую, разоблачающую силу.

Те, кто был близок ему, был своим в обстановке его речей, те естественно обладают верным подходом к ним, ибо для них каждое движение слова его, каждая интонация голоса, доходили, как он того и хотел, до конкретного факта решения. Но те, кто не имеет такого барометра, должны сначала его создать. Показать это и было последней целью этой статьи.

Примечание: Приведенные примеры взяты из следующих речей и статей Ленина:

1) Том XIV стр. 239; 2) Том XVII стр. 17; 3) „Кризис назрел“ (Тактика большевизма изд. „Московский рабочий“ М. 1923); 4) Речь 20/XI—22 в Моск. Совете; 5) Там же 6) Речь 23/III—19 на Съезде РКП; 7) Том XVII стр. 30; 8) Речь 7/III—18 на Съезде РКП; 9) Том XVII стр. 17; 10) „Лучше меньше да лучше“ М. 1923; 11) Том XVII стр. 5; 12) Там же стр. 65; 13) Там же стр. 18; 14) „Лучше меньше да лучше“; 15) Речь 23/III—19 на Съезде РКП; 16) Там же; 17) Речь 20/XI—22 в Московском Совете; 18) Там же; 19) „О революционной фразе“ (тактика большевизма); 20) Тактика большевизма стр. 21; 21) „О конституц иллюзиях“ (тактика большевизма); 22) „Письма о тактике“ (там же); 23) „Задачи пролетариата“ (там же); 24) Речь 23/III—19 на Съезде РКП; 25) Речь 7/III—18 на Съезде РКП; 26) „Уроки революции“ (тактика большевизма); 27) „Кризис назрел“ (там же); 28) „Один из коренных вопросов и т. д.“ (там же); 29) Письмо в ЦК и МК партии (там же); 30) „Странное и чудовищное“ (там же); 31) „О конституц. иллюзиях“; 32) Речь 18/II в ЦК; 33) Там же; 34) Речь 7/III—18 на Съезде РКП; 35) Там же; 36)

Том XIV стр. 247; 37) „О конституц. иллюзиях“; 38) „О двоевластии“ (тактика большевизма); 39) Речь 19/III—19 на Съезде РКП; 40) Речь 23/III—19, там же; 41) Том XIV стр. 419; 42) Речь 19/III—19 на Съезде РКП; 43) „Лучше меньше да лучше“; 44) Речь 7/III—18 на Съезде РКП; 45—46) „Лучше меньше да лучше“; 47) Том XVII стр. 16; 48) Речь 23/III—19 на Съезде РКП; 49) „Лучше меньше да лучше“; 50) „О профсоюзах и т. д.“ стр. 11; 51) „Лучше меньше да лучше“; 52) „О профсоюзах и проч.“ стр. 16; 53) Том XVIII стр. 20; 54) Речь 9/I—18 в ЦК; 55) Речь 23/II—18 там же; 56) Речь 7/III—18 на Съезде РКП; 57) Там же; 58) Тактика большевизма стр. 305; 59) Речь 7/III—18 на Съезде РКП; 60) Речь 15/III на Съезде Советов.

КОНСТРУКЦИЯ ТЕЗИСОВ.

Борис Томашевский.

В наши годы увлечения поэтикой совершенно забытой дисциплиной является сестра поэтики-реторика. Даже самое слово это звучит для нашего слуха как-то „неприятно“ (реторика—риторика). Меж тем совершенно несомненно, что поэтика (т. е. дисциплина, изучающая конструкцию словесно-художественных произведений) может развиваться нормально лишь на сравнительном базисе изучения реторики (соответственно на не-художественных словесных произведениях. Обычное противопоставление „поэзии“ и „прозы“). Эта потребность в сравнительных экскурсах, при отрицании законности существования реторики, приводит к тому, что проблемы реторики рассовываются по смежным дисциплинам. В части языка проблемы реторики отошли к лингвистике (к сравнительно узкой сфере этой науки—к стилистике), в области мотивировки—эти проблемы втягиваются в логику и психологию, и от этих трех дисциплин поэтика ждет сравнительных указаний. Вместо ясного, хотя может быть терминологически и неудачного, противопоставления старой схоластической науки „поэзии“ и „прозы“, мы, склоняясь к путям лингвистики—выдвигаем другое противопоставление— „практический“ и „художественный“ язык, хотя это противопоставление не покрывает всех проблем конструкции словесных построений, касаясь исключительно сферы языка, во-вторых оно не соответствует и границам деления „поэзии“ и „прозы“, ибо „прозаический“ язык быть может не менее „поэтического“ следует противопоставить „практическому“.

Проблемы логики и психологии, которые могут сослужить свою службу в анализе генезиса тех или иных словесных конструкций, совершенно ничего не говорят о самоценности этих конструкций в их словесном выражении, ибо как бы ни было связано наше мышление с языком—в форме внутренней речи—все равно нельзя подменять проблем словесного построения проблемами мышления.

Основные проблемы конструкции словесного материала не затрагиваются ни логикой, ни психологией, ни лингвистикой. Должна быть воскрешена старушка реторика так же, как воскресла поэтика. Пока этого не случилось, схоластическая „теория словесности“ не теряет своего значения, ибо объединяет в себе проблемы реторики, еще не ассимилированные новой научной мыслью. Необходимо это и с точки зрения динамики современной культуры. В настоящее время происходит характерное „оседание“ культуры. Прошла эпоха

„парниковой“ духовной жизни. Парниковая рассада пошла в дело. Отсюда и широкая демократизация искусства, и такие симптомы, как своеобразный утилитаризм в художественных направлениях. Все это—проявления здоровой тенденции создания широкой культурной традиции; традиция—это своего рода маховик, аккумулятор, обеспечивающий бесперебойную работу будущего. Это оседание, как всякий социальный процесс, сопровождается и отрицательными, уродливыми явлениями, но в основе это процесс здоровый и исторически необходимый. Парники („интеллигентство“—которое напрасно смешивают с „интеллигенцией“ профессиональной носительницей культуры, которая нужна при всяких социальных соотношениях)—эти парники разбиты.

Проникновение культуры в „жизнь“—выражаясь грубо—влечет за собой и пристальную, внимательную культивировку прозаической речи. Мечта Писарева о слиянии художественной литературы с популярно-научной, наконец, обретает в России реальную почву, хотя и не в формах, мыслившихся реалисту. Пред нами стоит практический вопрос—выработка нормальной реторики.

Такие факты, как появление курсов журналистики, ораторского искусства, преподавание искусства спора, и трактаты по этим вопросам доказывают стихийные этапы возникновения нормативной реторики. Но ни одна нормативная дисциплина не обеспечена в своем развитии без параллельного существования соответствующей теоретической дисциплины. Этим я не хочу сказать, что задачей теоретической реторики является разрешение нормативных проблем, как например, задачей общей теории упругости до сих пор является, главным образом, создание практической, технологической дисциплины сопротивления материалов,—нет, взаимоотношения нормативных и теоретических дисциплин значительно сложнее: непосредственный утилитаризм не всегда стимулирует культуру, и иногда ее тормозит,—но факт сосуществования этих двух рядов есть факт культурно-исторический, и в нем залог развития теоретических изучений в этой области.

Впредь нельзя безнаказанно пользоваться „газетным стилем“ и хаотической словесной конструкцией. Теперь на это обращено внимание, и каждый пишущий чувствует это постороннее наблюдение.

Наиболее значительной областью современной прозы являются произведения социально-политические. Наиболее крупной, мировой величиной в современной социально-политической литературе был Ленин. Вот почему естественнее всего именно с Ленина начинать теоретические изучения в области реторики. Совершенно естественно, что на первой стадии этой дисциплины преобладать должны описательные

приемы изучения. Описание конструкций Ленинских статей является фундаментом новой риторик.

Ленин, всю жизнь борющийся словом, чувствовал всю ответственность словесного построения. Он знал как положительную—движущую силу слова, так и отрицательную его силу—силу инерции, трения, власти привычных, выветрившихся формул.

Главной задачей словесных построений Ленина была их актуальная действенность. У него с редкой для теоретического мыслителя гибкостью общие положения переливаются в лозунги, словесные директивы политического действия. Отсюда тесная связь слова с делом и постоянная тема, особенно в полемике, о соотношении слова и дела: „сколько-нибудь опытный буржуазный политикан никогда не затруднится наговорить сколько угодно, „блестящих“, эффектных, звонких, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих фраз... А коснется до дела—можно сфокусничать“ („Дубляновщина“, 8 апреля 1917 г.). „Марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае, намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни“ (Письма о тактике апрель 1917 г.). „Настоящее рабочее правительство не обманывает рабочих болтовней о реформах, а борется на деле за полное освобождение рабочих“ („Пролетарская революция и ренегат Каутский“, октябрь 1918 г.).*

Отсюда стремление в словесных конструкциях Ленина к формулам—лозунгам, имеющим тесное, конкретное, актуальное значение. Избегая универсальных общеполитических сентенций („фраза“, „теория“, „болтовня“), он стремится кратко и ясно выразить директивы текущего политического действия.

В этом отношении характерны его „тезисы“, с которыми он выступил на следующий день по приезде в Россию, 4 апреля 1917 г.

Самая форма выступления — „тезисы“—свидетельствует о стремлении к большому политическому содержанию—собственно декларацию всей политической деятельности партии большевиков—втиснуть в ряд кратких лозунгов. Форма эта не изолирована в творчестве Ленина. В чистом виде она повторена в декабре 1917 г.—„Тезисы об Учредительном Собрании“, а январе 1918 г. „Тезисы о мире“. Без внешнего аппарата расчленения на цифровые пункты та же структура доминирует в Ленинских декларациях, резолюциях. Развернутыми „тезисами“ являются такие работы, как „задачи про-

* Все цитаты по изданию: Н. Ленин (В. Ульянов) Собрание Сочинений Государственное Издательство. Москва.

летариата в нашей революции“, „Политические партии в России и задачи пролетариата“.

Тезисы были напечатаны в „Правде“ 7 апреля 1917 г. с обрамляющей их статьей, под заглавием „О задачах пролетариата в данной революции“.

В газете тезисам предпослана краткая справка относительно условий их опубликования, сухая статья (по объему вдвое короче первого тезиса), немедленно вводящая нас в деловую обстановку тезисов. Если вспомнить политическое окружение тезисов, глумление газет по поводу „пломбированного вагона“, эмфатические словопрения на общие либеральные темы, общий задор и запальчивость,—то этот деловой тон вступления к тезисам есть своеобразный стилистический прием, придающий особую энергию словесному их выражению.

Тезисы сгруппированы по внешне логической схеме: первые два представляют общенсторическую оценку момента (война и революция), два следующие—отношение к носителям власти в России (временное правительство и советы), следующие четыре развивают социально политическую программу революции (вопросы государственного устройства, аграрная программа, финансовая политика, организация производства), два последние касаются партийной жизни (созыв съезда партии, организация Интернационала).

Наиболее развитыми являются первые четыре тезиса, имеющие актуальное значение. Следующие четыре, трактующие задачи будущего, вводятся лишь как мотивировка конкретной деятельности.

Из первых четырех наименее развит третий—о временном правительстве. Отрицательная позиция по отношению к временному правительству соответствует наибольшей словесной скупости.

Таким образом словесный объем каждого тезиса соответствует актуальному значению его. Значение это, понятно, следует учитывать с точки зрения 4 апреля 1917 г. и в этом отношении был бы интересен историко-политический комментарий к тезисам, от которого я, естественно, воздерживаюсь.

Эти три развитые тезиса распадаются каждый на две части: общее положение и вытекающие отсюда директивы политической пропаганды.

Прочитирую соответствующие абзацы:

Из 1-го тезиса: „Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно, обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку,

разъяснить неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным миром нельзя без свержения капитала*.

Из 4-го тезиса: „Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок и тактики“.

Абзацы эти тематически аналогичны: речь идет о „разъяснении массам“; аналогичны они и стилистически. В обоих случаях заметна установка на т.-н. слитные сочетания.

„Обстоятельно, настойчиво, терпеливо“, „разъяснить ошибку, разъяснить связь, доказывать“, „терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся к потребностям“. Здесь перекликаются конструкции, перекликаются слова („настойчиво, терпеливо“. Ср. во 2-м тезисе: „приспособиться к особым условиям партийной работы“).

И эта слитная конструкция является типичным и сознательным приемом Ленина: „массы присоединятся к рабочим в их осторожных, постепенных, обдуманных, но твердых и немедленных шагах к социализму“ (Лублановщина).

„Отделяются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячи раз друг друга с революцией, не хотят подумать о том, что такое Советы Р. и С. Д.“ (О двоевластии). „Конкретно дела сложились иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее“ (Письма о тактике). „Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая не соответствует объективной действительности“ (там же).

Таково же бессоюзное перечисление имен: „потому ли что Чхеидзе, Церетели, Стекловы и К^о делают „ошибку““ (О двоевластии) „На очереди дня—решительная, бесповоротная размежевка с Луи-Вланами-Чхеидзе, Церетели, Стекловыми, партией О. К. партией С. Р. и т. п., и т. п. (Лублановщина). „Каутский, Лонгэ, Турати и мн. др.“ (там же). „Гучковы, Львовы, Милюковы и К^о (там же)“.

Аналогичны конструкции такого типа: „Нет, формула устарела. Она никуда негодна. Она мертва“. („Письма о тактике“).

Характерны везде трехчастные формулы. В языковых формулах число три есть синоним „много“. Недаром тремя точками мы обозначаем „многоточие“, недаром в сказках все совершается на третий раз.

Вернемся к тезисам. На фоне пестрого синтаксиса эти два места выделяются своими синтаксическими аналогиями. И это те места, которые сознательно выделял сам Ленин. В своих „Письмах о тактике“ Ленин говорит: „Чтобы не допустить ни тени сомнений на этот счет, я дважды подчеркиваю в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой, „приспособляющейся к практическим потребностям масс“ работы „разъяснения“...“

Подчеркнуто это и в послесловии к тезисам, построенном в форме полемики с Гольденбергом: „Я пишу, читаю, разжевываю: ввиду несомненной добросовестности и т. д.“ „А господина из буржуазии и пр.“ И далее: „Я пишу, читаю, разжевываю“ „Советы Р. Д. есть единственно возможная форма и т. д.“ „А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды и проч.“

Характерно здесь двукратное, анафорическое повторение той же формулы „Я пишу, читаю, разжевываю“...

Это слитное, троекратное, бессоюзное сочетание производит впечатление отрезка бесконечной словесной серии. Поскольку в тезисах замечается прямое соответствие между важностью и словесным объемом высказываемого, постольку в местах упора применяется эта искусственная амплификация речи, заменяющая словесное развертывание. Ибо для Ленина, с его предельно сжатым стилем, не было другого средства для создания иллюзии словесной полноты. Там где требовалось увеличение словесного объема, там он прибегал к синтаксической символике этого объема, своего рода алгебраическому знаку суммы ряда.

И в дальнейшем в обрамляющем послесловии Ленин снова прибегает к этому приему: „Г. Плеханов назвал в своей газете мою речь „бредовой“. Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите как Вы неулюжи, неловки и недогадливы в своей полемике“. „Гораздо легче, конечно, кричать, браниться вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассказали Маркс и Энгельс, в 1871, 1872, 1875 г. об опыте Парижской Коммуны“.

И послесловие замыкается тематической фразой о слове и деле:

„Запутались бедные, русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле“. Эта тематическая концовка как бы разъясняет исключительно деловой—до сухости—зачин обрамления тезисов.

Таким образом, проследив один из стилистических приемов построения тезисов, мы видим, что на ряду с принципами логического построения, здесь наличествует уравнение словесных объемов.

Другим приемом варьирования и индивидуализации тезисов является пестрота синтаксических сочетаний. Тезисы

комбинируются из абзацев предложений. Количество абзацев в тезисе различно (I тезис 5 абзацев, II—3, III—1, IV—3, V—3, VI—3, VII—1, VIII—1, X—2, IX делится на 3 пункта из них второй—на 3 подразделения). Построение этих абзацев различно (устраивая IX „пунктовый“ тезис). Семь представляют собой развитые полные предложения, остальные 15—безглагольные фразы—лозунги, вроде „Устранение полиции, армии, чиновничества“, или „Братанье“. При этом общая конструкция такова, что от сочетаний глагольных тезисы переходят к сочетаниям безглагольным. Первый тезис после трех абзацев, построенных по типу полных, распространенных предложений, замыкается двумя краткими безглагольными. Из них последний—одно слово „братанье“. Второй тезис—три полных абзаца. Третий—один безглагольный. В четвертом—положение обратное: два безглагольных абзаца (из них первый слитный)—замыкающий абзац—полное предложение. Начиная с пятого—исключительно безглагольная конструкция.

Может возникнуть сомнение—имеем ли мы дело в этих безглагольных конструкциях с подлинными „предложениями“, или же это явление типа „перечней“, оглавлений и т. д., т. е. каждая конструкция представляет своего рода заголовок, эквивалент, символ потенциально мыслимой словесной конструкции, как в оглавлении подобная конструкция обозначает целую статью или даже трактат.

Понятно, почему подобная психологическая емкость безглагольной конструкции ощущается, почему выражение приобретает характер чрезвычайной сжатости (что получает и осознаемое подтверждение в формуле: „братанье“). Но все же конструкции эти суть предложения, с потенциальной, психологической глагольностью. Об этом свидетельствует отглагольность большинства именных: „организация“ (как деятельность), „братанье“, „разъяснение“, „признание“, „перенесение“, „слияние“, „обновление“...

В двух случаях этого нет, но в обоих случаях наличие предложения особо подчеркнута.

1) „Никакой поддержки Временному Правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний“. „Никакой поддержки“ — косвенный падеж параллельно с именительным, „разъяснение“ — определенно ориентирует нас на потенциальную глагольность конструкции.

2) „Не парламентская республика,—возвращение к ней от Советов Рабочих Депутатов было бы шагом назад,—а Республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху“.

Здесь наличие вводного предложения („возвращение к ней было бы“) определенно дает впечатление предложения главной конструкции.

Безглагольность, субстантивизация глагола придает особую модальность этим конструкциям, модальность приказания.

Конструкция эта убыстрена, нагнетена, достигает максимума энергии выражения; это—своего рода натянутая словесная пружина.

Я должен оговориться, что подхожу к вопросу не с лингвистической точки зрения, и функциональное значение выражения меня мало интересует. Меня занимает вопрос о конструкции всего произведения, и, останавливаясь на элементах стиля, я хочу лишь показать, как во всем произведении распределен словесный материал, аналогично окрашенный.

Если мы проследим в тезисах распределение безглагольных конструкций, то мы увидим, как последовательно проводится нагнетение энергии выражений. Проводятся это в три приема: внутри первого тезиса, в переходе от второго к третьему, и наконец „хвостачское“ расположение четвертого тезиса окончательно подготавливает к переходу на насыщенные безглагольные сочетания всех остальных тезисов.

Таковы приемы расположения аналогично-конструированного словесного материала в общей композиции тезисов. Мы видим характерные параллелизмы, своеобразные „аафоры“, напоминающие „Композицию лирических стихотворений“—Жирмунского. Я далек от мысли, что анализ конфигураций аналогичного словесного материала в произведении днет нам познание конструкции материала. Дело не в форме конфигураций, не в словесных арабесках, а в их выразительно-конструктивной функции.

Даже чисто поэтическое произведение относится сравнительно безразлично к форме конфигурации как таковой. Это доказывается тем, что каждая попытка классификации таких повторов приводит к тому, что в реальном материале наличествуют всевозможные формы. Так было с попыткой классификации эвфонических повторов (см. особенно последнюю работу Брюсова о звукописи Пушкина), также случилось с классификацией „анафорических“ явлений, т. е. с классификацией аналогично-словесного материала. То же случилось с попыткой изучения стиха, как комплекса индивидуальных форм „стопы“. Оказалось, что при такой постановке любое сочетание слов есть стопа,—иначе стопы нет. Точно так же классификация эвфонических и словесных повторов ни на йоту не сдвигает вперед вопроса с точки голого утверждения наличности таких повторов. Ибо оказывается, что все формы сочетания равноправны. Иначе эти формы „в себе“ неощутимы, безразличны.

Все дело не в форме комбинации, а в конструктивной мотивировке, в выразительной функции данного явления, в данном индивидуальном построении.

И в данном случае для нас менее всего важно, что стилистическими приемами распределение полных и безглагольных форм 10 тезисов разбито на группы 4+6, а первая группа обрамлена („кольцо“) слитными сочетаниями, — а важно построение тезисов не по принципу чистого логического мышления подбора адекватного словесного выражения, а по законам словесной (в данном случае утилитарно словесной конструкции), оперирующей объемом и потенциальной энергией выражения. Важно, что в момент программного декларирования играл закон словесных формул, был конструктивный замысел.

Я оставляю в стороне вопрос о тематическом распределении материала. Между тем прозаические произведения имеют свой „сюжет“, свои тематические ходы. В данном случае мы имеем обрамление (приступ и послесловие), мотивированное тем, что ранее написанные тезисы сообщаются в газете. Это обрамление имеет свою завязку, перипетии (полемика) и развязку (концовое совмещение двух тем: полемика и общей антитезы „слова“ и „дела“).

Но анализ тематического, сюжетного построения не входит в мои задачи. Я хотел лишь указанием на некоторые приемы распределения словесного материала показать, как путем конструкции разрешается задание амплификации и напряжения тематизма, помимо всякого специфического отбора лексики. Пафос может заключаться не в подборе эмоциональных словечек, а в самой конструкции. В этом отношении характерно отсутствие в тезисах „гиперболических“ слов (если не считать слов, приобретающих значение политического тематизма: „грабительский“, „предательский“, „лживый“, и пр. Этими словами покрывались не простой грабеж, предательство и ложь, ср. „похабный мир“), за исключением слова „неслыханный“ (типичное словечко Ленина. Сравни в разговоре с Духониним: „поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам“).

Лексическая скупость Ленина восполняется своеобразной выразительностью его конструкций.

КНИГА

Даешь Марию Антуанету!

Редакция нового петрицкского журнала „Звезда“ — в коротеньком предваряющем обращении к № 1 говорит о возобновлении вековой традиции толстых журналов в Петрограде после пятилетнего перерыва, вызванного эпохой революции и гражданской войны.

Жаль только, что скромная краткость этого предисловия не дала очевидно возможности редакции точнее определить, о какой же именно „традиции“ идет речь. О традиции ли „толщины“ вообще, или о традиции толщины эту приобретать только вне эпохи гражданской войны и... революции.

Правда дальше в том же предисловии говорится о том, что:

„Звезда“ ставит своей задачей дело марксистского воспитания новой выдвинутой революцией рабоче-крестьянской интеллигенции“.

Речь идет значит о вузовцах и рабфаковцах. На их потребу блистает новая „Звезда“. Им путеводительствовать она соберется. Каков же спектр ее лучей? Ну конечно, основной цвет красный. Иностранная хроника, международное обозрение. Но ведь пока еще до статейного материала читатель доберется! А фризюмония то журнала — его лицевая сторона, на которую главным образом и устремлены взоры „новой, выдвинутой, рабоче-крестьянской“... какова она?

Всякому понятно, что не из-за статейного же материала издается журнал. Литературную, художественную линию всегда он определит, позицию искусства он защищает. Какую линию и какую позицию проводит и отстаивают напр. сонеты т. И. Ионов.

„Ах в книге много букв, так много дней в столетях,
И каждая звено и каждый поныть...
О том, что мир широк, что люди всюду братья
Сказала книга мне в годану лихолотья“.

Не придираясь к рифмам, спросим только с точки зрения „дела марксистского воспитания“ — что называет т. Ионов годиною лихолотья? И откуда берет он столь звездно-блистающую поэтическую формулу: „что люди всюду братья“. Чувствует ли наизусть З. Гиниус братом т. Ионов. И действительно ли питает братские чувства к Мережковскому и Куририну т. Ионов. Это — не выходя из круга литературных традиций. А как же быть с этой же формулой вообще в быту. Или в ней только парнасский форма обязывает т. Ионов к величественному бесстрастию. И вылезши из сонета, он такого хорезмбша дает по уху Ив. Бушину, что у него в ушах завевит. Надеемся что так. Иначе „люди — братья“ такую свинью могут подложить в основной задаче т. Ионову, выдающему „Звезду“, что на каком пегасе не перескочишь.

Но сонеты сонетами, а вот в „Парижских олеографиях“, возглавляющих художественный отдел „Звезды“ — мы совсем запутались.

„Олеограф“ — А. Н. Толстой, поддерживая традицию „толстых“ журналов, такое намалевал, что читателю на „новой, выдвинутой“ действительно лет семь не силось.

Судите сами:

„Граф д'Артуа, брат Людовика XVI, преска однажды королеву о любовном свидании. Мария Антуанета сказала „Да“. Осенью во время охоты в уединенном месте она отдала ему час любви. Граф д'Артуа выбрал на берегу Сены в лесу уединенное место... Здесь он разбил английский парк, перекинул мостик через ручей и на открытой поляне построил дворец, а рядом отель для свиты.

Нругом он велел посадить миллионы роз. Постройка была окончена в три месяца. Мария Антуанета сдержала слово. Во время охоты лошадь ее взбесилась и унесла королеву в замок любовной прихоти — Багатель. Прошло пять лет. Королева была названа, граф д'Артуа бежал из Франции. Теперь в Багатели цветут поля роз. Чудесные розы покрывают лужайки, оплетают старые стены ограды, свешиваются с ползучих арок. Сегодня в Багатели герцогиня д'Юэс, по бабушке из рода Гедиминовичей, устраивала Париму праздники в пользу жертв русской революции“.

(стр. 14 — 15).

Ты, читатель из рабоче-крестьянской интеллигенции, проникся трогательной благодарностью к благородству графа д'Артуа, который „разбил“, „построил“, „перекинул мостик“ в Багатели, где теперь цветут поля роз. Понял, что „все люди братья“. Почувствовал нежную жалость к Марии Антуанете, разлученной с человеком столь много сделавшим для нее. И наконец — усвоил ли навсегда родословную графини д'Юэс, которую до сих пор величали не по бабушке, а только по матушке.

Но может быть это лишь странное лирическое отступление олеографа Толстого, вспомнившего к случаю о графе д'Артуа. Перевернем страницу и читаем:

„Ни Мишель ни Нанет не знали конечно, что вот этот изящный, презрительный, с худым лицом молодой человек открыл первый начал великой восточной трагедии, убив себя на дому полумифического мужика“.

С нами крестьянка! Мы ведь этого тоже не знали. Открыл первый! „Кто бы это такой?! Вот видишь, читатель, как плохо в деле марксистского воспитания“ — не звать родословной Гедиминовичей. А ведь это и есть — по олеографски д'Юэс, по русски Юсупов, кто „открыл первый начал“. Ну, а не „открой“ он, не читать тебе „Парижских олеографий“, не звать бы „великой восточной трагедии“.

Переберемся на следующую страницу (17).

„Вот этот... скучающий человек с темными усами в шелковом цилиндре, слегка на бокрень — русский император, напечатанный в Ницце ласток с просьбой вернуть ему империю и подаяния“.

Не пытайтесь проникнуть в тайны жистка „напечатанного в Ницце“ — вышерепрожденную датату можно трактовать, как загадку для детей петробомоложевого возраста: в настоящем СССР „императора“ нет; в прошлом был — да сплхз. Какого же времени описываемый А. Н. Толстым, шляющийся в цилиндре на бокрень по Багатели? Повторим для ясности: настоящего — нет, прошлый убит; какой может быть еще описываем? Кто знает? Никто не знает. Подумайте лучше.

И ходит „учитель изящной словесности“ А. Толстой по классу рабочей — крестьянской интеллигенции и рассказывает ей истории, благоухающие розами любовных прихотей графов д'Артуа, и задает ей задачи с тремя неизвестными: традицией, эстетикой и идеологией. Мудрено ли, что, начитавшись литературного материала „Звезды“ — иные могут с искренним усердием, желая приветствовать Коминтерна, вместо нужных слов, хором по привычке воскликнуть:

„Давать Марию Антуанету!“

Н. Асеев.

АДРИАН ПИОТРОВСКИЙ. „Падение Елены Лей“. 1923 год. Изд. Academia, 88 стр.

Пьеса эта уже была в Лефе удачно, хотя и вскользь, прорецензирвана т. Левиным в статье „О театре масок“. Но на моем столе она лежит еще необураженным трупом.

Вспомнил в 1919 году служил я в ТСО (потом ПТО) в Петербурге в репертуарной комиссии.

Полярный круг проходил тогда через Невский, и город казался мертвым, как мороженая рыба. Служили со мной: Михаил Куаман, Анна Радлова, Алексей Ремизов и Адриан Пиотровский.

Пьесы поступали непрерывно. Казалось странным, что люди, писавшие и переписавшие эти толстые тетради, не знакомы друг с другом и не оговариваются где-нибудь на конспиративной квартире. Существовало только три-четыре, нет четыре не было, типа пьес и самый распространенный тип, были пьесы с президентами и припадками. Лучшей вещью из этой стаи явилась „Вне закона“ — Луцца, а дальше шли сплонившие озеры для, которые только авторы могли отличать друг от друга.

Пьесы эти скапливались у нас пастами. Очевидно потом этот пласт оттаял и мы должны выслушать все, что было тогда написано.

В родильных домах, чтобы не спутать ребят, пишут им номера чернильным карандашом на пятке. Но там дело упрощается тем, что дети — или мальчики или девочки; значит есть и естественная классификация. В театральном же деле пьесы с президентами и припадками могут быть классифицированы только по алфавиту.

Из старой дружбы к Адриану Пиотровскому нарушаю алфавитный порядок.

Но вот еще одно воспоминание.

В 1921 году пьесы оплачивались по-актно. Несомненно, что бытие определяет сознание — акты получались маленькие. Писали мы тогда пьесу в ночь. Одну написал даже хорошую т.е. вешлохую: „Пушка коммуны“, ее потеряли. Всего же написано мною было шестнадцать пьес. Спасок их кажется есть в „Сов. Драматических Писателей“. Если кто найдет рукописи, согласен купить их обратно. Серьезные репертуарные люди сидят и спорят о Елене и Люде и создают им рекламу... О, вавные граждане, в искусстве трудно только новое, а Люлей и Елен можно приготовить без всякого священного трепета сколько угодно и как угодно!

Вещи эти контр-революционны (или не контр-революционны) — говорите вы. Этих вещей вовсе нет, они не написаны. Это един акты и приемы.

Адриан Пиотровский — талантливый человек, со знаниями и своеобразной (не в литературе) физиономией и его президует не хуже других.

Более того, Адриан Пиотровский знает и по греческому и понимает театр. Его пьесу наверно лучше смотреть, чем читать. Он знает театральную технику, знает, например, что если бить в железный лист (что может означать катастрофу) и при этом кричать громко, а на сцене потушить огонь, то будет страшно.

Так у него и кончается Елена Лей.

По школе Адриан Пиотровский принадлежит к радловцам.

Радловские театральные пьесы писал, и пользовался таким красноречием. Сыщик у Радлова. По сюжету „Елена Лей“ связана с Аристофаном, (о Лизистратой). Но половая забастовка взята как страшная. Сам Пиотровский указывает на это в тексте.

— „Тергован“ — По системе древне-греческого поэта Аристофана. Олибос октодлантис“.

Некоторые каламбуры ужасны по своей недобросовестности. Например: игра со словом „высечь“ (высечь ровгами и высечь на мрамора) устарела.

Но конечно не следует огорчаться такими пустяками, даже для самого Адриана Пиотровского. „Елена Лей“ не опасна, если только он так отнесется к ней, как к народке.

Витер Шкловский.

АНТУАН АЛЬБАЛА: „Искусство писателя — начатки литературной грамоты“. Перевод с французского И. Б. Мандельштама. С предисловием А. Г. Горифельда. Книгоиздательство Сентаель. Петроград, 1924 год.

Были толстые журналы. Жили они лет сто. Писали в них особые люди: не литераторы, не писатели, а журналисты. Литературу они превирали.

Просматривали ли вы когда-нибудь комплект „Вестника Европы“? Сто лет печатался журнал и умудрился всегда быть неправым, всегда ошибаться. Это был специальный дренажный канал для отвода самоуверенных бездарностей. У них были свои боги, свои поэты, свои прозаики.

Другой канал, покороче, назывался „Русским Богатством“; он происходил от славных родителей; предки его вели литературные войны. Но сам он был отдан под выпас П. Я.

Здесь разучивался писать Короленко, а писал Олигер и здесь на номера в комер ругали и поносили сперва символистов (и до них еще кого-то), потом футуристов...

„Русское Богатство“ субъективно было честным журналом, но объективно это было место литературной оппозиции людей плохо пишущих против людей пишущих хорошо.

А. Горифельд — человек почтенный и украшенный многими ошибками. Так адмирал Макаров был славен своей неудачной попыткой совершить полярное путешествие на ледоколе.

Горифельд куда-то не плавал, и, кажется, этим очень гордится.

Литературно он никого не родил и это, вероятно, очень архаично. Конечно, Горифельд умнее журнала, в котором он писал, но тем хуже, так как он действовал сознательно.

В литературе не надо жалости и нужно поэтому не замалчивать бесполезность пути Горифельда, а сделать из него памятник и пугало.

Кажется первый раз А. Горифельд (очень милый в жизни и образованный человек) что-то советует.

Интересно, конечно то положительное, что может предложить нам человек с громадным, хотя и отрицательным литературным опытом. Книга Альбала вся основана на анализе отрывков прозы, разбираемых со стороны их стиля. Все эти отрывки, конечно неопытные для французского писателя и ваяты не писателей ему неизвестны.

Для русского читателя они дают очень мало, так как нельзя учиться стилю по переводам. Сам А. Горифельд (чрезвычайно милый и образованный человек) понимает это, когда говорит, что книга будет полезна только для того, кто прежде всего попытается заменить его (Альбала) французские ссылки и сопоставления соответственными выдержками и примерами из русской литературы.

Конечно, такая замена должна была быть сделана редактором (можно указать одну попытку на это: стр. 138, пример из Тургенева), но возлагать всю эту работу на неподготовленного читателя — значит сознательно делать книгу бесполезной.

Сама книга далеко не первоклассна. Автор ее стоит на точке зрения неизменности законов и даже правил стиля, т. е. думает, что писали всегда одинаково, а если писали иначе, то ошибались.

Таким образом оказывается, что нужно избегать (всегда) „повторенный слов“, хотя и у лучших писателей нет в них недостатка, настолько в этом отношении притуплено внимание“ (стр. 77).

Если читатель этой книги начнет после этого изучать литературу, то узнает, что повторения — правило для „Библии“, для „Калевалы“, для русского, так-называемого народного творчества, что они же правила для Гоголя, и ими же широко и сознательно пользовался Лев Толстой.

Но Альбала этим не смущается, он на одной странице (94) исправил Расина, Ричардсона, Сервантеса и Софокла.

В другом месте Альбала говорит:

„Ясно, например, что нужно идти прямо к цели и избегать отступлений“. Однако, ими полон „Дон-Жуан“ Байрона. В „Жиль Блазе“ („Дон Кихот“ тож. В. Ш.) эпизоды занимают почти столько же места, сколько главное содержание. Этот слухос русский читатель конечно дополнит именем Пушкина („Воевод Онегин“), но Альбала не смущен, так как пошлость никогда не удивляется, (смотри „Русское Богатство“) он говорит: гений позволяет себе чуждость, в которых откавано простому смертному.

Превосходное изречение, так как почти все авторы, приведенные почтенным французом — гении. Итак, напишем вместо поэтики „Указ о вольности“. Пока же заметим. Некоторые отдельные указания почтенного французского правильны и говорят о том, что он все же родился не в той стране, где выходил „Вестник Европы“, но они даны знахарями, как отдельные случаи. Удачность Гомеровского описания можно попытаться объяснить умелым пользованием „несущественными деталями“; те образы, которые кажутся Альбала удачными, обычно основаны на реализации метафоры и т. д., сейчас же все эти отрывки, данные просто как достопримечательности, бесполезны.

Подвожу итог. Книга „Начатки литературной грамоты“ в том виде, как она предлагается А. Горифельдом (неподготовленному читателю) т. е. с переводными примерами из незнакомых писателей, бесполезна.

Если же ее снабдить (что может сделать редактор книги во втором ее издании) русскими примерами, то она может стать незаменимым руководством для всякого, кто захочет научиться писать так, как писали в „Вестнике Европы“ в „Русском Богатстве“.

В. Ш.

ПРОФЕССОРСКАЯ ХАЛТУРА.

(Литературные манифесты. I. Россия. От символизма до „Октября“. Изд. „Новая Москва“. Составили Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. Тираж 3000 экз. Стр. 303. Цена 2 р. 30 к. 1924 г.).

Имя составителя книги — проф. Н. Л. Бродского, казалось, должно бы гарантировать серьезный, если не научный, подход к собранию манифестов и деклараций различных литературных школ и групп, выступивших за минувшие двадцать пять лет.

Цель сборника — материал „для студий, кружков, стремящихся оформить свое литературное мировоззрение“ — заслуживает всяческого уважения, как пионерская попытка дать первую главу по истории новейшей русской литературы, могущую быть использованной в плане учебном и культурно-просветительном на рабфаках, в вузах и рабклубах.

Несмотря на все эти данные, сборник представляет собою бессистемные перепечатки из различных изданий, к собранию и расположению которых составитель не приложил никаких критериев. Механическая выборка материалов и расположение их в хронологическом порядке — вот в чем выразилась „работа“ составителей.

В сборник вошли манифесты и декларативные статьи и стихи, следующие „школы“:

Символизм, акмеизм, футуризм (эго, кубо и леф); имажинизм, экспрессионизм (Ип. Соколов); блокосмизм, лиминизм (?); ничевки, формализм (?); классицизм (точнее т.-н. „нео-классицизм“ А. Эфрос и пр.); Серапионовы братья, эмоционализм (?); футуизм (?); конструктивизм (Чигерин, Чагаева и пр.) и пролетпроэзия („Кузница“, „Октябрь“ и „Литературный фронт“).

Всему этому вингрету предшествуют (на торжество „научному“ объективному, повидимому) две статьи: В. Соловьева „Общий смысл искусства“ и Г. В. Плеханова „Экономика и искусство“ (идеалистический и марксистский подход к искусству).

50

В предисловии „от составителей“ — юмористическая благодарность В. Ф. Никитиной и В. Львову-Рогачевскому, „передавшим в наш сборник рукописный манифест луминистов“.

Рискуя быть обвиненными в невежестве, мы должны сознаться, что впервые услышали о существовании этой „школы“ и „знаменосцев луминизма“ поэтов Кисина, Майзельс, Рещикова, Мачгета и Кугушевой.

Если бы мы гнались за профессорской благодарностью, мы могли бы удвоить, учетверить, удесатерить эту книгу, передав составителям кипы деклараций и манифестов, авторы которых не нашли для себя тишографий, ограничавшись чтением своих произведений родным, знакомым и Львову-Рогачевскому.

В какой мере декларация луминизма, форми-либризма, биокосмизма, эмоционализма, фундама и других семейных объединений характерны для тенденций современной литературы?

Неужели проф. Бродский серьезно думает, что эти декларации могут пригодиться для студий и кружков, могут помочь „оформлению литературного мировоззрения“, а не в конце запутать его?

Совершенно непригодной в учебном плане делает книгу отсутствие всяких хотя бы самых элементарных примечаний и критических комментариев. Снесите эту книгу в литкружок любого рабклуба, рабфака, вуза — там не сумеют даже приступить к ней, а не то что использовать ее. Статьи Вл. Соловьева и Плеханова не спасут положения; мы считаем вредным, совершенно недопустимым с точки зрения полит-просветительной работы пускать в кружки указанных типов метафизические статьи Вл. Соловьева, Брюсова и Вяч. Иванова без соответствующих разъяснений о их философии и эстетически-реакционной сущности.

Можно было бы привести много примеров нагнетательной неряшливости составителей. Так например, в отделе футуризма из 70 страниц более половины занимает Северянин и его эго-футуризм, а заумь, кубо-футуризм и леф уместаются на 30 стр., включая сюда и стихотворные „приказы“ Маяковского.

То, что парфюмерно-кондитерский „эгим“ Северянина умер еще до революции, а группа кубо-футуристов, переформировавшихся в леф, и в настоящее время является наиболее активной и наиболее вызывающей интерес в передовых кругах коммунистического молодняка — это обстоятельство ни мало не учитывается мастазами составителями.

Обилие программных стихов Белого, Брюсова, Северянина и ни одного стихотворения Вяземского в отделе пролетпрозаики!..

Так под маркой псевдо-беспристрастности и псевдо-научности халтурят профессора, выпуская книги под своим именем, не проделав никакой работы над собранным материалом.

Вл. Силаев.

ФАКТЫ

МАСТЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ.

„Мы говорим: наше дело в области школьной есть также борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики есть ложь — лицемерие“.

(И. Ленин. Речь на 1-м Съезде по просвещению 25/VIII—18 г.)

„Нам нужен марксизм + американизм“.
(И. Бухарин.)

.... Было бы ошибкой сейчас, без подготовительной кампании, перестраивать весь Вхутемас и даже наиболее темное его место — живописный факультет, по этим принципам, но это совсем не значит предоставить ему наживать самого себя, тем более на государственный счет.

Наиболее сознательному коммунистическому студенчеству нужно открывать широкую кампанию за новый путь, необходима пробная практическая вылазка на этот путь.

Этой вылазкой и является Мастерская Революции.

(Из доклада коммунистического коллектива на ячейке Вхутемас 12/XI—23 г.)

Первой и основной своей задачей мастерская считает ответить на все художественные запросы, выдвинутые революцией.

Мастерская должна стать рупором художественно-революционной и коммунистической мысли, ее цель подготовка кадра молодых социально определившихся художников организаторов для борьбы, средствами зрительного воздействия за революционные завоевания рабочего класса.

Кадра художников агитаторов и пропагандистов, умеющих ответить на практические потребности революции.

Кадра художников, производственников, поставивших себе целью широкое социальное и культурное воздействие на массового зрителя.

Кадра художников, вооруженного до зубов всеми достижениями науки и техники сегодняшнего дня*).

Эти запросы составленного и объединенного рабочего класса, пусть их квази-ученые и образованные профессора называют тенденциозными, (тематическими, недостойными высшей школы, которая в первую голову разрешает задачи формальные. М. Фаворский) имеют свои художественные потребности, никоим образом не укладывающиеся в формы той метафизической

* Более подробно хотя и неполно развивает эти вопросы тов. Дженсон, в статье Искусство — журнал Время, № 6.

51 50

казуистики, какие пытается установить одна из теперешних вхутемасских программ. (До такой степени метафизической, что например, на основном отделении почти все преподаватели невыполняли задания, не говоря преподаваемой программы).

О искусстве в революции до сего времени только легонечко тугендхольдили; реально почти ничего не сделано, если даже взять наиболее заметную область плакат, да и сделать ничего невозможно поскольку на этот вопрос не ответила школа.

Малейшая попытка в этом отношении встречала гору неприятств со стороны профессорской премудрости. С некоего неарного благословения у нас считается в моде ругнуть молодяка, с беззаветной храбростью выступающий на идеологическом фронте, это конечно чрезвычайно на руку всем сменопутчикам. А не мешало бы и им предъявить некий контр-счетчик, а что же вы господа хорошие за это время сделали — покажите ваши устремления, ведь вам доверяли в школах новую рабочую молодежь — ничего кроме старой жвачки нет. Покажите хотя лично вашей частой преемственной не тенденциозной, не тематической, внеклассовой культуры о которой вы так сладко иногда даже в советской прессе распеваете и этого нет. Чему же тогда вы учитесь? Вот в чем суть дела.

Ученые колпаки несомненно будут обвинять нас: вы суживаете задачи „чистого“ и „самодовлеющего“ искусства выводя его из строя культуры и придавая ему утилитарное значение. Во-первых наши понятия о культуре диаметрально противоположны, во и с их точки зрения они стреляют впустую. Мы не отказываемся работать над формой, но ее можно изучать не только на задах натурщица.

НЕМНОГО ИСТОРИИ.

1923 г.

- 28/II. После коротких прений по существу комячейка Вхутемас выделяет организационную тройку активных товарищей для организации молодых художников, для реальной борьбы против всякой художественной калтуры.
- 1/III. Заседание тройки, тройка образует художественно-идеологический коллектив — основное ядро вокруг которого мыслима организация художественной молодежи принимающей коммунистическую идеологию.
- 5/III. Принятое решение коллектива по организационному вопросу для рационального выполнения заданий ячейки, необходимо иметь твердую базу для реальной работы, это даст возможность наиболее точно формулировать платформу коллектива. Эту базу можно и должно строить в местах наиболее угрожаемых.
- 18/V. Экстренное собрание коллектива, первый разбор набросков проектов мастерской.
- 31/V. Коллектив формулирует основные положения, цели и задачи Мастерской Революции.
- 3/VI. Первый разговор с правлением Вхутемас'а по поводу проекта Мастерской Революции, правление принципиально против „тематического искусства“, но для окончательного отказа нет кворума.
- 10/VI. Правление рассматривает поданную коллективом записку о Мастерской Революции, решение откладывается до предварительных переговоров и предоставления не суммарных программ.
- 25—27/VI. Доклад коллектива на бюро ячейки о ходе работы. Резолюция бюро ... считать своевременным и необходимым организацию при Вхутемасе специальной Мастерской Революции.

Июль. Правление имеет принципиальное суждение „по поводу“; кворум есть; принципиального отношения нет.

19/IX. Правление принципиально „за“ нет кворума.

21/IX. Кворум правления есть, но кворум спешит на поезда, вопрос откладывается до вторника.

23/IX. Расширенное собрание коллектива: не сдадимся, выдержим, победам.

24/IX. Коллектив принимается за созыв кворума, но...

25/IX. Вторник, кворума правления нет.

27/IX. Объединенное заседание правления и бюро ячейки; в принципе Мастерская Революция принимается, но для „окончательного“ решения вопрос снова возвращается в правление.

28/IX. Правление в кворуме; окончательная информация о Мастерской Революции, дается обещание об окончательном ответе в..... новый вторник.

2/X. Вторник, в правлении ни кворума, никого нет.

4/X. Правление... хотя... но... с другой стороны... все же... во всяком случае предлагает принять участие в программой комиссии.

Средняя Правление на всякий случай, на всякий верный случай, закрепляет декоративное отделение (где предполагалось устроить Мастерскую Революцию) за Лентуловым в Купряном.

31/X. Доклад коллектива на бюро ячейки о программе мастерской. Резолюция бюро... подтвердить постановление бюро о необходимости организации мастерской революции.

12/XI. Доклад коллектива на общем собрании ячейки о программе и методах мастерской революции. Из резолюции считать организацию мастерской революции желательной... мастерская должна стать идеологическим маяком ячейки... Практическое проведение поручать бюро ячейки.

Итого 22 заседания в течение 8 месяцев и 15 дней, а всего 1 год, 1 месяц и 12 дней и мастерская революции пока еще правлением не утверждена.

НЕМНОГО ТЕОРИИ.

Над программой Высшей Художественной Школы бьются около пяти лет, срок хотя и не большой но совершенно достаточный для бесчисленного провала всевозможных программ и программочек. Эти провалы обуславливаются главным образом тем, что почти ни одна из них не ставит и тем самым не отвечает на основные вопросы, без разрешения которых, строго говоря, и не может быть никаких программ. Эти вопросы о роли Высшей Школы в Советском Государстве (строится преимущественно по типу профессионально технической — приспособленной для непосредственного обслуживания практически хозяйственных и бытовых нужд страны. Ходорская) и о роли искусства в революции и производстве в организационной их связи; или говоря проще применительно к нашему случаю, о той совершенно конкретной производственной деятельности, в которой будет работать обучающиеся по данной программе.

Бросается в глаза и другой факт—это необычайная перегруженность программ. У нас сейчас мода влипать в программу массу предметов совершенно к данной специальности не относящихся. Такая перегрузка является результатом полного непонимания элементарных основ и школы и программы и неумения мало-мальски критически подойти к вопросу. Вследствие огромной массы этих теоретических предметов, никоим образом не связанных с практически производственным обучением, происходит то, что мы и наблюдаем хотя бы на примере Вхутемаса—полный отрыв теории от практики.

Когда такой теоретический отрыв сокращает вам практическое обучение, он необходим, но когда он отрывает нас ради самой теории, какими бы названиями она не прикрывалась, будь то „государственное право“ читаемое во Вхутемасе или какая-нибудь теория минимостей, (тоже протескаемая во Вхутемасе) все равно, если она не связана с практической деятельностью, будет вредной учебой.

Таким образом мы ясно становимся на одну позицию: беспощадно сокращать всякую схоластику, всякий балласт, ни на минуту не упуская из виду практической цели обучения, применяя все научные методы ускоряющие достижение поставленной цели.

Побольше практической работы над конкретными производственными заданиями в условиях сегодняшнего дня.

В нашу непосредственную задачу не входит общий разбор программ Вхутемаса, их пока еще не (и хотя бы по этому наша мастерская не может ломать Вхутемас с его необычайной, по мнению некоторых стройностью), но полутво можно указать, что Вхутемас как и показывает его название Высшие Государственные Художественно-Технические Мастерские имел когда то стремление революционизироваться в указанном выше направлении, но в силу многих обстоятельств его стремления так и повисли в воздухе, все более теряя под собой реальную почву. Спереди (по названиям) блажен муж, а сзади (по фактическому состоянию дела) всякую шатаешься. То обстоятельство что, вачав с лаборатории и объективного метода преподавания с определенно взятым производственным уклоном, докатились до ученических рассуждений супрематистов (смотри формулировку программ цветового и графического компонента) служит лучшим доказательством отрыва Вхутемаса от его задач.

КОЕ КАКИЕ ФАКТЫ.

После того как была подана докладная записка в правление Вхутемаса о Мастерской Революции летом прошлого года, все определенной намечается необходимость поворота курса: Сперва против нас и принципиально и практически были все за исключением небольшого количества отставшего коммунистического студенчества. Против нас были пущены все методы от своловинской тактики до уттерприншебеевского окрека включительно, но ничего не помогло, все известней намечается развал Вхутемаса (само правление должно было два раза констатировать не выполнение программ преподавателями основного отделения и „принять де-юре“, что никаких программ специальные живописные мастерские не имеют (за исключением двух Шевченко и Кардовского, может быть потому, что они были в комиссии осматривавшей работы живописного факультета) и не желают иметь. Все это, разумеется, не может не отражаться на настроении студенчества, то тут то там пытающегося найти выход из создавшегося положения. Эти настроения учитываются, на них дается посылный ответ, но разумеется он не достигает цели и студенчество снова бурлит.

1. Левая профессора тоже подала проект конструктивно декоративной мастерской, по нашему мнению немного половинчатый, недодуманный до конца подход к мастерской с точки зрения своего направления конструктивистического стиля, но разумеется для правления он тоже оказался не подходящ.

2. На собрании ичейки в августе 23 г. Фаворский в докладе об общей программе Вхутемаса „уже“ считает своевременным реформу декоративного отделения с вводом туда конструкции... кино ибо это вызывается жизнью.

3. Мемориальное отделение живописного факультета, будучи под руководством П. Кузнецова, (под руководством очевидно идейным ибо технически Кузнецов ставковый живописец) выполняло темы о богатом и бедном Лазаре, а стояло только Кузнецову уехать за границу, по инициативе студентов появляется революционная тема и студенты с большим энтузиазмом принялись за ее разработку.

4. Тако и абсолютно безболезненно скончались Записки Вхутемаса предполагавшие обслуживать широкое русское общество, утонув от слишком глубокого подхода к вопросам, как выяснилось ничего общего с коммунистической линией не имеющего.

5. Что положение с „живописью“ обстоит довольно плачевно не только во Вхутемасе, но вообще, доказывается отчетом ИЗО Пролеткульта. (Горн № 9) Идеологический орган партии, как себя называет Пролеткульт, в области ИЗО занимается подсчетом мазочков Сезанна и пассажи Лавинского, „применяя“ это на практической работе!

ВЫВОДЫ.

На живописном факультете Вхутемаса обучается на „гений художника“, на меньшем никто не мирится, около 700 человек. Статистика говорит, что на них будет работать по специальности художника-живописца в лучшем случае пикот, остальные, за вычетом учителей рисования, будут табуреточные кавалеристы, ибо они не обучены тому, в чем есть потребность, они только умеют, да и умеют ли еще, писать зады натурщик. Давайте приспособим их, научим их работать в интересах революции тому, в чем есть необходимая потребность, используя при этом индивидуальные наклонности каждого. Давайте поставим их на действительное творческое взаимодействие.

Мастерская Революции наиболее полно, наиболее широко ставит вопрос об участии искусства в революции; она не ограничивается одной постановкой вопроса, а как действительно революционная мастерская со всей энергией борется за утверждение ее хотя бы на равных со всеми другими мастерскими Вхутемаса основаниях.

Мы уверены, что че ее несколько лет на развалинах теперешнего Вхутемаса будут три основные факультета: Агитационный вырастет из Мастерской Революции и впитает в себя теперешние живописный и скульптурный факультеты, затем Архитектурный и Индустриальный, объединивший все производственные факультеты.

Мастерская возникает для выполнения художественных потребностей революции, она будет пулеметом в руках рабочего класса, выпускающим красных спелов, она будет выпускать техников революции.

Нас не устрашает учений писк, которым стараются прикрыть собственное убожество ученые колпаки, мы уверены, что наша мастерская не залезит под сукно, как этого многих хочется. На нас работает время. Чем дальше прячут мастерскую под сукно, тем известней проявляется она с другого конца.

Коммунистический Коллектив

Организаторов Мастерской Революции { Сергей Сеньнин.
Густав Клуцис.

8 февраля 1924 г.

Оглавление.

I. Программа.	Стр.
Не торгуйте Лениным!	3.
II. Практика.	
Д. Петровский. Песня червоных казаков.....	5.
В. Каменский. Гимн 40-летним юношам.....	7.
Б. Пастернак. Высокая болезнь.....	10.
В. Степанова. Вечер книги.....	19.
С. Третьяков. Рычи Китая.....	23.
А. Родченко. Плакаты.....	34.
А. Веселый. Вольница.....	36.
И. Бабель. Мой первый гусь.....	48.
Бр. Веснины. Прозект „Аркос“а.....	51.
III. Теория.	
В. Шкловский. Ленин, как деканонизатор.....	53.
Б. Эйхенбаум. Основные стилевые тенденции в речи Ленина.....	57.
Л. Якубинский. О снижении высокого стиля у Ленина.....	71.
Ю. Тынянов. Словарь Ленина-полемиста.....	81.
Б. Казанский. Речь Ленина.....	111.
Б. Томашевский. Конструкция тезисов.....	140.
V. Книга.....	149.
IV. Факты.....	155.